

Вторая
онлайн
методологическая
конференция
посвященная
памяти
Г.П.Щедровицкого

Тексты докладов
23 февраля 2016 года

**Доклады на второй онлайн методологической конференции,
посвященной памяти Г.П.Щедровицкого.**

Доклады, которые прислали на 2-ю онлайн Методологическую конференцию памяти Г.П. Щедровицкого:

1. Вячеслав Дмитриев. «Анонсический проект развития щедровитянства в 21 столетии»
2. Александр Зубарев. «Г.П.Щедровицкий и Философия И.Г.Фихте»
3. Любовь Цой. «Причины коммунального конфликта в online коммуникации»
4. Владимир Никитаев. «Гегель, рефлексивные петли, узлы и конец истории»
5. Игорь Косенко. «Естественный процесс. Карта причинно-следственных связей»
6. Сергей Чумаков. «Гражданский подвиг Сократа»
7. Петр Королев. «Опыт хронологического исследования и разработки конструкции маркера года»
8. Ю.М. Берёзкин. «Метафинансы: постановка проблемы»,
- 9 Ю.М. Берёзкин. «Не будь встречи с ГП, жизнь моя сложилась бы иначе»
10. Дмитрий Куликов. «Точка опоры»
11. Агу Виссель и Валдо Руттас. «К памяти Георгия Петровича, из Эстонии»

В этом сборнике мы публикуем тексты докладов 1-4 и 6-10

Доклад 11 написан в жанре комментария к видеообсуждению двух авторов, доклад 5 представляет презентацию из 7 слайдов.

П.М.Королев, составитель.

Не будь встречи с ГП, жизнь моя сложилась бы иначе*.

Берёзкин Юрий Михайлович[†]

“Теперь, оглядываясь назад, в то «героическое время», я отчетливо осознаю, что не будь встречи с ГП в 1988 г., жизнь моя сложилась бы совершенно иначе.”

Шла весна 1988 года. На улице ярко светило солнце. Звенела капель. Мне только что исполнилось 40 лет. За спиной был престижный Новосибирский университет, который я окончил в 1971 г. по модной тогда специальности «экономическая кибернетика». Была уже давно защищена кандидатская диссертация. Меня приняли в партию и назначили завлабом. Причем, лабораторию разрешили создать из друзей, как и я – фанатиков от науки. В стране во всю бушевал «ветер перемен». Жизнь казалась полностью состоявшейся, и ничто не предвещало того, что со мной стряслось буквально через месяц.

Я сидел в своем кабинете и «вымучивал» текст «Концепции развития города Иркутска на период до 2000 г.». Это был важный заказ горисполкома. Начальство постоянно интересовалось, когда же, наконец, проект Концепции можно будет обсудить «широкой общественностью» и официально утвердить. Но текст, как назло, не получался. Чем дольше я и мои друзья-коллеги сидели над ним, тем больше возникало вопросов: Что такое город? Что значит его развитие? Чем концепция отличается от других документов? И т.д., и т.п.

Вдруг в дверь моего кабинета постучались. Вошел молодой человек. Представился: Марк Григорьевич Меерович, иркутский архитектор. Сказал, что слышал о работе над Концепцией города Иркутска и хотел бы помочь в ее создании. Я спросил: «Чем?» Ответ был совершенно неожиданным. Он предложил мне съездить на организационно-деятельностную игру в г. Набережные Челны, которая должна была состояться через неделю как раз по интересующей меня тематике. И сказал, что проводить мероприятие будет сам Георгий Петрович Щедровицкий. Это имя я

* Статья представлена автором для участия во 2-й он-лайн конференции памяти Г.П.Щедровицкого (23 февраля 2016 г.) Дмитрий Куликов - методолог, политолог, политический консультант

[†] д.э.н., профессор, зав.кафедрой финансов финансово-экономического факультета ФГБОУ ВО "Байкальский государственный университет",

слышал впервые. Оно мне ни о чем не говорило, но я заинтересовался предложением. М. Меерович вручил мне пригласительный билет на игру и ушел. С командировками в то время проблем не было. Так я попал на первую в своей жизни ОДИ.

Помню в деталях свою встречу (точнее, стычку) с ГП в первый же день игры. Он делал установочный доклад. То, что говорил Георгий Петрович, никак не совмещалось с моими представлениями: якобы, главная проблема страны вовсе не во введении рыночных отношений; что для развития города Набережные Челны (как и других городов) нужно, прежде всего, мышление, а не деньги; и т.д. и т.п. Я сидел в середине зала, где было еще примерно 150 человек, и медленно «закипал». Наконец, не выдержал и крикнул докладчику, что с его тезисами не согласен. До сих пор помню, как ГП «выстрелил» в меня своим пронзительным взглядом, от которого побежали мурашки. Он повернулся в мою сторону и неожиданно мягко спросил, в чем и почему я не согласен? На мои уверенные слова, что «вот придет рынок и все будет, как в любой цивилизованной стране», он не стал возражать, а сказал, что всё это мы подробно обсудим во время игры, и пожелал мне активно отстаивать свою позицию. Я был окрылен и с головой погрузился в игру. Игротехником мне был назначен (как выяснилось много позже) опытный Николай Андрейченко. Он оказался на редкость интересным собеседником. А на общих заседаниях я выступал с докладами каждый день и постоянно чувствовал к себе внимание и поддержку ГП.

9 игровых дней пролетели как один миг. Когда я ехал домой в Иркутск, был уже твердо убежден, что мне посчастливилось познакомиться с величайшим (из всех, кого я знал) ученым современности. Приехав домой, я собрал сотрудников своей лаборатории и торжественно объявил, что «отныне работать будем по-другому и над другими проблемами». Встретив недоуменные взгляды своих друзей-коллег, я стал долго и восторженно рассказывать о том мероприятии, на котором побывал. Однако, чем дольше и обстоятельней я говорил, тем прочнее вставала стена непонимания между мной и моими подчиненными. Еще несколько попыток проведения «методологического ликбеза» в лаборатории кончились тем, что все до одного сотрудника написали заявления о выходе из моей лаборатории. Я оказался «ротным без роты». Мои друзья от меня отвернулись и перестали даже здороваться, когда окончательно убедились, что я «для науки пропал».

Но даже это меня не «образумило». Я стал посещать иркутский методологический семинар, которым руководил Марк Меерович. Никогда раньше не читал философскую литературу, а тут появилась какая-то непреодолимая тяга к «затыканию брешей» в моем (как я уже понимал) не очень хорошем образовании. Стал запоем читать методологические тексты, отпечатанные на машинке, которые мне давал Марк. Был на вершине счастья, когда узнал, что в Иркутске намечается уже в ближайшее время Байкальская экологическая экспертиза в форме ОДИ, которую должны были проводить ученики ГП – С.В. Попов и П.Г. Щедровицкий. Все, что меня раньше интересовало, перестало занимать. Я просиживал за

методологическими и философскими текстами, за магнитофонными записями с разных ОДИ чуть ли ни сутками. Это всё, разумеется, не оставалось незамеченным, прежде всего, со стороны парторганизации. И хотя мой непосредственный начальник Фильшин Г.И. старался не форсировать события и даже разрешал ездить на очередные игры ГП и СВ (за что я ему благодарен), но тучи над моей головой постепенно сгущались. Когда же по нашей с Марком инициативе горисполком согласился обсудить Концепцию города Иркутска на оргдеятельностной игре (её в феврале 1989 г. провел С.В. Попов), которая кончилась полным разгромом концепции, назревавший почти год конфликт с начальниками всех уровней стал неизбежным. В конце-концов на очередном партсобрании, где меня собирались в очередной раз «прорабатывать», я бросил на стол партбилет и ушел. Затем уволился из Отдела региональной экономики и, вообще, ушел (как я думал, навсегда) из науки. Даже с женой развелся, поскольку она тоже стала считать меня сумасшедшим. Но продолжал, тем не менее, ездить на игры ГП (в качестве игротехника) и игры СВ (в качестве «методологизированного эксперта»). Продолжал мучительно (и далеко не всегда успешно) осваивать методологические способы работы. Активно участвовал в местном методологическом семинаре, а также в подготовке целой серии ОДИ, которую СВ провел в 1989 – 90 годах в Иркутске и его окрестностях. Даже набрался наглости и провел сам (вместе Марком Мееровичем, Иваном Лисовым, Алексеем Ганом и другими иркутскими учениками ГП) игру по проблемам ЖКХ Иркутской области. Опыт был неудачным и больше я таких попыток не делал.

Теперь, оглядываясь назад, в то «героическое время», я отчетливо осознаю, что не будь встречи с ГП в 1988 г., жизнь моя сложилась бы совершенно иначе. Я, скорее всего, стал бы участвовать в социально-политических дрязгах. Может быть, полез бы в «депутаты местного разлива». Слава Богу (и ГП) – ничего такого со мной не случилось. Все эти последние 17 лет я сожалел только об одном: слишком поздно я встретился с ГП и его учениками-методологами. К сожалению, мне удалось побывать всего на трёх ОДИ, которыми руководил сам Георгий Петрович: в Набережных Челнах, в Паланге и в Ташкенте. Мне посчастливилось участвовать в двух методологических съездах в г. Киеве. Я был лишь на одном семинаре у ГП в Москве. Участвовал в организации трехдневных лекций ГП в Иркутске и, разумеется, был на них. И всё! Я посчитал: всего 35 дней виделся с Георгием Петровичем. Но как много уроков мне преподали эти дни! На каждой встрече я буквально физически ощущал, как он бережно поддерживал и направлял мои неуклюжие методологические потуги. Приведу лишь один, как мне кажется, показательный пример.

На втором съезде в Киеве я вызвался сделать доклад о различиях ОДИ, которые проводил ГП, с одной стороны, и СВ – с другой. И когда методологическое сообщество стало негодовать, слушая мои (как я теперь понимаю) нелепые ответы на серию заданных вопросов (я, например, заявил, что рефлексия к тому, что я говорил о типах игр, не имеет отношения, и утверждал другой подобный «бред неопита»), Георгий Петрович всех вопрошающих и негодующих остановил,

поддержал меня (совершенно незаслуженно), сказав, что в моих словах есть определенный смысл. «А что касается роли рефлексии, так Юрий Михайлович с этим обязательно разберется», – сказал ГП и улыбнулся. И это – на фоне того, как он жестко обходился со своими в сто крат более квалифицированными учениками! «Петр – мой любимый сын, а Сергей Валентинович – любимый ученик, но задушил бы обоих своими руками за то, что они творят на играх!» – это тоже слова ГП, брошенные им в зал на съезде в Киеве. Теперь понимаю: чем ты слабее, тем нежнее вел себя Учитель.

Я, конечно же, никогда не считал и сейчас не считаю себя методологом. До этого уровня, увы, даже близко не дорос. Но Георгий Петрович и методология, которую он со своими коллегами из ММК породил, радикальным образом изменили всю мою жизнь. Я теперь в принципе не боюсь выходить на любую аудиторию и обсуждать любые общественные проблемы, заведомо зная, что сильнее любого «научника» или начальника. Я теперь не могу говорить в аудитории без понятий и без методологических схем. У меня даже стандартный финансовый менеджмент, который я читаю студентам и слушателям системы дополнительного образования, стал совсем нестандартным. Я совсем другими глазами стал смотреть и на науку, и на те реформы, которые то ли идут, то ли уже прошли по стране. Я смог успешно защитить докторскую диссертацию по финансам, в которой красной нитью проходят методологические идеи ММК. Я стал профессором кафедры финансов Байкальского университета экономики и права. Я горжусь, что моя книга «Проблемы и способы организации финансов» висит на сайте «Методология в России» рядом с работами Георгия Петровича. И всего этого не было бы, не случись той встречи с Учителем в Набережных Челнах.

Берёзкин Юрий Михайлович (1948 г.)

Точка опоры[‡].

Дмитрий Куликов[§]

«У нас есть своя философия» — такую фразу могут произнести далеко не все представители народов и наций Земли. Более того, таких народов и наций считанные единицы. В том, что у представителей нашей страны есть своя национальная философская школа, огромная заслуга человека, которому в этом году исполнилось бы 90 лет^{**}.

В начале XX века русская философия, или русское мировоззрение, оказывается, с одной стороны, под сильным влиянием импортированного в Россию марксизма и, с другой — собственно русская религиозно-философская мысль начала оформляться в самостоятельную мировоззренческую школу, преодолев к этому времени «детские болезни» в виде замены философии литературой (пусть и великой) и бессмысленной и беспощадной псевдофилософской (на самом деле — идеологической) дискуссией между так называемыми западниками и так называемыми славянофилами.

Однако Октябрьская революция и «философский пароход» лишили Россию второй из двух указанных мыслительных практик. Оставшийся в стране в качестве единственно верного мировоззрения марксизм к началу 30-х годов был догматизирован и вульгаризирован. По словам самого же Зиновьева, идеологизация советского народа путем вульгаризации марксизма — одно из высочайших достижений советской власти и лично Иосифа Сталина на пути строительства нового общества и новых общественных отношений. И если в таком виде (сильно вульгаризированный и догматизированный) с идеологической функцией марксизм к концу 30-х еще неплохо справлялся, то развитие общественных процессов и структур он, конечно, уже не обеспечивал и обеспечить не мог. То есть вульгарный марксизм перестал быть философией, оставшись лишь идеологией. Это означало,

[‡] Статья представлена автором для участия во 2-й он-лайн конференции памяти Г.П.Щедровикого (23 февраля 2016 г.) Дмитрий Куликов - методолог, политолог, политический консультант

[§] Дмитрий Евгеньевич Куликов, российский политолог и публицист, политический консультант, специалист по Украине. Эксперт Комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками. Член Зиновьевского клуба МИА "Россия Сегодня". Соучредитель Фонда "Архив Московского Методологического кружка", член Попечительского Совета этого Фонда. Кинопродюсер, теле- и радиоведущий

^{**} Статья была напечатана в специальном выпуске журнала «Однако», посвященный 90-летию со дня рождения Александра Зиновьева на тему «Зияющая высота» (№ 33 (142), 12 ноября 2012 года

что, опираясь только на идеологию, находясь внутри этой идеологии, нельзя спроектировать нечто новое, нельзя сделать следующий шаг развития социального целого, страны и народа.

Поразительно, как тонко и остро это почувствовал студент МИФЛИ Александр Зиновьев. Именно став студентом в 1939 году, он начинает свою борьбу за «подлинный социализм и коммунизм». За выступления на студенческих собраниях был исключен из института и даже арестован. Спасся благодаря тому, что вступил ряды Красной армии. Прошел всю войну, был неоднократно награжден, вернулся в Москву в звании капитана и в 1946 году поступил уже на философский факультет МГУ.

После войны ощущение того, что советская философия больше не обеспечивает возможностей развития для страны, становится общим для многих студентов и аспирантов этого факультета. Все члены — основатели созданного в 1952 году на философском факультете МГУ Московского логического кружка (Александр Зиновьев, Георгий Щедровицкий, Мераб Мамардашвили, Борис Грушин) понимают, что переход непосредственно к новому этапу социального проектирования равносителен смертному приговору. Ставший окончательно «окаменевшим» в качестве общенациональной идеологии вульгарный марксизм остановился в своем развитии, а любая попытка сделать что-либо реальное в этой сфере была чревата известно чем. Поэтому и Зиновьев, и трое других «философских мушкетеров» проходят на факультете по кафедре логики.

Это было первое «гениальное» изобретение, позволявшее реально что-то делать в области исследования мышления, уменьшая при этом риск быть уничтоженным. Поскольку в логике практически никто ничего не понимал (из числа марксистских идеологов) и прямого отношения к социально-политическим вопросам логика как бы и не имела, то и спрос с этих логиков был гораздо меньше, чем с тех, кто занимался историческим материализмом или, не приведи господи, научным коммунизмом, — вот где не забалуешь. А вокруг кафедры логики царила атмосфера почти свободомыслия, и в установлении этой атмосферы большая заслуга самого Зиновьева и его друзей — коллег по Московскому логическому кружку.

И второе изобретение (не менее гениальное, чем специализация по кафедре логики) самого Зиновьева заключалось в том, что если невозможно развивать непосредственно советское общество и марксизм как управляющую идеологию, то надо развивать метод, с помощью которого был создан марксизм. Вот этот прием (по технике чисто философский, кстати) позволил Зиновьеву и другим членам МЛК далеко продвинуться в области исследования человеческого мышления уже на уровне своих диссертаций и дипломных работ.

Но для того чтобы развивать метод мышления (исследования), которым пользовался Маркс при написании «Капитала», сначала нужно его (этот метод) вычленить (как говорят философы, отрефлексировать) в качестве такового, исследовать и объективировать. Никогда до Зиновьева (и насколько мне известно, и после него) такая «наглая» и невероятно амбициозная задача в сфере философии не ставилась.

Кандидатская диссертация Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному» (на примере «Капитала» Маркса), защищенная в 1954 году, — блестящая философская работа, которая содержит в себе целую эпоху в развитии русской философии, определяет ее развитие на годы и десятилетия. Например, вся сорокалетняя деятельность Московского методологического кружка, организованного Щедровицким на базе уже упомянутого Московского логического кружка, одним из своих фундаментальных содержательных оснований рассматривала именно диссертацию Зиновьева.

Вообще эпоха сталинизма сослужила отечественной философии прекрасную службу, себе такой задачи не ставя. Поскольку любые попытки социального проектирования были запрещены, то единственное, что оставалось российским философам в XX веке, — разрабатывать средства и методы такого проектирования. Как бы работая на будущее. Как бы создавая впрок большой мыслительный ресурсный потенциал, которым можно будет воспользоваться, когда действительно придет время осуществлять новое социальное проектирование.

Иными словами, советская русская философия второй половины XX века за границей советской официальной и академической науки интенсивно разрабатывала средства и методы организации и осуществления человеческого мышления. Вклад Александра Александровича Зиновьева в эту философскую работу невозможно переоценить.

Основной объем исследований в области логики как науки о мышлении Зиновьев, по его же собственному мнению, проводит в период 1951–1975 годов, и эти его труды имеют признанное мировое значение. Параллельно с этой работой Зиновьева ведется деятельность Московского методологического кружка под руководством Щедровицкого, в котором в период с 1954 по 1984 год разработаны основные категории, понятия и схемы, способные организовывать современные человеческие мышление и деятельность.

В это же время Мамардашвили становится признанным мастером утонченного философского дискурса, а Грушин — основателем российской практической социологии (исследований общественного мнения). У истоков всего этого интеллектуального разнообразия и подлинного философского богатства находится Московский логический кружок, общепризнанным лидером которого был Зиновьев. Поставив перед собой задачу развития методов и средств человеческого мышления, основываясь на рефлексии марксизма, русская философская школа Московского логического кружка смогла разработать средства для адекватного «схватывания» и описания социальной реальности. В последних своих работах Зиновьев дает жесткую и очень четкую картину современного человеческого мира. В этом смысле впервые после Маркса Зиновьев предлагает нам действительную социологию (описание общественно-политического и общественно-экономического устройства) современного мира. Труды Зиновьева по способности ухватить суть исторического процесса, действительную сегодняшнюю его проблематику сильно превосходят все работы современных западных гуманитариев. Таким образом, опираясь на разработанные Зиновьевым средства организации мышления, мы можем иметь

действительную картину «того, что есть». Для того чтобы двигаться вперед, нам необходимо получить еще картину «того, что должно быть». Подлинная философия обязана обеспечивать ответ на этот вопрос.

Действительный запрос на новое социальное проектирование пока не сформирован. Европейской цивилизации еще нужно пройти через системный кризис, на пороге которого мы сейчас стоим. Именно этот системный кризис потребует от европейской цивилизации (а значит, и от России как от ее части) нового масштабного социального проектирования. Русская философская школа, основанная Зиновьевым и его коллегами на философском факультете МГУ в 1952 году, обладает всем необходимым для того, чтобы на основе ее работ была сформирована новая русская постмарксистская философия. Без интеллектуального вклада Зиновьева такая философия была бы просто невозможна. Это то единственное мыслительное наследие, на которое мы можем рассчитывать и на которое можем опереться, оказавшись перед вызовами XXI века.

Причины коммунального конфликта в online коммуникации^{††}.

Цой Л.Н.^{‡‡}

Преамбула.

В процесс подготовки ко 2-й online конференции памяти Г.П.Щедровицкого включились новые и незнакомые лица методологического сообщества из других регионов России и СНГ. Споры и столкновений, разных мнений и взглядов было много. Были остановки, рефлексивные паузы осознания причин недопонимания, различия и разности.

Как конфликтологу, мне было важно зафиксировать не только различия, но и конфликты в процессе самоорганизации новой виртуальной группы, а также проблемы в online коммуникации, в группе, которая поставила задачу совместно проведения мероприятия в online режиме.

Конфликт, который произошел в online группе, не был преодолен, 2 участника удалились из группы. Главная причина, на мой взгляд, это неспособность подчинить себя общему делу и отсутствие средств/моделей содержательной коммуникации в конфликтном взаимодействии.

Конфликтологический анализ коммуникации в группе, позволил зафиксировать методологические проблемы, связанные с НЕразличением, а иногда и тотальным отождествлением: коммунального и содержательного, НЕразличением (а может и незнанием) существования разных модусов коммуникации, определяющих естественные ответные реакции, что способствует разрушению коммуникации в конфликтной ситуации, которая не всегда разрушительна.

Данный текст подготовлен, как методический материал для решения конкретной задачи сетевых групп, созданных на принципах самоорганизации.

Первое конфликтологическое различие в online - коммуникации: наличие содержательного и коммунального компонентов.

Зафиксировав наличие коммунального и содержательного компонентов в коммуникации, мы задались вопросом, а чем они отличаются и что такое

^{††} Материал подготовлен для 2-й online конференции памяти Г.П.Щедровицкого (На примере подготовки ко 2-й online конференции памяти Г.П.Щедровицкого)

^{‡‡} канд.соц.наук, член-корр. РАЕН, научный консультант проекта "Конфликтменеджмент в управленческом консультировании", доцент кафедры УЧР ф-та менеджмента ГУ ВШЭ

«коммуналка», слову которого мы приписываем некоторое отрицательное значение.

Юлия Зубарева: Коммуналка ассоциируется с коммунальными квартирами, которые ходят в прошлое. А с ними уходит и тот быт, что их наполнял и тот опыт «общения» между соседями. Сейчас, «Коммуналка» ассоциируется с коммунальным платежом за квартиру. А если уходит опыт, то все сложнее объяснять новому поколению, что же такое коммунальное поведение. У нового поколения нет такого опыта «общения» непосредственно на коммунальной кухне.

На оргдеятельностных играх (ОДИ) словом «коммуналка» назывался определенный тип поведения некоторых участников игры. Объясняя, что стоит за «коммунальным» типом поведения, ГП Щедровицкий, обычно приводил пример, как ведут себя соседи на коммунальной кухне, на которой говорилось обо всем (кто, что и где купил, почем на рынке молоко, кто с кем живет, какие у кого кастрюли, кто и во сколько пришел домой, какие у кого дети, слухи и сплетни, были главным «блюдом»). И участники игры, через такой пример, ухватывали не понятие, а как бы эмоциональное отношение к коммунальному поведению, которое не ограничивает себя никакой темой или задачей. Коммунальное поведение, опознавалось через это эмоциональное восприятие и опыт, или точнее через эмоциональное неприятие.

После этого участники ОДИ старались не строить общение как «на коммунальной кухне» и возвращались к вопросу о том, для чего мы здесь собрались, какая есть задача и что нам надо делать.

На ОДИ коммунальное поведение переставало транслироваться как норма работы и культуры. А тех, кто не подчинялся этой норме, исключали из работы (или просто не тратили на них время, или не отвечали на их вопросы, или не замечали). То есть, «коммунальщики» в сообществе ОДИ становились «изгоями» и не принимались методологическим сообществом. Назвать поведение человека «коммунальным» было равносильно оскорблению. За этим стояло, что человек не может вести содержательную коммуникацию, и не может выйти в рефлексию и «посмотреть на себя со стороны», то есть он не сможет в результате выйти в Мышление. А так как коммуникация считалась средством выхода в мышления, а мышление было высшей ценностью ОДИ, то все, что вело к разрушению коммуникации, жестко исключалось из работы.

Скорее всего, какая то, часть установки на ОДИ, была спроектирована так, что бы выявить среди участников ОДИ «коммунальщиков». После Установочного доклада на игру, они обычно все «всплывали». На сколько, я понимаю, их принято было еще обозначать буквой «Г...» (тем, что всегда плавает на поверхности и не тонет). Их выявляли, и далее, если они и после объяснения ГП про «коммуналку», не меняли свой стиль поведения, то с ними переставали работать.

Зачастую самыми не довольными участниками ОДИ были «коммунальщики». Именно они, разносили негативную славу, слухи и сплетни о методологии, о ГПЩ и о ОДИ.

То есть, человек пришел себя показать, а ему это не дали, да еще потом говорили на непонятном для него языке (а он и не мог понять, так как даже не пытался). И какой результат - все плохо, это людям «дурят голову». Коммунальщик, он же «все знает и всегда прав».

Признаки коммунального типа поведения:

- Утверждения «Я всегда прав, я все знаю, вы не знаете»
- Не умение слушать
- Не умение вести диалог на понимание
- С легкостью переходят на личные оскорбления
- Всегда ищут повод для скандала. Внешне, иногда оформляют такой скандал как «Борьба за справедливость, порядок и т.д».
- Втягивают в свой скандал других.
- Влезают в чужие скандалы
- Устраивают борьбу (через скандал) за власть и авторитет на «общей кухне».
- Им нужна аудитория для скандала, что бы доказать свою правоту и показать чужое унижение.
- Если будет возможность, то перейдут от скандала к подлым поступкам.
- Не умеют (вовремя) останавливаться,
- Стараются по мелочи отомстить «соседям» за «все плохое»
- Вызывают чувство зависти, стыда, агрессии и вражды.

Еще на ОДИ для описания коммунальной ситуации использовали так же, словосочетание «Воронья слободка», в которой Ильф и Петров замечательно передали атмосферу коммунальной кухни.

Таким образом, в СМД подходе, коммунальное общение («коммуналка») – это такой тип общения, который не связан с деятельностью. Содержанием коммунального общения является выяснение отношений, сплетни, слухи, самоутверждение через создание коммунальных конфликтов, переход на обсуждение личностных характеристик другого.

Содержательная коммуникация связано только с мыследеятельностью (МД) или с профессионально-предметной деятельностью.

Для того, чтобы строилась содержательная коммуникация, коммунальное общение ограничивается модератором.

Но даже если мы имеем дело с содержательной коммуникацией, вовсе не факт, что нет почвы для возвращения в коммунальный слой общения.

Модус коммунальной провокации в содержательной коммуникации

Коммуникация как процесс последовательных взаимоориентированных во времени и пространстве действий, реакций, поведенческих актов, обмена информацией и ее оценкой, интерпретаций, взаимопонимания и понимания, обмена убеждениями и

взглядами осуществляется в разных модусах, определяющих отношение коммуникантов друг к другу. Перечислим основные поведенческие модусы, формирующие разные отношения, в зависимости от построения компонентов высказывания в содержательной коммуникации:

- *агрессивный модус поведения* - вызывает ответную аффективную реакцию защиты или нападения;
- *манипулятивный модус поведения* – вызывает ответную манипулятивную реакцию подчинения или властвования.
- *принуждающе-уступчивый модус поведения* - формирует состояние вины, обиды, сожаления;
- *директивный модус поведения* – вызывает ответную реакцию противодействия и сопротивления, недоверие и критику;
- *понимающий модус поведения* – вызывает эмпатию, ощущение сопричастности, сопереживания, доверия и открытости.

Можно сказать, что понимающий и директивный модусы поведения, в большей степени способствуют установлению содержательной коммуникации. Например, установление норм мыслительной, организационной и др. работы, а также подчинение им, требует директивного модуса поведения. Необходимо отметить, что ответные реакции на модусы поведения могут не демонстрироваться и не проявляться сразу, но как некоторые фильтры/установки определяют отношения между коммуникантами.

Таким образом, в сетевой коммуникации, данные различения и поведенческие модусы, могут способствовать осознанию потенциальных и актуальных конфликтов в online коммуникации.

Гражданский подвиг Сократа^{§§}.

Чумаков Сергей Иванович^{***}

Введение

Цель, ради которой я выкладываю этот текст, состоит в следующем: я очень заинтересован в восстановлении программы Щедровицкого Георгия Петровича, которая заключается не только в получении новых теоретических и практических результатов, но и в восстановлении СМД-движения, которое Георгий Петрович начал ускоренно форсировать, организуя методологические съезды.

Моё отношение к Георгию Петровичу примерно такое же, как и у Берёзкина Юрия Михайловича, описанное в материалах ко 2-му «сетевому» чтению, с той лишь разницей, что первое моё знакомство состоялось на полгода позднее, да и с женой я не развёлся, хотя после сокрушительных потрясений Гайдара, тучи неоднократно сгущались.

Несколько слов о вопросе, поставленном Тимофеем Сергеевым: «Зачем жил ГП?»

На мой взгляд это вопрос о смысле жизни и он отражен в работе «О возможных путях построения теории мышления как деятельности». Всю жизнь Георгий Петрович с друзьями строил «Теорию мышления», а ещё завещал продолжить это построение нам, нашим внукам, правнукам и т.д. А теперь вопрос зачем? У меня ответ следующий: «Поскольку наука, по его мнению, утратила свою ключевую функцию, а именно в построении адекватной эпистемологии, то необходимы новые подходы к выходу на круги своя». Новая область знаний – СМД-методология, которая не «хоронит» науку, а лишь направляет её в нужном направлении, обязана заниматься актуальными проблемами, стоящими перед социумом, особенно в той критической ситуации, в которой оказалась не только Россия, но и весь остальной мир.

^{§§} Материал подготовлен для 2-й online конференции памяти Г.П.Щедровицкого

^{***} Чумаков Сергей Иванович, кандидат технических наук, доцент кафедры системного анализа Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета)
srg_chumakov@mail.ru

Сократ

А теперь я вернусь собственно к заголовку. Так уж сложилось, что историческое время мы делим на две эпохи, до рождения Иисуса Христа и после. Так и в философии – всех философов до Сократа так и называют досократики. Историки говорят, что история не терпит сослагательного наклонения, её траектория уникальна, поэтому с их точки зрения бессмысленно обсуждать вопрос возник ли бы «платонизм», а далее учение Аристотеля, не выпей сознательно Сократ чашу с ядом. На мой взгляд, Сократ принёс себя в жертву, во имя идеи закона, и в этом смысл его гражданского подвига. Если я излагаю это не очень убедительно, то можно в этом убедиться, прочитав «Апологию Сократа» и «Критон». Таким образом, отсчёт философии как науки нужно начинать с Сократа, который подверг резкой критике деятельность софистов.

Аналогично Георгий Петрович критиковал научный мир, за отказ от социальной функции, направленной на решение актуальных проблем современности, прежде всего в области психологии, социальных наук и в практической деятельности. Хотя и в традиционной классической физике существует много проблем, которые замалчиваются или от них отгораживаются.

Почему я заостряю внимание на фигуре Сократа? В диалоге «Кратил» Сократ обсуждает проблему происхождения имён, что однозначно связана с проблемой, которую схематизировал Георгий Петрович в форме схемы «Знания», когда тому или иному объекту сопоставляется знаковая форма, которая «схватывает» ту или иную сторону объекта. Начал это обсуждать Георгий Петрович в одной из первых своих работ «Языковое мышление и его анализ». По желанию, высказанному к прошлогоднему чтению, я попросил свою студентку Татьяну Железнякову сделать аудиофайл этой работы, который, с её разрешения, предлагаю прослушать участникам 2-й сетевой конференции. Не обессудьте, если вам не понравятся некоторые шероховатости.

Важно не только отображение объекта в знаковой форме, но ещё более важна интерпретация знаковой формы, прежде всего для построения очередной, более сложной формы, и особенно для процесса коммуникации. Вспомните эпизод из доклада Георгия Петровича на первом съезде, когда он кактус назвал капустой. И хотя он сказал, что для него неважно как вы его назовёте, лишь бы поливали вовремя. На самом деле, для коммуникации это очень важно, поскольку, если вы попросите полить капусту, кактус окажется не политым, возникает ситуация непонимания, что для коммуникации неприемлемо. Я неоднократно наблюдал, как в методологическом сообществе, одно и то же действие, разными людьми интерпретируется совершенно противоположным образом, а это основа для конфликта.

СМД-движение

Когда после социальных потрясений, спасибо Сергею Норкину, я стал ездить на Чтения в Москву, первый вопрос, который я задал Петру Щедровицкому, почему

разрушился тандем с Сергеем Поповым? Пётр ответил, что он неоднократно предпринимал попытки восстановить этот тандем, но всё безуспешно.

С чем это связано? С чем угодно, гадать здесь можно долго и безуспешно. Вспоминаю слова Сергея Попова в феврале 1994-го (возможно я их немного искажаю, но надеюсь, смысл верен): «Многое, что мы делали, не то и не так». Возможно, здесь разгадка. Но одно дело конфликт между методологами, совсем другое между Турцией и Россией. Только, что прочитал в Интернете заявление Эрдогана: «Турция имеет право уничтожать террористов на чужой территории». До сих пор, открыто этим правом пользовались только США, причем это право им никто не давал, они сами его взяли, не ставя заранее в известность очередную страну. Один из существенных моментов возвышения турецкой империи – это особые воинские подразделения, созданные из пленных сирот – янычары. Повторит ли Европа эту технологию, канализируя ненависть беженцев против России? Пока пропаганда раскручена – во всём виновата Россия.

Восстановить программу развития СМД-методологии можно и нужно. А для этого нужно решить социальные проблемы, стоящие перед обществом:

1. Сохранить тот хрупкий мир, который пока ещё есть.
2. Восстановить национальную экономику.
3. Спроектировать и построить новое общество, лишённое социальных противоречий.

И так как все три проблемы тесно связаны, без системного подхода здесь не обойтись.

Если решение 2-й проблемы пока безуспешно пытаются найти в рамках Московского экономического форума (МЭФ 2013,2014,2015), первая проблема решающим образом зависит от грамотных действий правительства, которое действует преимущественно оперативно-тактически, по крайней мере, не без стратегических ошибок. То решением 3-й проблемы, по крайней мере, публично в приемлемом ключе не занимается никто.

В группе технологии мышления была попытка обсудить, что есть гражданское общество, которая ничем не кончилась и быстро свернулась из-за кризиса на Украине. Сложность обсуждения этой темы, прежде всего, в отсутствии конструктивной коммуникации, а возможно и мотивации. Идеальное государство давно описано у Платона, хотя реализация его на практике в Сиракузах для него чуть не окончилась трагедией. Гегель считал, что идеальное государство должно быть в форме монархии. Обсуждая проблему, конструирование будущего, задаю в игровой форме вопрос, в каком государстве монархия удержится дольше всего? Я думаю не в Великобритании, которая, по крайней мере уничтожила три ведущих монархии: в России, Австро-Венгрии и Германии. Как говорят не рой яму другому... К тому же в одном из обсуждений выплыли существенные противоречия между интересами США и соединённого королевства, хотя внешне они самые близкие союзники.

А теперь вопрос с кем можно это обсуждать? Вспоминаю шутку Петра во время доклада Славы Марачи на Чтениях. Бойцов то нет, один боец, да и тот Марача. И

действительно, как у Аркадия Гайдара, в его произведении «Мальчиш-Кибальчиш» (Эй вставайте, кто-там ещё остался, нам бы ночь простоять, да день продержаться). Спрашивается почему? Могу констатировать то, что осталось от семинара в Ленинграде, который возник после лекций Георгия Петровича в 1988 году: одни умерли, другие ушли в религию, кто-то после игры в Сургуте стал неизлечимо болен, а кто после реформ Гайдара ушёл в бизнес, одни преуспевают и сейчас, а другие закончили плохо, но в СМД-движении осталось людей очень мало. И это не смотря на то, что Георгий Петрович неоднократно приезжал в Ленинград, проводились ОДИ, правда, его учениками. Кроме того было создано Ленинградское отделение комитета по ОДИ. Да и я, долго вёл семинар, основными участниками которого были в основном студенты, среди которых очень немногие познакомились с Георгием Петровичем лично, но в СМД-движении не задержались.

Что делать?

-Возрождать традиции.

Как?

Только не молча – обсуждать, обсуждать, мыслить, планировать и действовать, ибо язык, по мнению Заратустры, ведущий инструмент в преобразовании общества, и только потом мышление и деятельность.

Основной вывод – при восстановлении программы Георгия Петровича важно обсуждать ведущие его работы и искать подходы к построению эпистемологии (на 5-м съезде это звучало в словах Зинченко Александра Прокофьевича. Он представлял, что методологический съезд должен быть в форме паноптикума – где видно всё. Пока этого нет). Как показала моя практика обсуждения, разные люди интерпретируют эти работы по разному, а некоторые их вообще не понимают. Я не хочу сказать, что нужен ликбез, как по марксизму-ленинизму, но какое-то действие, сравнимое по силе воздействия, необходимо. Организовать такое действие возможно под силу фонду имени Георгия Петровича Щедровицкого, а может быть ещё кому-то. Мне могут, конечно, сказать, что выпускаются труды как участников ММК, так и других философов. На что я говорю: этого не достаточно. В современном мире, когда система образования рушится, люди всё меньше читают (как в том анекдоте про чукчу-писателя). И здесь очень важна новая парадигма при организации процесса образования. А то получается совсем плохо, когда слышишь от ответственных (на самом деле безответственных) людей, что хорошее образование и не нужно, а нужно сокращать школы, вузы, дошкольные учреждения и т.д. Волна разрушения общества пока не остановилась.

Заключение

Есть русское слово ум. Значение этого слова для большинства людей одно, хотя смыслы могут быть разные. Понятно, что идеальное общество должно быть умным, это не относится к мнению идеологов золотого миллиарда. Современная лингвистика, как наука, не даёт ответ на происхождение и этимологию этого слова.

На мой взгляд зря Лосев, в своих комментариях, обвиняет Сократа (точнее Платона), который углубляется в "Кратиле" в этимологию тех или иных имён, начиная с имён богов Зевса, Афродиты, Афины, Апполона и т.д. А ведь идея правильная: не все слова имеют одинаковую нагрузку. Как любил обыгрывать фразу Георгий Петрович, цитируя библию: «В начале было слово, и слово было Бог». В греческом варианте стояло логос, а оно многозначно. Есть значение «слово», «мысль», наконец «закон», «учение». Поэтому не всё однозначно и просто. Для верующего человека одно слово значимо, другое мало значимо, атеист это же слово воспринимает на свой лад. Когда-нибудь лингвисты ответят, связаны ли русское слово ум и буддийское Ом этимологически. В умном обществе, а такое общество и будет идеальным, войны прекратятся, наука будет развиваться намного интенсивнее, так, наверное и будет. А престижнее будет иметь не больше денег в кармане, а больше извилин в голове.

А пока, очень большое поле для деятельности.

Чумаков Сергей Иванович, *srg_chumakov@mail.ru*

Анонсический проект развития щедровитянства в 21 столетии^{†††}.

Вячеслав Дмитриев^{†††}

Идея кооперации мыслителей на основе единства методологической работы получила развитие в 90-е годы, в группе московских анонсистов, которые хотя и принадлежали разным школам, но верили в возможность коллективной мыследеятельности. Анонсистам пришлось существенно трансформировать учение Г.П.Щедровицкого, чтобы кооперация мыслителей перестала носить только методологический характер, чтобы она вышла за рамки философии смысла вообще. Они преобразовали идею мыследеятельности в идею свою мыслеколлажа, союза совместной работы философов, организовав однородную группу совместного коллективного философского творчества.

В ходе процесса формирования группы в Анонсис приходили все новые люди, а многие старые участники, наоборот, покидали Анонсис, но, не смотря на эту текучесть, группа постепенно обрела устойчивые черты. Хотя состав участников группы постоянно менялся, менялись сами инициаторы анонсической работы, но при этом группа анонсистов сохранила свое своеобразие и устойчивость на многие годы. И никто из участников группы не мог претендовать на особое привилегированное положение – положение «знатока» ответов на эти философские вопросы. Всякое учительство, претензии на «гуру» от философии всегда вырывали в группе насмешки и неприятие. Ставка на некую исключительность «гуру» была по своему духу принципиально не совместима с групповой работой анонсистов. Если какое-то решение относительно философских вопросов и представлялось предпочтительным, то это было всегда решением всего коллектива в целом. В тех случаях, когда кто-то в отношении коллективного решения пытался занять свою личностную и особую позицию, то такая рудиментарная форма философского индивидуализма прилагалась к коллективному решению только в качестве

^{†††} Материал подготовлен для 2-й online конференции памяти Г.П.Щедровицкого

^{†††} Специалист по онтологии и теории познания, кандидат философских наук, доцент. Один из основателей философской группы «Анонсис». Родился в Москве, закончил философский факультет МГУ и аспирантуру при кафедре философии Государственной академии сферы быта и услуг. Ученик Ф.И. Гиренка. С 1995 года преподает на философском факультете МГУ, научный сотрудник кафедры онтологии и теории познания. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема письма в европейской философии». Автор варианта философской грамматики - графанализа.

дополнения или отклонения. Поэтому даже несогласие с решением группы было в Анонсенсе всегда какой-то частью группового решения.

Нельзя сказать, что в группе Анонсенс не было лидеров, они были, но для самой группы такие лидеры являлись только инициаторами для проведения коллективной работы. Это означало, что лидером мог быть любой участник группы, который проявлял инициативу, т.е. брал слово и приковывал к себе общее внимание, чтобы сообщить о сделанном изобретении, которое он предлагал группе разработать. Пока участник группы указывал направление групповой работы, его можно было считать лидером. Но такое лидерство было кратким и ограничивалось оно временными рамками одного выступления. Конечно, одни участники выступали чаще, чем другие, но никакого особого статуса это участникам не давало. Все участники имеют возможность стать лидером группы, если у них есть то, что они группе могут предложить. Поэтому никакого принципиального различия между статусом старого и нового участника группы в Анонсенсе не существовало, горизонтальность организации группы была безусловной. И если новому человеку было что предложить радикальное для философии, то он тут же оказывался в центре внимания группы, становился ее лидером. Конечно, такая горизонтальность в статусе участников группы была лишь теоретической, так как понимание порядка работы в группе и знание групповых требований к результату открывали старым участникам группы больше возможностей направлять коллективные усилия. Но открытость к лидерству в Анонсенсе всегда оставалась. Участники группы исходно принадлежали разным школам и имели разных учителей, но это никогда не служило препятствием для совместной работы в группе, наоборот, это богатство идейного расхождения только и помогало Анонсенсу развиваться.

Уже после первых предварительных обсуждений в группе Анонсенс, создателям группы стало ясно, что смыслы не столько объединяют людей, сколько, наоборот, их разъединяют. Поэтому, свои усилия анонсисты направили на то, чтобы концептуальные расхождения в группе между участниками не были препятствием для совместной философской работы. Анонсистам, чтобы совместно работать, пришлось сначала отказаться от поиска общего смысла, а впоследствии им пришлось отказаться от приоритета смысла вообще. Внимание анонсистов привлекли такие действия в составе группы, которые случаются впереди всякого смысла и поддерживают само существование группы до всякого ее смысла. И на общий вопрос о смысле самого смысла анонсисты поэтому ответили отрицательно. В группе появился лозунг, что «нас объединяет то, что нас ничто не объединяет». Единственным основанием группы оказалась решимость людей «держаться вместе», но держаться вместе особым образом, - только после обязательного и окончательного крушения всех смыслов, после крушения всех предложенных участниками группы смысловых ходов. Такая обязательная потеря любого смысла стала условием работы в группе, что и сделала работу группы предельной в отношении к любому смыслу и поэтому, философской работой. Пережить крушение всех смыслов и остаться вместе – стало тем анонсистическим действием, которое открывало участникам тайну их уникальной «философской совместности»,

поверх всех смыслов. Само открытие и манифестация этой совместности, всякий раз открываемой заново «здесь и сейчас» – вдохновляло участников группы и объединило их. Все необходимые для совместной работе группы содержания появлялись прямо в ходе самого заседания «здесь и сейчас» и «на глазах» у всех присутствующих, что, по мнению анонсистов, обеспечивало максимальную включенность всех присутствующих в общую работу. Конечно, анонсическое предприятие веред всякого смысла не могло быть всеобщим правилом для философии, наоборот, оно предполагало, что философия – это внезапное уникальное и единичное событие, которое не нуждается в какой-то универсализации. Анонсенс не жаждал захвата всей философии в целом, а был лишь сингулярной экспериментальной площадкой философии, одним из защитников философии от поглощения ее общими смыслами.

В первое время совместное групповое творчество объединялось у анонсистов вокруг коллективного концепта, того продукта, который служил для анонсистов критерием завершенности их труда. Но с приходом новых идей, Анонсенс, как коллективный мыслитель, теряет свое бывшее единство и уверенность в совместно произведенном продукте. Совместный продукт так же размножается, анонсисты предлагают производить уже не одно на всех общее коллективное решение, некий единый коллективный концепт, а они предлагают теперь производить совместно сразу несколько коллективных концептов, возможно даже альтернативных друг другу. Подлинно коллективному творчеству логичнее соответствует именно множественный продукт. Но уже тогда группу анонсистов объединяет отнюдь не ориентация на производство одного единого анонсического концепта, вокруг которого группа собирает свои усилия. Ее объединяет коллективное производство союзных концептов, которые освобождает группу от необходимости собираться вокруг своего того или иного единственного ее продукта. И тогда, подлинным продуктом совместной работы группы становятся уже не анонсические концепты, а уже сама совместная работа.

Со временем анонсизм освобождается от приоритета концептуального творчества, и на первый план его коллективной работы начинает выходить само групповое творчество. Оно оказывается безотносительно к продуктам коллективного труда. Труд нужен анонсистам только для того, чтобы объединить людей в совместном философском творчестве, а совсем не для того, чтобы производить коллективные концепты. Именно - развитие совместного коллективного усилия и организация философского трудового сообщества, хотя еще и привязанных к производству коллективных концептов, выходят на первый план анонсической работы.

Вот тут выясняется, что сам характер коллективного усилия и организация философского трудового сообщества вполне могут иметь разные варианты. И наивная простота раннего Анонсенса, с его верой в единый коллективный концепт, оказалась преодоленной. Возникший плюрализм в практике и в понимании анонсистами философской совместности заставил серьезно сместить тематику обсуждаемых в группе проблем. Трансформация анонсизма вовсе не означала, что

смех, русский язык и совместность перестали определять и волновать анонсистов, но теперь их внимание более сосредотачилось на новой теме – теме внеконцептуального существа философии.

Существо философии стало пониматься не как нечто единое, а уже как неперенная множественность, что трансформировало анонсическую установку на производство коллективного концепта и внесло в анонизм правило обязательного расхождения самих даже анонсических практик. Расширение возможностей философии может осуществляться а Анонсенсе как и ранее, совместным усилием, но уже обязательно не одним способом, а разными способами, часто, даже противостоящими друг другу.

Раскрывшаяся анонсистам множественность существа, стала не только основанием анонсической работы, но и главным механизмом продвижения работы. Тематика анонсических споров в своем содержании могла быть очень разной и иногда, достаточно для философии традиционной. В эту тематику попадали: музыка и поэзия, танец и ритуал, театр и кино, письмо и речь, деньги и революция, время и пространство, тело и аффект. Поэтому, в группе специально и одновременно применялись противостоящие друг другу практики осмехотворения, а жаркие споры вокруг этого расхождения практик лишь поддерживали общий кураж Анонсенса, градус интенсивности его внутренней работы. С одной стороны это придавало внутренней работе анонсистов четко структурированный характер и внешнюю привлекательность интенсивности жизни, а с другой стороны, Анонсенс стал отождествляться с постоянной внутренней групповой «ругачкой», которая в общем-то быстро приедалась внешнему наблюдателю. Люди охотно приходили в Анонсенс поглядеть на практики осмехотворения и накал страстей, но также быстро они покидали группу, утомленные однообразием выстроенного там противостояния и интенсивности.

В это время споры велись у анонсистов вокруг практик раскрытия существа философии, а так как таких практик существовало уже явно больше, чем одна, то приходилось на заседаниях, или перехватывать на какую-то одну практику внимание группы, или же устанавливать какой-то порядок смены практик. И объединяло в этом случае спорщиков только то, что предмет спора совпадал с тем, что спорящие участники и делали, постоянно именно делом демонстрируя свою приверженность внеконцептуальному существу философии. Какие бы доводы не приводили в этом споре, это было не очень важно, так как все доводы сводились участниками группы к поступкам разрыва со смыслом. И было так же не важно, реальные ли это поступки, выполненные здесь и сейчас, или же, это поступки, которые только можно совершить. Менее искушенные в делах группы внешние наблюдатели пытались следить за порядком и качеством приводимых аргументов, упуская при этом достигаемую анонсистами в бессмыслице общность, как раз и делавшую группу единой, при полном расхождении участников группы на уровне смысла. Чем больше в анонсических спорах позиции спорщиков проваливались под действием их взаимной критики, тем отчетливее проявлялась в этом споре внеконцептуальная сторона самой философии. Чем больше была сила

внутреннего концептуального столкновения в группе, тем явственней группа ощущала исчерпанность смысла в философии и свою общность за пределами всякого смысла. Группа совместно работала над тем, чтобы придти к истоку философии, к кануну рождения философии. И это движение назад к моменту происхождения философии и рассматривалось анонсистами как движение философии вперед, к той эпохе, которая начинается после господства смысла в философии.

Ранее, в Анонсенсе коллективный концепт всеми собирался непосредственно на каждом заседании, во время совместной работы и поэтому итоговый текст с вариацией концепта составлялся анонсистами тут же, по принципу «здесь и сейчас». Но впоследствии в группе итоговый текст составлять «здесь и сейчас» было технически сложно из-за многочисленности участников группы. И поэтому, итоговый текст группы стал составляться уже после групповой переписки. Такой текст собирали последовательно, фрагмент за фрагментом, путем многократного переписывания его участниками группы в определенном порядке. Порядок переписывания был таким, чтобы все участники группы становились реальными и полновесными авторами своего коллективного концепта, выраженного в совместно собранном тексте. Соответственно, один из участников группы создавал исходный текст, который потом подвергался каждым участником группы модификации, при условии, что содержание общего текста, хотя и редактировалось, но смысловые сегменты могли быть из него полностью изъяты только с разрешения их автора. Причем, если какой-то сегмент из текста извлекался, то он обязательно восполнялся сегментом, по объему более значительным. Исходный текст подвергался постоянным дополнениям, которые всегда его могли только расширять, но никогда не сокращать. А необходимость каждого дополнения заранее получала одобрение на общих заседаниях.

Идеи анонсистов были смехотворные, потому что только такие они у них и предполагались. Утверждения их содержали в себе такое столкновение смыслов, которое вызывало обычно смех, так как эти утверждения напоминали по форме анекдоты. «Мы боремся со смехом» или «Всю власть – в одно место!» В утверждениях анонсистов содержался не столько смысл, сколько радостное чувство его оставления и ощущение выхода на предел смысла. Анонсическая идея утверждалась и отменялась смысловым смешением в смехе. Анонсисты добивались взаимного истребления смыслов, опираясь на ресурсы русского языка. Именно немыслимые для языковой компетентности фразы, анекдотичные и предельные одновременно, через возможности русского языка по взаимному истреблению смыслов и позволяли произвести их смехотворные идеи. Анонсисты отказались от представления философии через личностный опыт самореализации человека. Анонсическое творчество принципиально носило только коллективный характер. Идея формировалась в ходе совместной работы группой в целом. И ее окончательный вид не мог уже иметь персонального авторства. В сущности, метод анонсизма состоял в коллективном и совместном истреблении всех частных идей

анонсислов. Изобретенные участниками группы частные идеи разбивались общей критикой до полного их саморазложения, до их смехотворной формы. В этом смехотворческий метод анонсислов напоминает «метод сабли» Д.Хармса, когда все устойчивые содержания изводились разделением в пыль, превращаясь в материал для совместного концептуального строительства. И вот когда все частные идеи были сообществом критически разрушены, то вот тогда только и возникала в группе анонсислов - сообщенность. Группа в этот момент становилась группой, инстанцией коллективного совместного концептуального творчества. И вот тогда из вороха разрушенных частных идей анонсислы совместно стоили свой коллективный групповой концепт. Совместное концептуальное творчество стало для анонсислов их отличительной чертой на фоне господства личностной философии. При этом коллективный концепт, который стоился группой, лишь свидетельствовал о реальном присутствии и творческой продуктивности этой группы. Для анонсислов главным результатом их совместной работы был не коллективный концепт, а достигаемая, в их совместном творчестве, сообщенность. Развитие философии связывали анонсислы не столько с развитием совместной концептуализацией или с развитием коллективных идей, а прежде всего, со способом совместного со-присутствия, с развитием их философского сообщества. Идея коллективной мыследеятельности Г.П. Щедровицкого получила в анонсислизме своеобразный разворот, когда кооперация философов возникла поверх всех смыслов, когда вертикали умственной работы была противопоставлена ее горизонталь, когда просвещенческую веру в мышление заменила вера в совместность, когда личностность и смысл оказались устранены из философской работы. Возможно, что такой анонсический разворот идеи мыследеятельности Г.П.Щедровицкого можно назвать перспективой развития СМД-философии, постщедровитянством. И тогда, постщедровитянство, это когда философия рассматривается по-прежнему, как коллективное совместное предприятие, но уже за пределами смысла и личностного самовыражения. И пусть методология и рефлексия терпят тут крах, но этот крах только и позволяет философии достичь максимальной предельности своего действия, стать собой.

Гегель, рефлексивные петли, узлы и конец истории^{§§§}.

Владимир Никитаев^{****}

Трудно переоценить вклад Гегеля в философию и интеллектуальный климат Нового времени. Гегель был первым, кто «развил ясное понятие модерна», осознал модерн как проблему[1], и после своего ухода оставил для философии, по сути, только две возможности: либо так или иначе принять созданную им «спекулятивную диалектику», либо поднять мятеж против нее.

Сложившаяся вокруг фигуры Гегеля культурно-историческая ситуация длительное время напоминала архетипический сюжет из культа Дианы Немейской, привлекая внимание Джеймса Фрэзера и описанный им в «Золотой ветви»: стать жрецом можно, только убив действующего жреца[2]. Попытки «убить» гегелевскую философию разными способами начались практически сразу после смерти ее создателя. Маркс сообщал в письме Энгельсу, что многие «господа в Германии» диалектику Гегеля считают «мертвой собакой»[3]. Однако гегелевская диалектика оказалась скорее Птицей-Фениксом, снова и снова восстающая из пепла, в который ее пытались превратить критики.

Первая трудность, встречающаяся при попытке ответа вопрос о том, «жива» ли гегелевская диалектика сегодня, может ли она служить источником «интуиций» или схем для понимания происходящего, заключается в необходимости иметь адекватную или, вернее сказать, перспективную ее трактовку.

В самом деле, разве можно сегодня всерьез воспринимать тезис о *господстве разума в мире* и в историческом процессе?

Но что именно утверждал Гегель этим тезисом?..

Момент недопонимания данного тезиса тем более примечательный, что его предвидел и пытался снять в своих лекциях сам Гегель. Отдавая себе отчет в том, что термин «разум» сразу же переключает слушателей (читателей) в антропный и/или теологический регистр мышления, он объяснял им, что речь идет всего лишь о закономерностях в истории, аналогично тому, как мы находим их в природе.

Чем же определяется логика исторического процесса в гегелевской философии?

^{§§§} Материал подготовлен для 2-й online конференции памяти Г.П.Щедровицкого

^{****} Никитаев Владимир Владимирович, российский методолог, социальный философ, консультант по управлению, координатор регионального проекта Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), 125252, Москва, Россия, ул. Куусинена, д. 216

Поиски предельного основания логики (если это только не современная формальная или математическая логика) неизбежно ведут к *онтологии*, поскольку онтология, по определению, – это априори, призванное обеспечивать нам ответы на предельные вопросы.

Онтологией для Гегеля, как известно, была «объективная логика», состоящая из учения о бытии и учения о сущности[4]. При этом суть гегелевской онтологии (она же – спекулятивная диалектика) и, одновременно, с точки зрения Гегеля, *lapis offensionis et petra scandali*[5] его философских предшественников и современников – это *рефлексия*. Уже первое опубликованное философское произведение Гегеля, статья «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга»[6], была посвящена, с одной стороны, критике рефлексивной философии Канта и Фихте, а с другой – выстраиванию собственной концепции рефлексии (абсолютной или онтологической), которая впоследствии была развернута в грандиозную конструкцию Большой Логики.

В сфере бытия, согласно «Науке логики», онтологическая рефлексия присутствует лишь как взаимный «переход»[7] бытия и ничто, как «отражение» или «просвечивание» (*scheint*) противоположных категорий друг в друге. Главным действующим лицом рефлексия становится в сфере сущности – сфере «объективной рефлексии», в которой «всё положено как *бытие рефлексии*»[8]. Учение о сущности доказывает, что рефлексия есть бытие[9]. А далее, как говорится, везде: существование есть «непосредственное единство бытия и рефлексии»[10], действительность – единство рефлексии и существования[11], субстанция – «окончательное единство» рефлексии и бытия[12], понятие – «абсолютное единство бытия и рефлексии»[13].

Замена «разума» на «рефлексию», казалось бы, мало что меняет в сути дела (в частности, в философии истории), но это не так. Если термин «разум» референциально или коннотативно отсылает к человеческому или Божественному разуму, то «рефлексия» – наоборот, содержит в себе оптическую – точнее, *катоптрическую* (зеркальную), – то есть амбивалентную по отношению к дихотомии разум/природа, основу.

В самом деле, словарное значение латинского слова *reflecto* – «загибать (назад)», «поворачивать, обращать назад», «возвратиться» (применительно к душе – «вспоминать»). Согласно ряду исследований[14], термин *reflectere* в греческой и в латинской философии имел отчетливые оптические коннотации, отсылая к процессу отражения света зеркальными поверхностями, и, в частности, к зеркальному отображению объектов. Проще говоря, *рефлексия* в исходном, обыденном смысле – это процесс, который разворачивается между объектом и его образом в зеркале. У Платона катоптрическая схема встречается в структуре размышлений о самопознании и самосознании: взявшись объяснить установку Сократа на познание самого себя, он прибегает к аналогии с использованием зеркала или чего-то подобного ему, некоторой «вещи, глядя на которую мы одновременно увидим и ее и самих себя» (Алкивиад I, 132d – 133b)[15].

Это же исходное (катоптрическое) значение термина «рефлексия» и систематическое пользование им нетрудно найти и в сочинениях Гегеля[16].

Учет смысловой двойственности (которую так любил в словах Гегель), присущей термину «рефлексия», позволяет, среди прочего, разделить *философию рефлексии* и *философию субъекта*. Безусловно, понятие субъекта предполагает понятие рефлексии, но обратное, вообще говоря, неверно. Более того, абсолютная рефлексия, конструкцию которой предложил Гегель, включает в себя *рефлексию рефлексии*[17] и, тем самым, снимает вопрос о субъекте. Снимает в том смысле, что с одинаковым успехом можно утверждать, и то, что рефлексия сама есть свой собственный субъект, и то, что она вообще бессубъектна.

Однако если исторический процесс имеет онтологический характер, а логика онтологии (она же диалектика) суть логика абсолютной рефлексии, то *модусы времени* – прошлое, настоящее, будущее – каким-то образом должны соотноситься или даже быть не чем иным, как диалектическими моментами или производными от *абсолютной рефлексии*.

Посмотрим, как это выглядит «на практике» и в гегелевской теории.

Начнем с вопроса о том, как возможно идентифицировать начало какого-либо исторического изменения?

Все ответы, которые дает на этот счет историческая наука, по понятным причинам носят ретроспективный характер. Другая дисциплина, социология изменений, предлагает либо также ретроспективные суждения, либо «вероятностные» предсказания, в отношении которых, на самом деле, не определена ни степень достоверности, ни политически значимое содержание. Короче говоря, исходная ситуация исторического (социального) изменения – ситуация *неопределенности*.

Начало становления какого-то события предвосхищает *это* событие, в некотором смысле содержит его в себе. Но что именно оно есть – открывается только тогда, когда событие уже свершилось, и лишь *обернувшись назад* можно с известной долей уверенности сказать, *что* было началом чего. Причем это не только наша, субъективная рефлексия – *само событие* в своей перфектной форме должно ретроактивно подтвердить свое начало или, что суть то же, подтвердиться через него.

Фигура мысли, присутствующая в приведенном рассуждении, соответствует абсолютной рефлексии, описанной и проанализированной Гегелем:

Рефлексия, стало быть, – это движение, которое будучи возвращением, лишь в этом возвращении есть то, что начинается, или то, что возвращается.[18]

Как устроена эта рефлексия? Чистая абсолютная рефлексия «сама определяет себя» как полагающая, внешняя и определяющая рефлексия[19]. *Полагающая рефлексия* начинает как бы *ex nihilo*, с ничто (так как еще ничего не положено), отрицая его, или, иначе, она начинает с самой себя (поскольку больше не с чего начать), и полагает непосредственное как свое возвращение в себя. Но это возвращение есть отрицание отрицания, а значит – снятие. Снятие полагания – это *предполагание*, поэтому полагающая рефлексия есть предполагающая, или *рефлексия в себя*[20].

Движение как процесс поворачивается непосредственно в самом себе...[21]

В качестве примера Гегель приводит введенное Кантом понятие о рефлексивной способности суждения[22], откуда можно сделать вывод, что предполагается в данном случае *всеобщее*, из которого полагающая рефлексия, будучи своего рода проецированием, заимствует, извлекает прообраз и возвращается к непосредственному, полагая его уже «по истине», в соответствии с этим прообразом.

Быть диалектическим *моментом* означает, в том числе, предопределять и все целое, аналогично (хотя и не так однозначно), как начерченная дуга окружности предопределяет всю окружность. Точно так же невозможно задать проекцию, не предполагая прообраз или, как минимум, место, где он должен быть; невозможно определить одну ось или плоскость декартовой системы, не предполагая другой (других).

Применительно к модальной структуре *времени* это проявляется в том, что любой из модусов (моментов) времени логически предполагает и невозможен без остальных.

Однако тут имеется значимая асимметрия. Определение прошлого предполагает, что прошлое противопоставляется настоящему *вместе* с будущим, определение будущего предполагает, что оно противопоставляется настоящему *вместе* с прошлым, но настоящее не может быть противопоставлено прошлому *вместе* с будущим, поскольку прошлое с будущим никак не объединяется. Прошлое и будущее не объединяются, потому что они *per definitio* отрицают друг друга, не совмещаются и не пересекаются в пространстве рефлексии, которое само оказывается изоморфным обычному физическому пространству[23].

В рассуждениях о структуре времени существует принципиальная развилка, своего рода водораздел между Гегелем и «натуралистами» (в числе которых, кстати, оказались и левые гегельянцы, включая раннего Маркса). Для натурализма характерна убежденность в том, что *непосредственное* существует как таковое. В том числе, непосредственно (еще говорят: «объективно») существует время. Для Гегеля время (и пространство) – это эпифеномен онтологической (абсолютной) рефлексии. Прошлое, настоящее и будущее существуют ровно потому, что полагаются онтологической рефлексией. В отсутствии рефлексии, как показывает Гегель в самом начале раздела о бытии в «Науке логики», имеются только простое бытие (Sein) и ничто (Nichts), которые, собственно, ничем друг от друга не отличаются.

Онтологическая рефлексия одновременно выступает предпосылкой и основанием субъективной рефлексии. Мы не могли бы мыслить что-то в прошлом или мыслить о будущем, если бы сама структура бытия не давала нам такой возможности, не позволяла бы слить воедино субъективную и объективную рефлексии.

Таким образом, в гегелевской диалектике полагающая рефлексия, с одной стороны, полагает топ (место) того, что уже было, то есть *прошлое*, и возвращается к настоящему-будущему, а с другой – она полагает топ того, чего еще не было, *будущее*, и возврат происходит к настоящему-прошлому. Логически здесь важны

не содержания, полагаемые одним и другим вариантом рефлексии (собственно, содержания пока отсутствуют), – важно, что полагаются несовместимые места под них, и что точно так же будут не совместимы (противоположны, противоречивы) и их содержания.

Следующий шаг самоопределения в историческом времени начинается с того, что прошлое (или будущее) воспринимается как данность, при возвращении из которой в настоящее фиксируется либо тождество («ничто не ново под Луной», «что было, то и будет»), либо различие («все течет, все меняется»).

В структуре абсолютной рефлексии это соответствует второму после полагающей рефлексии моменту – *внешней рефлексии*.

Внешняя рефлексия начинает(ся) с *непосредственного бытия*. Она как бы забывает или не учитывает, что «непосредственное», которое она встречает, на самом деле прежде было положено полагающей рефлексией. Внешняя рефлексия просто «находит его в наличии». Она находит и соотносит «непосредственное», то есть *настоящее* (включающее в себя также будущее или прошлое), с взятым из всеобщего прообразом его «истинного» вида и затем либо отождествляет их, либо обнаруживает различие, *разрыв*.

Отождествление, означающее отрицание различия, одновременно означает отрицание необходимости изменения, и на практике имеет две формы. Если полагающая рефлексия была направлена в прошлое, то отождествление его с настоящим осуществляется как действие по прототипу, следование традиции или прецеденту. Если же она «пришла из будущего», то отождествление имеет смысл идеологического действия, убеждающего в том, что «будущее уже наступило», «мы живем в лучшее время в наилучшей стране» и т. п. В обоих случаях ничего *исторического* не происходит, истории просто нет.

Разотождествление, образование указанного разрыва или свободного пространства Клод Лефор считает важнейшим для превращения обществ «без истории» в исторические[24]. Внеисторические общества слишком «плотные» или внутренне связные, поэтому всякая новация в них вязнет в паутине разного рода связей и согласований между членами или институтами общества (эффект, присущий и жестким бюрократическим структурам современности).

В первом варианте (полагающая рефлексия прошлого) рефлексия из *исторического ничто*, то есть момента «теперь», совершает отрицающее его движение полагания прошлого. Эта рефлексия или полагание является как бы двойным: онтологическая полагающая рефлексия полагает прошлое вообще, бесконечное и всеобщее, а как бы действующая поверх нее субъективная, человеческая рефлексия полагает (вспоминает) ограниченное, событийное прошлое как прошедшее.

При этом неважно, является ли это содержательное прошлое документально-историческим или мифопоэтическим, поскольку для действия по историческому изменению важно не содержание или истинность представления, а функция в организации действия. Функция же заключается в том, что мотивирующий действие прообраз «истинного» настоящего-будущего – иной, справедливый

социальный порядок, например, – ищется (по сути, проецируется) в прошлом, как некая не реализовавшаяся возможность или даже как некогда уже существовавшее[25]. Истинное (желаемое) как когда-то имевшее место быть: Золотой Век, Рай и т.п., а затем потерянное и ныне подлежащее возврату, – типичный мотив в самообосновании фундаментализма.

Будущее, в конце концов, приходится делать из прошлого, поскольку его больше не из чего делать. Представление о том, что традиции и нации можно делать «с чистого листа», из воображения масс, – само есть не более чем продукт воображения теоретика. Радикальные исторические изменения, переустройство жизни предполагает переработку пластов прошлого, и чем более радикально затеянное переустройство, тем, вообще говоря, более глубокие пласты необходимо захватывать (в обоих смыслах слова). Марксизму, например, в целях подготовки «всемирно-исторической революции» потребовалось интерпретировать (переписать) практически *всю* историю человечества как «историю борьбы классов».

Если *геополитика* – это проекция географического в политическое, и наоборот, то проекцию политики в историю, и наоборот, можно назвать «*клиополитикой*», по имени музы истории Клио. Особенную значимость клиополитика имеет в тех случаях, когда речь идет о разделении и автономизации бывшего геополитического целого. Если невозможно дистанцироваться в географическом смысле, то можно существующую близость попытаться отрицать в плане истории, выпячивая или выдумывая разницу этнического происхождения (включая генетические различия), конфессиональные и культурные различия, междоусобицы и т. п. Захватывается больший или меньший регион исторического (и географического) прошлого и затем «переосваивается» под решение политических задач.

Очерченная схема, которая может быть названа «*рефлексивной петлей*», так или иначе описывается во всех концепциях национализма и присуща, практически без исключений, практике формирования наций[26]. Трудно переоценить значимость этого обстоятельства, особенно если согласиться с Энтони Смитом, что национализм следует признать сомасштабным капитализму фактором формирования Нового времени.

Однако рефлексивная петля реализуется не только в процессе строительства нации, но и вообще при смене исторических эпох, фаз развития или трансформации социального порядка.

Классическим примером может служить Ренессанс, который начался с того, что разработанный гуманистами проект их собственной жизни был артикулирован и объективирован через специфическую рецепцию античности. Другим ярким примером является масонство, история которого началась с того, что институциональная форма и легендарная история уже уходящего в прошлое ремесленного цеха каменщиков в Англии XVII века была переосмыслена (проще говоря, переоформлена в духе тайных учений и орденов) и воплощена в одновременно политических, эзотерических и реформаторских (полу)тайных

организациях Старого и Нового Света, члены которых, масоны, сыграли немалую роль в революциях и других событиях эпохи Просвещения[27].

В сущности, рефлексивная петля как форма (способ) организации социального изменения в том или ином виде присуще всем т. н. «историческим обществам»[28]. Внешняя рефлексия или «внешняя» фаза онтологической, ставшей исторической, рефлексии состоит в том, чтобы обнаружить и эксплицировать расхождение между тем положением дел, которое должно было бы сложиться, следуя сконструированной ранее «исторической логике», и тем, каково оно на самом деле. *Уже существующее* прошлое имеет механизмы своего воспроизводства и обычно представлено как в материальной, так и в духовной культуре, в традициях, образе жизни и представлениях о прошлом тех или иных социальных групп, слоев населения и т. п.[29]. Социальная жизнь как бы *раздваивается*. Гегель, описывая первоначальный период греческой истории, замечает:

Если у народа есть предшественник, как предшественником греческого мира является восточный, то в первом периоде к нему проникает чужая культура и у него оказывается *двойная культура* – с одной стороны, самобытная, с другой стороны, заимствованная. Воспитание народа состоит в соединении этих двух культур, и первый период заканчивается выработкой реальной, самостоятельной силы народа, которая затем обращается против его предшественников (курсив мой – В.Н.).[30]

В том месте, где должно происходить сопряжение прошлого и будущего, переход из одного в другое, то есть в *настоящем*, внешняя рефлексия фиксирует их не только формальную, но и содержательную противоположность и невозможность причинно-следственного или какого-то иного естественного, то есть само собой осуществляющегося, перехода. Невозможно одним прыжком (в момент «теперь») перескочить из феодализма в социализм, из «прямой демократии» наподобие Запорожской Сечи – в современную европейскую либеральную демократию.

Аналогично – противопоставлением – заканчивается внешняя рефлексия и в том случае, когда историческая рефлексия осуществлялась как полагающая рефлексия *будущего*, в ходе которой полагался тот или иной образ «светлого будущего» – от земли обетованной до коммунизма.

Основанная на рефлексии будущего ситуация двойственности настоящего, вообще говоря, может как побуждать к действию, так и, наоборот, тормозить его. Начиная с Алексиса де Токвиля, типичной причиной широкого спектра протестной активности – от выдвижения требований к инстанциям власти и до массового вооруженного восстания – считается фрустрация, вызванная относительной депривацией[31]. Тед Гарр описал и проанализировал множество вариантов относительной депривации, но все они суть переживание утраты (или угрозы утраты) воображаемого Светлого Будущего.

Если фундаментализм апеллирует к псевдоисторическим мифам, то в случае, когда источником нормативности (или нормальности) служит полагающая рефлексия будущего, их роль исполняют утопии или утопические идеологии. Суть утопии – в

утверждении, что идеальный мир в том или ином его варианте не есть нечто запредельное, что Царствие Небесное или его аналог либо уже существует *где-то* на земле и до него нужно лишь добраться, найти, либо оно безотлагательно должно быть осуществлено посредством тотального разрушения наличествующего, исторически сложившегося порядка[32].

Максимально способствующая историческим изменениям ситуация складывается в том случае, когда осуществляется двойная, полагающая (в) обе стороны времени рефлексия, а полученные проекции прошлого и будущего поддерживают друг друга и вместе отрицают настоящее. Настоящее в этой конфигурации предстает случайным или злокозненным барьером на пути исторического процесса (прогресса), и обрекается на уничтожение совместным приговором Героического Прошлого и Светлого Будущего.

Внешнюю рефлексию Гегель часто характеризует как «субъективную». Понимать это можно в двух смыслах: один – что это рефлексия, осуществляемая субъектом, другой – что это рефлексия, которая ставит вопрос о субъекте, *субъективации*. Проектируемый в ходе исторической реконструкции субъект, вначале (само)определенный как потенциальный или пассивный, как «подлежащее» исторической ситуации, субъект в античном смысле слова, должен пройти активную субъективацию, стать *субъектом* в нововременном смысле. Гегель полагал, что этот вопрос решается появлением «всемирно-исторической личности» во главе государства. Марксизм обсуждал данную тему в терминах революционного класса и революционной партии, которые, собственно, и делят между собой двойной смысл субъектности / субъективации: партия – субъект рефлексии (субъективной), класс – субъект революционного действия. Здесь же лежит ответ на вопрос об элите: *элита* – это консолидированная, осознающая себя социальная группа, возглавляющая процесс социальных изменений. Разница между элитами – в том, какого рода социальный процесс и в каком смысле они «возглавляют».

Если бы Гегель ограничился связкой полагающей и внешней рефлексии, его с легкостью можно было бы зачислить в предтечи социального конструктивизма; конструктивизма, который нередко обвиняют в аполитичности. Однако он продолжил диалектическое движение, ведущее от различия к противоречию. Решающую роль в этом играет *определяющая рефлексия*.

Гегель характеризует определяющую рефлексию как «единство полагающей и внешней рефлексии»[33]. Из дальнейшего раскрытия этого тезиса можно понять, что порядок тут обратный предыдущему движению, то есть сначала – внешняя, потом – полагающая рефлексия[34]. Иначе говоря, если на предыдущем такте происходило разделение, проецирование, то теперь начинается восстановление, конфигурирование. Определяющая рефлексия – это и отрицание, которое «повертывает соотношение с иным внутрь себя», и полагание «рефлексивного определения», которое «есть в самом себе *определенная сторона* и *соотношение* этой определенной стороны как определенной, то есть соотношение с ее отрицанием»[35].

Завершается определяющая рефлексия в противоположности, которая суть «единство тождества и разности»[36].

Парадигматическим примером противоположности у Гегеля служит оппозиция *положительного* и *отрицательного*. Смысл противоположности раскрывается, когда мы замечаем, что каждая из сторон, каждый из моментов есть целое, они «самостоятельны, будучи рефлексией целого в себя», и

Каждое из них есть оно же само и свое иное, и потому каждое имеет *свою определенность* не в чем-то ином, а *в себе самом*. [37]

В этом событии обретения самостоятельности проявляет себя *исключающая рефлексия*. Каждая из сторон, рефлектируя в себя и в себе самом обретая свою определенность (через включение в себя своего иного), тем самым вступает с другой стороной в *отрицательное соотношение*, «исключает» ее. Своего рода расплатой за это – но и стимулом[38] – становится *противоречие*.

Стороны противоположности, при всем их различии, не противоречат друг другу – рассматриваются ли они по отдельности в рамках противоположности, или соотносятся как ее стороны. Только став *самостоятельной*, бывшая сторона противоположности сталкивается с противоречием, но это ее противоречие в пределах самой себя (*противоречить* возможно только себе самому).

Чтобы стать самостоятельной, сторона противоположности должна включить в себя другую сторону, а значит – всю противоположность. Следовательно, *исключающая рефлексия*, посредством которой одна сторона исключает другую сторону, одновременно исключает и саму себя.

Но что-то же при этом остается?.. Если в результате *исключающей рефлексии* что-то «остается», если отрицающее само не «погибает (*geht zu Grunde*) в противоречии»[39], – то оставшееся выступает или проявляет себя как *основание* (Grund).

В этом случае «исключающая себя рефлексия есть в то же время полагающая рефлексия»[40], так что с этой положительной стороны «противоположность не только исчезла *в основании*, но и возвратилась *в свое основание*»[41], и «разрешенное противоречие есть, следовательно, основание, сущность как единство»[42] противоположностей. Иначе говоря, *субстанция-субъект*.

Вещь, субъект, понятие есть именно само это отрицательное единство; оно нечто в себе самом противоречивое, но точно также и *разрешенное противоречие*; оно *основание*, которое содержит свои определения и есть их носитель.[43]

Историческое движение Гегель понимает как «развитие», то есть как самодвижение, при котором движущееся, как минимум, не разрушается, и противоположности именно в нем «примиряются» (конфигурируются)[44]. Так, «противоречие» между патрициями и плебеями в первой фазе истории Древнего Рима было «разрешено», в гегелевской трактовке, за счет того, что плебеи получили доступ к государственным должностям и полноправную возможность вместе с патрициями защищать Рим от внешних угроз.

Уничтожение одной из противоположностей или сторон противоречия – не диалектично, развитием не является и к истории не относится. К примеру, многочисленные в древности случаи уничтожения одного государства и возникновения на его месте другого, Гегель относит к «*неисторической истории*», истории без развития[45].

Но что такое основание или субстанция-субъект истории, по Гегелю?

Верховный субъект – это, конечно, *Мировой Дух* (Weltgeist). Однако в истории он предстает, прежде всего, в виде духа народов. Дух как непосредственная истина есть «*нравственная жизнь народа*», реализованная или представляющая собой некоторый предметный действительный *нравственный мир*[46].

Как *субстанция* и всеобщая, себе самой равная постоянная сущность дух есть неизменная и незыблемая *основа* и *исходный пункт* действований всех и их *конечная цель* (Zweck und Ziel) как мысленное «в себе» всех самосознаний. – Эта субстанция есть точно так же всеобщее *произведение*, которое создается действованием всех и каждого как их единство и равенство, ибо она есть *для-себя-бытие*, самость, действование. В качестве *субстанции* дух есть непоколебимое справедливое *равенство самому себе*; но в качестве *для-себя-бытия* эта субстанция есть растворенная, приносящая себя в жертву милостивая сущность, в которой каждый осуществляет свое собственное произведение, разрывает всеобщее бытие и берет от него свою долю себе. Это растворение и разъединение сущности есть именно *момент* действований и самости всех; в этом – движение и душа субстанции и приведенная в действие всеобщая сущность.[47]

Не вдаваясь в детали, дадим общий абрис (тем более, что эта гегелевская конструкция уже не раз анализировалась и комментировалась).

Мировой (объективный) Дух, будучи в себе Абсолютной Идеей, выступает также в качестве *воли*. Эта Мировая Воля направлена на то, чтобы реализовать свободу как понятие Духа в действительности соответствующего ей (ему) мира. Очевидно, что единичная воля в этом мире свободна лишь постольку, поскольку она совпадает с Мировой Волей (то есть волей Мирового Духа).

Свобода, приобретающая форму действительности некоторого мира, получает *форму необходимости*, субстанциальная связь которой есть система определений свободы.[48]

Наличное бытие всех упомянутых определений свободы в форме всеобщности, положенных и признанных в качестве *власти*, Гегель называет *правом* (законом), а в качестве усвоенного субъективной волей в форме привычки, образа мыслей и характера – *нравственностью* (нравами). Нравственность, в конечном итоге (в «Философии духа»), оказывается тем, в чем объективный и субъективный дух встречаются как в своей истине, преодолевая свою односторонность[49].

С нашей точки зрения, право и нравственность, описанные и проанализированные Гегелем как всеобщее содержание субстанции или духа, реализующееся в социальных институтах (собственность, договор, разделение труда, семья, государство и др.), соответствуют тому, что позже рассматривалась под рубрикой понятия *культуры* как нормативно-регулятивной структуры[50].

Термин *Cultur* (или *Kultur*) использовался в XVIII веке в работах по всеобщей истории (Карл Ирвинг, Иоганн Аделунг, Иоганн Гердер и др.), им, в частности, оперировал Кант. Немецкие философы следующего поколения, включая Гегеля, понятие культуры (и цивилизации) используют уже сравнительно редко, преимущественно в узком смысле, в каком говорят о хороших манерах или утонченном вкусе, так что «движение от культуры к духу», действительно, можно признать общей чертой этого круга мыслителей[51].

Обратное движение – от духа к культуре – началось в Германии вскоре после смерти Гегеля, причем понятие культуры постепенно стало несколько же инклюзивным, заняло в философии, и вообще гуманитарных науках, такое же место и стало выполнять примерно ту же функцию, что и понятие духа в гегелевской философии. В конце концов, неокантианец Генрих Риккерт, с большим пиететом относившийся к Гегелю, подвел черту в процессе «материализации духа», заявив, что *Geisteswissenschaft* на самом деле есть *Kulturwissenschaft*[52].

Здесь анализ опять приводит к культуре, которая, как раз за разом показывает Энтони Смит, так или иначе лежит в ядре нации и национализма, а если вспомнить Макса Вебера, то и капитализма.

Таким образом, если принять эквивалентность гегелевского понятия нравственности (плюс право) культуре в ее нормативно-регулятивном понимании, то культура вместе с народом как своим носителем («гибридное общество» акторно-сетевой теории) вполне может рассматриваться как *субстанция* (народного духа или просто субстанция), а при определенных условиях – и как *субъект*. Соответственно, культура оказывается тем основанием (*Grund*), в котором противоречие либо погибает, либо находит свое место и форму «примирения».

Противоречие «гибнет», если попытка встроить изменение (новацию) в механизм культуры как воспроизводства социального порядка проваливается, новое содержание рассеивается и забывается, в лучшем случае оставляя какие-то невидимые следы. Блестящее государственное управление Карла Великого исчезло бесследно, пишет Гегель, точно так же, как и конституция, которую Наполеон дал Испании, после того, как властное принуждение исчезло, потому что оно ...не основывалось на духе народа, не вошло в его жизнь, но являлось лишь чем-то извне навязанным[53].

Противоречие «примиряется», закрепившись в изменении или появлении новой культурной нормы, нового регулятора социальной жизни, в котором одна из противоречащих сторон присутствует в снятом (то есть отрицаемом и подчиненном виде) наряду с другой. Иначе говоря, в трансформации или реконфигурировании культуры цикл исторической (онтологической) рефлексии завершается. Это означает, среди прочего, что исторический процесс – всегда *культурно-исторический*, что не культура существуют в историческом времени, но само историческое время суть присущая культуре темпоральность[54]. Позднее эту идею систематически раскрыл Освальд Шпенглер в «Закате Европы».

Как выглядит механика «упаковки» противоречия можно увидеть, оставаясь в рамках разобранного самим Гегелем исторического материала, хотя бы на примере ситуации кризиса католической церкви в X-XI веках и грегорианской реформы, предпринятой в поисках выхода из этого кризиса. Реформаторское движение началось, по сути, с разделения и противопоставления духовного и светского начал в самой церкви, а завершилось подчинением второго первому через ужесточение celibата, отмену симонии и решении вопроса инвеституры. Последний вопрос – вопрос, грубо говоря, о том, «кто кого назначает»: император папу или папа императора – вызвал длительную кровавую борьбу между светским и религиозным центрами силы. Закончилась борьба Вормским конкордатом, но, по общему мнению (которое разделял и Гегель), это был компромисс в пользу церкви. Церковь подчинила мирские интересы в «снятом» виде в самой себе, придав эту подчиненность, в частности, такие значимые для Средневековья институциональные формы, как духовные рыцарские и нищенствующие монашеские ордена. Причем противоречие было именно «примирено», а не уничтожено или трансформировано[55]. Опираясь на это внутреннее подчинение мирского в самой себе, церковь могла уверенно удерживать и расширять свою власть над сферой светской жизни, используя те пункты своего господства над ней, которые она всегда имела: брак, клятвы верности сюзерену, надежда на спасение души и ряд других. Таким образом, в тотальности средневекового мира скорее светское оказалось своего рода автономией, рамки которой определялись церковью, чем наоборот.

Примечательна также убежденность Гегеля в том, что ни конституция, ни форма государственного устройства (демократия, аристократия, монархия) не есть предмет выбора и не могут быть установлены произвольно, но представляют собой результат (этап) исторического развития народного духа.

Для Гегеля реальной субстанцией исторического изменения было то, что он именовал «народом» или «нацией»[56], но *субъектом* нация становилась только тогда, когда приобретала государственное устройство.

Государство есть обладающая самосознанием нравственная субстанция...[57]

То есть, именно *государство* есть реальная историческая субстанция-субъект, или, в других терминах, всеобщий конфигуратор социокультурных изменений, обеспечивающий более или менее устойчивое воспроизводство и развитие человеческого сообщества.

Можно по-разному реагировать на высказывание Гегеля о том, что народ, не имеющий государственного устройства, не имеет и своей истории[58]. Однако до сих пор, несмотря на рассуждения апологетов глобализации о потере национальным государством своей политической монополии, субъекты социальных изменений стремятся к тому, чтобы обрести *свою государственность*, или, как минимум, «вписаться» на постоянной основе в существующее государственные структуры. Государственное устройство социального целого (народа) – это, по сути, его рефлексия в себя; соответственно, все, что не находит в

нем своего постоянного, институционального места, раньше или позже при смене поколений исчезает.

Описанная схема рефлексивной петли соответствует нормальному ходу истории, будь то эволюция, модернизация или собственно развитие[59]. Однако возможны ситуации, когда противоречие не может быть ни уничтожено, ни примирено в рамках существующего социокультурного целого – его структуры, системы регуляции и реконфигурирования. Определяющая рефлексия, конфигурирование, «срывается» и рефлексивная петля истории «перехлестывает», образуя *узел*.

Это может происходить, например, как эскалация институционального кризиса с последующим крахом, как минимум, властных (регулятивных) институтов и разрушением институциональной структуры в целом. Регулятивное отношение, как правило, носит характер отрицательной обратной связи, когда властный регулятивный институт отслеживает функционирование регулируемого, и в случае выхода последнего за допустимый диапазон возможных отклонений, возвращает его к норме, руководствуясь при этом законами, традицией, прецедентами, то есть имеющими в культуре прототипами и нормами. Однако время от времени складываются ситуации, у которых нет прямых прототипов, экстраполировать какой-то более или менее похожий случай на новую ситуацию не удастся, управляющая «надстройка» оказывается не в состоянии найти адекватный ответ и оказывается в тупике. Неадекватные действия власти усугубляют кризис в подвластных массах; понимание этого обстоятельства и своей неспособности преодолеть проблемную ситуацию вызывает кризис самого властного института. Правительство демонстрирует «силу», но при этом не в состоянии справиться с проблемами, армия и полиция разлагаются, ситуация в обществе резко политизируется, возникает т. н. «множественный суверенитет». Дефицит реальной власти рождает со стороны правящего слоя и элиты запрос на «политическую волю», то есть на расширенное применение силы, применение силы наталкивается на правовые ограничения и недостаток ресурсов, всё это выливается в избирательное применение уже не силы, но *насилия*, что лишь усугубляет ситуацию, поскольку демонстрирует одновременно и слабость, и несправедливость власть предержащих. Таким образом, отрицательная обратная связь скачкообразно меняется на «положительную», и государство идет вразнос.

Неудаче нормального хода исторического развития способствует также *срыв процесса субъективации*. Начиная, как минимум, с Питирима Сорокина, при анализе причин и хода социальной революции принято обращать внимание на «вырождение» управленческой элиты, «смещение лояльности интеллектуалов», «фрагментацию», «отчуждение и раскол» внутри элиты, «предательство элиты», которые сочетаются с нарастанием мобилизационной способности населения, особенно – отчужденных от политики групп. Приступив под давлением различных внутренних и внешних факторов к реформированию (вообще преобразованиям), формальный властный субъект оказывается не в состоянии эффективно мобилизовать элиту. Общая проблема субъекта преобразований отягощается не

только разрывом между «прогрессивно мыслящей» элитой и консервативно настроенным населением, но тем, что в самом правящем слое (сословии, классе etc.) не удастся достичь единства мнений, общего видения будущего и пути к нему. Такая несогласованность по мере нарастания неизбежных трудностей и диссипации «инфраструктурной власти» (infrastructural power)[60] правительства приводит к расколу элиты.

Параллельно, в других слоях общества под воздействием происходящих изменений и их интерпретаций, распространяемых той или иной группой, также образуются активные силы. Поскольку институциональные и вообще легальные политические возможности консолидации сторонников тех или иных изменений, и вообще возможности участия в политике, как правило, при «старом порядке» весьма ограничены, такой консолидации либо вообще не случается, либо она происходит в обход существующих институтов. В первом случае появляется множество субъектов изменений (прежде всего, агентов разрушения «старого»), действующих разрозненно и нередко соперничающих друг с другом за власть, а во втором – ситуация вообще выходит за рамки политики как таковой, выливаясь в «уличную демократию», массовые беспорядки, вооруженные восстания и т. п. эксцессы.

Потеря управления и рефлексивного контроля над ситуацией в целом, отсутствие субъекта, который имел бы целостную (пусть и на обобщенном уровне) картину происходящего в обществе, раньше или позже приводит к хаосу. Одни субъекты изменений превращаются в «объекты» для других субъектов, и наоборот: бывшие «объекты» становятся субъектами. Яркий пример дает Французская революция, когда, говоря словами Маркса, за господством конституционалистов следует господство жирондистов, за господством жирондистов следует господство якобинцев, которых, в свою очередь, отправляют на гильотину термидорианцы, а последних сменяют чиновники Директории. При этом практически невозможно без сильных натяжек найти в этом какую-то (чью-то) стратегию, выстроить эти события в некую единую линию[61].

Термин «революция» появился здесь не случайно, поскольку срыв нормального процесса развития, *рефлексивный узел*, и есть, в сущности, то, что называют «социальной революцией».

Революцию принято трактовать как радикальный или тотальный «разрыв с прошлым», смену одной общественно-экономической формации, государственно-политического устройства или социальной структуры другой[62]. Сэмюэл Хантингтон в своей известной работе 1968 года рассматривает социальную революцию как крайнюю, но все же форму (или аспект) *модернизации*, подчеркивая при этом отличие революции от восстаний, мятежей, бунтов и войн за независимость[63].

В действительности, дефиниции и теории революции более или менее хорошо работают постфактум, когда ситуация стабилизировалась, установился какой-то социальный порядок, и можно обсуждать, было происшедшее революцией или нет, и в чем, собственно, заключался «радикальный разрыв с прошлым». Но *внутри*, в рефлексивном узле, водовороте событий, во время самой революции редко кто-то

может с уверенностью сказать, к чему идет и чем именно закончится дело, какое именно политическое или социальное устройство придет на смену прежнему, и даже сохранится ли вообще страна, охваченная революцией.

Революция, конечно, связана с развитием или модернизацией, но не совсем так, как утверждает Хантингтон. Гегель, обсуждая Французскую революцию, констатировал, что революцию невозможно произвести без реформации, без «освобождения совести»[64], но *volens nolens* показал при этом, что если, как в Германии и ряде других стран, Реформация состоялась, то в революции уже нет необходимости. Иначе говоря, революция представляет собой срыв, неудачу процесса модернизации или реформирования.

Революция всегда тотальна. Идея революции, пишет Ален Турен, складывается из трех компонент: «естественный прогресс, нация и, с другой стороны, старый порядок», но никак не социальная борьба сословий или классов между собой[65]. Нация трактуется как творение народного суверенитета, а старый порядок, нередко вместе с внешней агрессией, стоит на пути осуществляемого нацией естественного прогресса разума, угрожает ее существованию и/или единству. Характерной особенностью Французской революции, подчеркивает Турен, было постоянное разоблачение врагов революции как *государственных* изменников и *вражеских* (иностраннх) агентов. К этому можно добавить, что во времена Октябрьской революции и последующих событий, при всем засилье марксистской идеологии классовой борьбы, врагов революции также нередко квалифицировали как «врагов всего трудового народа», причем «трудовой народ» и воспринимался, собственно, как *народ*.

Однако самое важное, по мнению французского социолога, заключается в том, что понятие революции относится к сфере *диахронического*, а не *синхронического* (как социальные движения) анализа, что «идея революции связана с системой и тотальностью»[66], а не с конфликтом каких-то субъектов, которые могут враждовать, но также могут вступить в переговоры и прийти к компромиссу.

Революция состоит не в вышибании двери, она разрушает все здание, которое видится преградой на пути, ведущем к чему-то иному.[67]

Революции суть разрушение существующего, как бы изношенного или морально устаревшего социокультурного конфигулятора (государства) «до основания», или, как сказано в оригинале «Интернационала», до состояния «*table rase*», которое, однако, оказывается отнюдь не «чистым листом», но социальным хаосом, охватывающим страну. Лишь по мере распутывания рефлексивного узла истории и сборки нового конфигулятора устанавливается новый социальный порядок.

Философия истории, конечно, не может обойти стороной вопрос о *конце истории*. Схема социального (исторического) изменения отвечает на этот вопрос так: конец исторического процесса возможен – и неизбежен – при условии прекращения рефлексии.

По сути, это сугубо гегелевская мысль. Гегель описывает грядущий конец истории в нескольких аспектах: антропологическом, социологическом и метафизическом.

Антропологический конец исторического процесса наступает вследствие завершения диалектической борьбы господина и раба, то есть это конец борьбы одного самосознания с другим самосознанием за признание. Сама эта борьба исходно носит *рефлексивный* характер. Господином становится тот, кто рефлексивно переигрывает противника, предложив ему такую ставку, на которую он не сможет ответить, и, осознав это обстоятельство, подчинится. Поскольку человеческая история для Гегеля связана с появлением и развитием государства, а началом государства является «борьба за признание и подчинение власти господина»[68], то завершение диалектических отношений господина и раба будет означать и завершение исторического процесса. Исторический процесс как разворачивание диалектического взаимоотношения двух (а значит, и любого числа) самосознаний завершается формированием «всеобщего самосознания», которое представляет собой «утверждающее знание себя самого в другой самости»[69]. Рефлексия завершается здесь совершенно так же, как завершается узнавание себя в зеркале[70].

Эмпирической, или социологической, формой существования этого всеобщего самосознания является, по Гегелю, *государство*. Однако государства как отдельные индивидуумы

...суть только моменты развития всеобщей идеи духа в его действительности – во всеобщей истории[71].

Соответственно, подлинно всеобщим всеобщее самосознание станет тогда, когда на всем земном шаре образуется одно-единственное, *универсальное* государство. Это будет социологический или, если угодно, геополитический конец человеческой истории в том виде, как мы ее знаем и понимаем, то есть как социальной истории, истории человеческих обществ.

В метафизическом плане это будет означать, что Мировой Дух достигнет своего максимально возможного на земле совершенства, исчерпав тем самым все возможности своего развития.

Таким образом, конец истории, согласно Гегелю, наступит тогда, когда исчезнет необходимость в рефлексии.

Френсис Фукуяма в своей нашумевшей статье «Конец истории?» (1989) а затем и в книге[72], по сути, лишь иначе воспроизводит эту гегелевскую мысль. Фукуяма подчеркивает, что говорит о «конце истории» не в том смысле, что прекратится поток событий, но в том, что идея западной либеральной демократии как окончательной формы правления (то есть как определенной нормы) стала универсальной, что после «крушения коммунизма» у нее не осталось жизнеспособных, иначе говоря – культуросообразных, альтернатив. Если альтернатив заведомо нет, то рефлексия – и ретроспективная, и перспективная – утрачивает смысл.

Однако как можно быть уверенным, что альтернативы нет или что она не появится в будущем?..

Этот вопрос показывает, что в предложенном американским социологом тезисе в действительности предпринимается попытка завершить историю посредством элиминации рефлексии.

В самом деле, если человечество утратит способность рефлексии – прекратится и развитие культуры, и исторический процесс, как результат – пусть и не прямой, опосредованный «хитростью разума» – целенаправленных человеческих действий по трансформации норм общественной жизни. Наступит постисторическая эпоха броуновского социального движения, хаотичного движения множества короткоживущих социальных частиц поверх разного рода инфраструктур, движения, результирующая которого равна нулю.

Опасность утраты рефлексии не следует недооценивать еще и потому, что рефлексия (в отличие от самосознания) не является естественной функцией человеческого интеллекта – ребенок не рождается с рефлексией, она не развивается сама собой, но требует специального обучения и развития.

Можно привести множество примеров, как в современном мире способность рефлексии и механизмы ее воспроизводства либо жестко монополизируются, либо разрушаются (в том числе в самом что ни на есть цивилизованном мире).

В то же время философия Гегеля, с одной стороны, разворачивает и демонстрирует все грани рефлексии, показывает ее онтологическое значение, а с другой – служит развитию способности рефлексии у новых поколений. Именно поэтому она является стратегически важным бастионом в борьбе за рефлексию и, следовательно, сохранение исторического процесса.

[1] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. С. 10, 49.

[2] *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983.

[3] Письмо Маркса – Энгельсу, 11 января 1868 г. – *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1964. Том 32. С. 15.

[4] *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. СПб., Наука, 1997 (далее – Наука логики). С. 52.

[5] «Камень преткновения и камень соблазна» (лат.) (Послание к римлянам апостола Павла, 9: 32).

[6] *Гегель Г.В.Ф.* Различие между системами философии Фихте и Шеллинга в соотнесении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии в начале 19-го столетия // Кантовский сборник. (Межвуз. темат. сб. науч. трудов). Калининград, 1988, Вып. 13; 1989; Вып. 14; 1990, Вып. 15.

[7] На с. 104 «Науки логики» переход в сфере бытия называется «самоопределением» (Sichbestimmen).

[8] *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Том 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974 (далее – ЭФН. Т. 1). С. 268. Наука логики. С. 104.

[9] Наука логики. С. 434.

[10] ЭФН. Т.1. С. 313.

[11] Наука логики. С. 482.

- [12] Там же. С. 507
- [13] Там же. С. 530.
- [14] См., например, *Gasche R.* The Tain of the Mirror: Derrida and the Philosophy of Reflection. Cambridge: Harvard University Press, 1986; *Schnädelbach H.* Reflexion und Diskurs. Fragen einer Logik der Philosophie. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1977; *Романенко Ю.М.* Понятия «рефлексии» и «спекуляции» в античной философии // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 3-12; *Савчук В.В.* Топологическая рефлексия. М.: Канон, 2012.
- [15] *Платон.* Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 262.
- [16] Пожалуй, наиболее явно он пишет об этом в Малой логике: «Точка зрения сущности представляет собой точку зрения рефлексии. Мы употребляем выражение *рефлексия* прежде всего по отношению к *свету*, когда он в своем прямолинейном движении *встречает зеркальную поверхность и отбрасывается ею назад*. Мы, таким образом, имеем здесь нечто *удвоенное*: во-первых, некое непосредственное, некое сущее и, во-вторых, то же самое как опосредствованное, или положенное. Но то же самое происходит, когда мы рефлектируем о предмете, или (как обыкновенно говорят) размышляем о нем, поскольку именно здесь предмет не признается нами в его непосредственности, мы хотим познать его как опосредствованный» (курсив мой – *В.Н.*). – ЭФН. Т.1. С. 265.
- [17] *Gasche R.* Op. cit. P.63.
- [18] Наука логики. С. 361.
- [19] Наука логики. С. 360.
- [20] Ср.: «Возвращение сущности есть тем самым ее отталкивание себя от самой себя. Иначе говоря, рефлексия в себя есть по своему существу предположение того, возвращение из чего есть рефлексия». – Там же. С. 362.
- [21] Там же.
- [22] Там же. С. 364.
- [23] Ср.: «Но прошедшим и будущим временем как *существующим в природе* является пространство, ибо оно есть время, подвергшееся отрицанию...». – ЭФН. Т. 2. С. 56.
- [24] *Лефор К.* Формы истории. Очерки политической антропологии. С.-Пб.: Наука, 2007. С. 43.
- [25] Поскольку лучший способ подготовиться к чему-то – это совершить его или иметь уже свершившимся. Ср. анализ Славоем Жижекком дискуссии между Розой Люксембург и Эдуардом Бернштейном о моменте начала революции. – *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. С. 64.
- [26] См., например, *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991, *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004, *Хьюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001.
- [27] См., например, *Джейкоб М.К.* Масонство // Мир Просвещения. Исторический словарь. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С.274-285.
- [28] «“Историческому обществу”, как нам кажется, свойственно, что оно содержит в себе принцип события и имеет возможность превращать его в момент опыта таким образом, чтобы он представлял собой определенное начало в той дискуссии, которую люди ведут между собой. Таким образом, в нем трансформация, в сущности, является не переходом от

одного состояния к другому, а движением этой дискуссии, которая предвосхищает будущее, соотнося его с прошлым. Это также значит, что историческое не коренится в событии как таковом или в трансформации как таковой, но в стиле социальных отношений и поведения, в стиле, благодаря которому ставится под сомнение их смысл». – *Лефор К.* Общество «без истории» и историчность / *Лефор К.* Цит. соч. С. 37.

[29] Вообще говоря, как точно заметил Крейг Калхун, «силу традиции (или культуре вообще) придает не ее древность, а ее непосредственность и данность», а «доводы в пользу древности больше важны при обращении к внешним наблюдателям, включая Международный суд ООН и тому подобные органы». – *Калхун К.* Национализм. М.: Территория будущего, 2006. С. 82, 84.

[30] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993 (далее – Философия истории). С. 254. Младогегельянец Карл Маркс позже сформулировал вошедший во все учебники по истмату тезис о том, что материальные предпосылки или условия новых отношений созревают в недрах старого общества.

[31] См., например, *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.

[32] См., например, *Мэнюэль Ф., Мэнюэль Фр.* Утопическое мышление в западном мире // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 21–48; *Мангейм К.* Идеология и утопия. Там же. С. 113–169.

[33] Наука логики. С. 365.

[34] Тут можно усмотреть механизм удвоения исторических событий, который обсуждает С. Жижек в «Возвышенном объекте идеологии» (*Жижек С.* Ук. соч.). Определяющая рефлексия как бы повторяет полагающую рефлексию.

[35] Наука логики. С. 368.

[36] Там же. С. 383.

[37] Там же. С. 384.

[38] «Лишь доведенные до крайней степени противоречия, многообразные [моменты] становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности». – Там же. С. 400.

[39] Там же. С. 399.

[40] Там же. С. 392.

[41] Там же. С. 393.

[42] Там же. С. 393.

[43] Там же. С. 401.

[44] «...Противоречие не следует считать просто какой-то ненормальностью, встречающейся лишь кое-где: оно есть отрицательное в своем существенном определении, принцип всякого самодвижения... Само внешнее чувственное движение есть непосредственное наличное бытие противоречия. Нечто движется не так, что оно в этом «теперь» находится здесь, а в другом «теперь» там, а только так, что оно в одном и том же «теперь» находится здесь и не здесь, в одно и то же время находясь и не находясь в этом «здесь»». – Там же. С. 398.

[45] Философия истории. С. 149.

- [46] Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб., Наука, 1994 (далее – Феноменология духа). С. 235.
- [47] Феноменология духа. С. 234.
- [48] ЭФН. Т. 3. С. 326.
- [49] Там же. С. 339. В частности, в сферу нравственности Гегель включал и человеческую деятельность, труд.
- [50] См., например, Kroeber A.L., Kluckhohn Cl. Culture: a critical review of concepts and definitions. Cambridge, Mass.: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, 1952. P. 50 – 55; Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., ШКП, 1995. С. 50 – 56; Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М.: Наука, 1991; Никитаев В.В. Субъекты и типология социокультурных изменений // Организация саморазвивающихся инновационных сред. М.: Когито-центр, 2012. С. 60 – 86. В этом подходе культура трактуется как комплекс норм, то есть более или менее взаимосвязанных, ссылающихся друг на друга сценариев, способов, образов действия, поведения, интерпретации, каждый из которых сомасштабен способности индивида воспроизвести его в условиях определенной предметной среды. Под «нормами культуры» понимаются все общезначимые, предзаданные индивидам *формы* (нормы деятельности в строгом смысле, нормы права, образцы или ролевые модели поведения, формальные и неформальные социальные правила, способы интерпретации и символизации и т.д.), регулирующие поведение сторон социальных отношений и придающие этим отношениям определенность, предсказуемость и легитимность. Нормы транслируются в процессах обучения и социализации, воспроизводятся в социальных ситуациях (обеспечивая, тем самым, относительно устойчивый социальный порядок) и трансформируются или замещаются другими. В ходе трансляции нормы могут быть зафиксированы в текстах (устных и письменных), изображениях, вещах, специальных ритуалах, играх.
- [51] Kroeber A.L., Kluckhohn Cl. Op. cit. P. 24.
- [52] Ibid. P. 26.
- [53] Философия истории. С. 384 – 385.
- [54] Ср.: «Время не есть как бы ящик, в котором все помещено, как в потоке, увлекающем с собой в своем течении и поглощающем все попадающее в него. Время есть лишь абстракция поглощения. Так как вещи конечны, то они находятся во времени, но вещи исчезают не потому, что они находятся во времени, а потому, что сами они представляют собой временное, их объективным определением является то, что они таковы. Процесс самих действительных вещей составляет, следовательно, время, и если время называют самым могущественным, то оно также и самое бессильное». – ЭФН. Т. 2. С. 54.
- [55] Ср.: «Итак, мы видели, что церковь являлась *реакцией* духовного против существовавшей светскости, но эта реакция по существу такова, что она лишь подчиняет себе то, против чего оно реагирует, но не реформирует его». – Там же. С. 396.
- [56] Из текста можно заключить, что общность, которую Гегель подразумевал под «нацией», сегодня обычно называют «этносом».
- [57] ЭФН. Т. 3. С.350. Ср. С. 343.
- [58] ЭФН. Т. 3. С. 370.

- [59] См. *Никитаев В.В.* Ук. соч.
- [60] *Mann M.* The Autonomous Power of the State: Its Nature, Causes and Consequences // Archives Europe'ennes de Sociologie. 1984. № 25. P. 185–213.
- [61] См., например, *Бовыкин Д.Ю.* Термидор, или Миф о конце Революции // Вопросы истории. 1999. № 3.
- [62] См., например, *Никифоров А.А.* Революция и ее причины: ответы и новые вопросы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 2.
- [63] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс, 2004. С. 269 – 270.
- [64] Философия истории. С. 452. См. также ЭФН. Т. 3. С. 377 – 378.
- [65] *Турен А.* Идея революции. Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1. С. 98 – 116.
- [66] Там же. С. 107.
- [67] Там же. С. 111.
- [68] ЭФН. Т. 3. С. 244.
- [69] Там же. С. 243.
- [70] «Господин, противостоящий рабу, не был еще истинно свободным, ибо он не видел в другом с полной ясностью самого себя. Только через освобождение раба становится, следовательно, совершенно свободным также и господин. В состоянии этой всеобщей свободы я, рефлектируя в *себя*, непосредственно рефлектирован в *другом*, и, наоборот, я становлюсь в непосредственное отношение к *самому себе*, относясь к *другому*». – С. 248.
- [71] Там же.
- [72] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., Изд-во АСТ, 2004.

Г.П.Щедровицкий и И.Г.Фихте^{††††}.

Зубарев Александр Константинович^{****}

«Я утверждаю, что идея есть самостоятельная, живая в себе и оживляющая материю мысль»

И.Г.Фихте лекция IV в цикле «Основные черты современной эпохи» (И.Г.Фихте соч. в 2-х томах – СПб.: Мифрил, 1993. т.2, стр.413)

" Начинать надо с Фихте, который обсуждал вопрос предельно субъективированно. Он ставил вопрос: «Что сейчас в нынешней ситуации в Германии должен делать ученый? Что мы, ученые, должны исповедовать и как мы должны действовать?» И это одна постановка вопроса. При этом Фихте оказал гигантское влияние на тогдашнюю ситуацию, поскольку он был искренним, он был беззаветно смелым, он не политиканствовал, он обсуждал вопрос, что ученому делать. Теперь представьте себе, что Фихте определялся бы иначе. Он бы начал обсуждать, как обсуждаем мы — объективированно, а именно так: «Уважаемые профессора немецких университетов, дерьмо вы все и делаете не то, что нужно». Поступая так, он производил бы объективацию. Он говорил бы: «Эти профессора...» — при этом он как бы их на доске нарисовал и квалификацию им давал — как объектам. Каков был бы результат? Сегодня эти лекции — классика культуры Германии, а поступи он иначе, никто бы не обратил на него внимания, поскольку вопрос обсуждался бы отчужденно и опредмеченно: что там должен делать немецкий профессор? Да видал это все немецкий профессор в гробу. Вот это и есть объективное представление предмета разговора — в противоположность той модальности, которую выбрал Фихте, — субъективированной. Он как бы для себя писал ... и говорил: «Я — дерьмо».

Г.П.Щедровицкий

Невозможно кратко и "на бытовом языке" сравнивать две мировоззренческие системы о Мышлении, разработанные, а точнее "ухваченные в понимании и мышлении" и объективированные миру людей этими двумя великими

^{††††} Материал подготовлен для 2-й online конференции памяти Г.П.Щедровицкого

^{****} Зубарев Александр Константинович. 236000, г.Калининград, ул. Интернациональная, 30В

мыслителями XIX и XX веков И.Г.Фихте и Г.П.Щедровицким. Малого того, что повседневное "пользовательское сознание" современников не допускает в свою сеть обыденных представлений самого факта существования "Мышления", как основе существования Человечества, и, тем более, "мышления о Мышлении" как способе познания мира и его организации, и если это так, то понятно почему весь "житейский опыт" и "менталитет" современников сопротивляется даже возможности понимания "фактов" проявления Мышления в их жизни, но самое проблематичное и удивительное то, что тотальный «эмпиризм и позитивизм», лежащий в основе "современных наук" также приводит их к отрицанию факта "существования Мышления как такового", сводя его к нейро-химическим реакциям в сетке нейронов головного мозга, фактически не допускает постановки вопроса "мышления о Мышлении" или низводит его в своем "бэконовском эмпиризме" до "идеалистических фантазий философов и методологов" (И.Г. Фихте публичные лекции "Основные черты современной эпохи" 1806 г.).

Современные науки о "естественно существующем" внешнем мире (относительно конкретного человека), достигнув великих "практических" высот в познании природы, почему-то отвергла сам факт наличия "мира духовного и нравственного". Этот факт "разрыва" наук о человеке и человеческой деятельности на "науки внешнего опыта" и "науки о нравственности, духе и разуме" (или "науки внутреннего опыта") справедливо подметили русские философы Н.Я. Гротт и С.Н. Трубецкой еще в конце XIX века.

Интересен сам "факт" фиксации в русской философии этого "разрыва" и "противостояния" наук. "Разум как таковой" был "приписан" Е-науками человеку как некое "человеческое качество" наравне с его физиологическим строением и "наличными, естественными" способностями к выживанию "в природной среде", более того все факты, свидетельствующие о наличии "нечто такого", что не есть "природа", были помещены "Е-наукой" "во внутрь" человеческого существа" и плотно запечатаны в нем "позитивизмом и материализмом", даже К.Маркс, погрузившись в эмпирию экономизма, в своем предисловии к 1-му тому "Капитала" писал: - «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург * действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней...» Многие (за редким исключением, например Г.П.Щедровицкий) «практические» последователи Маркса, особенно советского периода, не утруждали себя «мыслительными процедурами», особенно такой работой, как "Понимание" и радостно ухватились за "материалистическое толкование" процессов "в человеческой голове", в т.ч. и "причинах их порождения". Прежде всего изучая "эмпирию внешних воздействий" на человеческое существо, а "внутренние" исследования свели к "опытной психологии" и нейро-физиологии мозга... их

достижения и вклад в медицину и гигиену неоспорим, однако даже Бехтерева, бессменный директор Института мозга, признала в одном из своих последних интервью, что есть еще "нечто", что не схватывается, не объясняется нейро-биологией и "химией" мозга

Любая из "эмпирических" или "позитивистских" наук, например, акцентированная на исследовании "материальных следов Культуры" (археология, культурология), не могла и не может заменить собою наук о Духовном Мире и о Мышлении, как его основе.

В этом контексте интересны работы советских ученых, изначально самоопределившихся как "философ" до революции 1917 г., которые сохранили философский стиль мышления и в его рамках подходили к исследуемым "предметам", см., например, работы А.Ф.Лосева "Диалектика Имени", "Диалектика Мифа", его работы по истории эстетики. Виртуозно владея и "работая диалектическим методом", Алексей Федорович захватывает читателя своих текстов и включает его в со-размышление по теме.

Особо считаю необходимым обратить внимание на его работу "Диалектику мифа" и ее, как-бы самостоятельную часть под названием "Новоевропейский эмпиризм", как пример самой последовательной и предельной критики эмпиризма осуществленной русским философом в начале XX века (текст настолько замечательный, что следует его прочесть весь, здесь я привожу лишь его малую часть),.

Итак, А.Ф.Лосев: - "<...> Мы, другими словами, утверждаем, что никакая форма опыта, ни чувственная, ни сверхчувственная, не является доказуемой для другой формы опыта, являясь однако вполне обоснованной для себя самой. Чувственное так же вне логики, как и сверхчувственное. Логика начинается там, где уже что-нибудь интуитивное установлено; если установлен чувственный опыт, получается одна система; если сверхчувственный – другая. ...", и далее: - " ... Относительно Фрэнсиса Бэкона я хочу только сказать то, что на нем одновременно демонстрируется как принципиальная недоказуемость интуиции, так и тупая уверенность т.н. «эмпириков» в доказуемости интуиции чувственной <...> А почитайте в самом деле Бэкона, – не для индукции или классификации наук, – а для самого Бэкона, и вы обнаружите не философа и не ученого, а просто приятного рассказчика и светского болтуна, который не лезет в карман за словом, и который не прочь ругнуть, кого хотите и за что угодно. ..." <Ф.Бэкон, лорд-канцлер королевской печати, уволен с должности за взяточничество...А.К.> " Хорошо рисует отношение Бэкона к религии К. Фишер (Fr<ancis> Bacon und seine Schule, X том Gesch<ichte> d<er> n<eueren> Philos<ophie> 1904, стр. 274–291). Он говорит (279 <ссылка>), что бэконовская философия не может объяснить религии, она не может понять ни творческой фантазии в искусстве, ни сущности человеческого духа; у нее отсутствуют все органы для понимания взаимоотношения между Богом и человеческим духом. Такая философия может, рассуждает Фишер, или просто принять религию, или просто отвергнуть. <...> Но все это рассуждение Фишера как раз указывает на разрыв между верою и знанием, который бездоказательно лежит в

основе всей Бэконовой философии. Самостоятельная роль индукции и утилитарный взгляд на науку поэтому и стали возможными, что знание потеряло мистический смысл, и от «веры», от этого *πίστει ὡς μὲν* апостола Павла («Верою разумеваем», Евр. <11.3>[1]) осталось только доверие чему-то, собственно говоря, неизвестно, чему...."

...<...> " Умнее и осмотрительнее Локк, другой классический эмпирик Нового времени. ..<...> Анализ разума начинается с утверждения: «Все идеи получают из ощущения и рефлексии» («Опыт», пер. А.Н. Савина, М. 1898, стр. 79). Откуда, значит, получают эти идеи? «На это я <Локк> отвечаю одним словом: из опыта..." <...> Дальше идут кое-какие соображения о том, что все идеи базируются на опыте, – главным образом на основании наблюдения за детьми. Но однажды принятая установка остается незыблемой ... <...> Будучи удивлены, вы спрашиваете: позвольте, откуда Локк знает, что только эти два источника «идей» существуют? Почему Локк ни слова не говорит о такой действительности, которая есть и не материальное и не психическое? А куда он поместит Бога, о котором он сам с таким благоговением говорит? Почему всякий опыт равносителен или чувственному или внутреннему опыту? Все эти вопросы останутся без ответа, сколько бы вы ни читали Локка. Его философия уже базируется на этом минимуме мистического в опыте, и минимум его – просто за пределами видения Локка. Потому и нечего требовать от него аргументов в пользу исключительной, максимально узко понимаемой эмпиричности опыта..."

<...> "... Из всего классического эмпиризма Юм наименее занят нашей проблемой. Ему совершенно очевидна невозможность какого-нибудь опыта, кроме чувственного.<...> Правда. Юм охотнее других сознается в неполноте и недостаточности своей философии." <Лосев приводит цитату из Юмовской работы «Трактат», пер. С.<И.> Церетели, ч. I. 1906, стр. 258–259> и говорит далее: - "Но все-таки эта общеизвестная честность Юмовой философии не избавляет ее от необходимости сознательно относиться к недоказуемости и недоказанности самых исходных пунктов эмпиризма." <...> ..." ясно, что для соединения разорванных и механически-соединяемых идей не находится никакого особого условия, кроме законов «ассоциации идей», и в основе законов причинности и субстанции лежит простая привычка наша мыслить вещи так или иначе; ясны эти выкрики, пытающиеся всецело разорвать «веру» и «разум» («Исслед<ование>», 151<ссылка>); ясен весь Юм вплоть до последний строк в «Исслед<овании>», которые являются и конечным логическим выводом из раз принятой узко-эмпиристической позиции: <Юм>: - «Если, удостоверившись в этих принципах, мы приступим к просмотру библиотек, какое опустошение должны мы произвести в них? Возьмем, например, в руки какую-нибудь теологическую или строго-метафизическую книгу и спросим: содержит ли она какое-нибудь абстрактное рассуждение о количестве или числе? Нет. Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах или существовании? Нет. Так бросьте

ее в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждений» (193 <ссылка>). (Не удивительно, что нацисты в 1939 -45 г.г. так и делали <А.К.>)

"...Так исходная интуиция, сама будучи недоказанной, определяет каждый шаг Юмовой философии. И первоначальные определения идеи и впечатления – условны, неопределенны и бездоказательны (Г. Шпетт. Проблема причинности у Юма и Канта. Киев. 1907, стр. 27–28); и целостность духа говорит о совершенно иных «идеях» и «впечатлениях» (Л.М. Лопатин. Положит<ельные> зад<ачи> фил<ософии>», ч. II. М. 1891, стр. 117 слл.); и, наконец, сам Юм знает, что он в сущности «не может найти теории, которая удовлетворяла бы» его в проблеме тождества личности («Трактат», 258), и что, след<овательно>, его «идеи» ничего ему не объяснили. И все-таки узко-чувственная интуиция остается незыблемой. До того она сильна, безапелляционна и непреодолима.

<...>Мы ни слова не сказали о Беркли. Но с Беркли случился тот самый скандал, который до сих пор, окутывая очи историков философии, заставляет в философии Нового времени видеть лишь Vorgeschichte[1] Кантовской философии. Беркли попал в контекст Локка и Юма, как антитезис рационализму, а Кант трактуется, со слов, главным образом, самого Канта, Коперником, примирившим два главные «до-кантовские» течения. В мою задачу сейчас не входит выяснение истинного смысла философии Беркли. Достаточно указать только на то, что из всех произведений Беркли произвольно выхватывается лишь «Трактат о началах человек<еского> разума», а из этого «Трактата» тенденциозно выбрасывается главная цель его, «доказательство существования и имматериальности Бога или природного бессмертия души». На глубокую связь Беркли с кэмбриджскими платониками прекрасно указал П.<П.> Блонский («Историч<еский> контекст филос<офии> Беркли», сборник «Г.И. Челпанову»[1], М. 1916, стр. 90–95); ему же принадлежит и весьма основательное сближение Беркли через Кэмбридж и Мальбранша с Платином (там же, и его же, «Филос<офия> Платина», М. 1918, стр. 305–306). Соображения П.П. Блонского заставляют нас опустить Беркли в рассуждениях о классическом «эмпиризме»...

<...> " Итак, основатели и создатели, завершители т.н. эмпиризма не дали аргументов для исходных интуиций и опыта, лежащего в основе этого «эмпиризма». Нужно ли после этого доказывать отсутствие этих аргументов в остальной истории эмпиризма? " <...> "... Нет, новоевропейский эмпиризм есть сплошное вероучение, но только очень плохое вероучение, и сплошная метафизика, но только очень дурная и совершенно произвольная метафизика. Учение об эмпирических основах жизни – догмат, как и вся эта исступленная вера в науку (хотя наука сама по себе не имеет ничего общего с эмпирическим обоснованием науки). Эмпиризм наших физиков, химиков, естественников и врачей, до сих пор являющихся сознательными и бессознательными сторонниками английского эмпиризма, есть один из самых абстрактных, пустых, один из самых отвратительных видов метафизики.

(Судя по ссылке, приведенной в разных изданиях - " Следующий далее текст (от слов «Самодовольное пошлячество...» до «... любви и преданности») был

воспроизведен в известном «Материале о рукописи А.Ф. Лосева “Дополнения к диалектике мифа”» («Источник. Документы русской истории», № 4 (23), 1996. С. 126), составленном сотрудником ОГПУ М.А. Герасимовой в июне 1930 года. Это совпадение вынуждает нас предположить, что данный раздел об эмпиризме (частично или целиком) был перенесен автором в состав «Дополнения» к «Диалектике мифа». - т.е. данный текст ("Новоевропейский эмпиризм") написан одновременно с "Диалектикой мифа", т.е. в 1930 г.)

Итак, произошедший в XX веке "захват" мира науки "эмпиризмом" привел к тому, что "Духовный мир человека" был отринут с англосаксонской прямотой, сохранился как основа "человеческого" в Религии, а точнее остался за ней и Философией, кстати, только благодаря этим Институтам человечества мы сегодня еще что-то можем знать и знаем об этом подлинно-человеческом мире, вопреки бесчисленным атакам "научного атеизма" ...

Прорыв из "мертвого мира бездуховной материи" к "живому миру" Мышления был начат в СССР участниками Московского Методологического (сначала - логического) кружка, возникшего на переломе истории советского государства в Московском университете под крылом, чудом сохранившегося в советской России, последователя русской философской школы Шеварева П.А., являвшегося учеником Г.И.Челпанова, участником его семинаров совместно с Л.М.Лопатиным, Г.Шпетом, П.П.Блонским и др..

Роль Петра Алексеевича Шеварева в собственном становлении Георгий Петрович Щедровицкий неоднократно отмечал в своих автобиографических текстах (см., например, "Я всегда был идеалистом", или тексты об истории ММК и СМД-методологии, например, в цикле рижских лекций). Это замечание принципиально важно для понимания связи СМД-методологии, как системного учения о Мышлении и Деятельности со всей предыдущей русской философской школой и классической европейской философией.

В части европейской философской мысли, работы ММК и, особенно Г.П.Щедровицкого (я упускаю из данного обзора работы остальных "отцов-основателей" ММК - Зиновьева, Мамардашвили, Грушина не потому, что они менее значимы, а только в целях "экономии текста") с моей т.з., связаны в первую очередь с классической немецкой философией, начавшей в XVII веке в лице И.Канта работу по исследованию Мышления (разума), вопреки распространяющемуся, «со скоростью степного пожара» англосаксонскому эмпиризму.

Основы программы такого исследования были заложены И.Кантом (именно так о Канте высказывается русский философ Н.Я.Гротт, характеризующий Кантовские "Критики ..." как программу, начатую, но не завершенную Кантом), Последующий мощнейший шаг в развитие программы исследований сделал, введенный с "подачи" Канта в философию - И.Г.Фихте (первая философская работа И.Фихте "Опыт критики всякого откровения" была активно поддержана И.Кантом и опубликована с его помощью в Кенигсберге в 1791 г.), который фактически своими

работами "снял" (в философском смысле) "критики" Канта и своей Философией "положил" Мышление как таковое, как основание всей земной человеческой жизни (см. публичные лекции И.Г.Фихте "Основные черты современной эпохи" 1806 г. Берлин).

И.Г.Фихте: - "... "Разумный инстинкт и вообще разум во всякой форме, сказали мы, определяют исключительно жизнь и отношения рода. Это вытекает из следующего положения, которое не может быть здесь доказано и приводится лишь как лемма из высшей философии, где оно строго доказуемо; существует лишь одна жизнь, единая в отношении живущего субъекта, т.е. существует лишь единое живое, единый живой разум, – отнюдь не в том смысле, чтобы (как довольно часто говорят и признают) разум был единой, всегда себе равной и с собой согласной “силой” и “свойством” разумных существ, которые, несмотря на это, существуют сами по себе и к существованию которых лишь “присоединяется” этот разум, как свойство, без которого они во всяком случае могли бы существовать, – а в том смысле, что разум есть единственно возможное, на себе самом основывающееся и покоящееся бытие и жизнь, которой лишь дальнейшая модификация, определение, изменение и индивидуальное проявление есть все, что является существующим и живым. <...> – Не имея возможности доказать здесь это положение - <необходимо понимать что Фихте читает публичные лекции А.К.>, - я попытаюсь, по крайней мере, исторически разъяснить его: величайшее заблуждение и истинное основание всех остальных заблуждений, завладевших нашей эпохой, состоит в том, что индивидуум мнит, будто он может сам по себе существовать и жить, мыслить и действовать, и думает, будто он сам, данная определенная личность, есть мыслящее в его мышлении, тогда как на самом деле он – лишь единичная мысль единого всеобщего и необходимого мышления. Меня вовсе не удивит, если последнее утверждение будет встречено, как чудовищный парадокс; я слишком хорошо знаю, что такая иллюзия может возникнуть только потому, что с речами о современной эпохе приходится обращаться лишь к современной же эпохе, основной характер которой именно в том, если я не ошибаюсь, и состоит, что она не знает этого утверждения, а когда слышит его, считает в высшей степени неправдоподобным и парадоксальным. Возражать против этого утверждения возможно, только основываясь на личном самочувствии, существования которого, как факта сознания, мы вовсе не отрицаем, ощущая его в себе в такой же мере, как и всякий другой человек. Но мы отрицаем компетентность этого самочувствия там, где дело идет об истине и истинном существовании, так как мы твердо убеждены, что на эти вопросы дает ответ нечто совсем иное, чем совершенно обманчивые факты сознания; и мы обладаем полной возможностью доказать, исходя из соответственной точки зрения, свое отрицание решающими основаниями. Высказать и исторически сообщить это утверждение мы должны были потому, что только посредством его мы можем возвыситься над эпохой; а кто не достиг этого, тот не в состоянии характеризовать эпоху или понять ее характеристику" ...

Обращение именно к этой работе И.Г.Фихте не случайно, ибо многое и у многих можно найти в подтверждение своих мыслей ("ничто не ново под луной"), но

именно эти лекции, прочитанные публично для широкой публики в 1806 году, в годы принуждения Европы "к демократии" Наполеоном, уж больно актуальны сегодня, в ситуации, как будто "списанной" Фихте в его характеристиках 3-й эпохи, с ситуации XX и начала, нашего, XXI века,, хотя он (Фихте) и говорил, что "эпохи" им заданные, в конкретном хронологическом времени существуют одновременно, но есть полное ощущение, что мы застряли в 3-й эпохе. Далее цитирую по тексту лекций Фихте:

<1-я> эпоха безусловного господства разума через посредство инстинкта, – состояние невинности человеческого рода;

<2-я> эпоха, когда разумный инстинкт превращается во внешний принудительный авторитет; это время положительных систем мировоззрения и жизнепонимания, систем, которые никогда не доходят до последних оснований и поэтому не могут убеждать, но зато стремятся к принуждению и требуют слепой веры и безусловного повиновения – состояние начинающейся греховности;

<3-я> эпоха освобождения, непосредственно – от повелевающего авторитета, косвенно – от господства разумного инстинкта и разума вообще во всякой форме, – время безусловного равнодушия ко всякой истине и лишенной какой бы то ни было руководящей нити, совершенной разнузданности – состояние завершенной греховности;

<4-я> эпоха разумной науки, время, когда истина признается высшим и любимым более всего началом, – состояние начинающегося оправдания;

<5-я> эпоха разумного искусства, когда человечество уверенной и твердой рукой созидает из себя точный отпечаток разума, – состояние заверщенного оправдания и освящения.»

Печально, что "схваченная" Фихте философская суть «земной истории человечества как рода» ускользнула от "наших" современников XX и начала XXI века, а точнее - была выхолощена в интересах "самосохранения" и воспроизводства "в веках" авторитета английского эмпиризма и позитивизма, подаваемых миру как "вершина человеческой мысли" (вернитесь к характеристикам эмпиризма А.Ф.Лосевым)...

Интерес к этой работе И.Г.Фихте вызван не столько ее "понятностью" (т.к. это все-таки публичные лекции), сколько, и это в большей степени - "силой, энергией" ее «прогнозов» и характеристик "эпохи" на историческом материале, как прошлого, так и современного Фихте, а для нас - вчерашнего и сегодняшнего дня.

ВСЕ, «вроде-бы» априорные, характеристики "3-й эпохи", эпохи "пустой свободы и отрицания разумом самого себя", как говорил Фихте в 1806 г., легко опознаются в материале "ближайшей истории": 2-х Мировых войн, революции 1917 г, истории СССР и в материале, скорее даже в морфологии, сегодняшних ситуаций глобального противостояния, как "политических", так и "наук", с одной стороны опирающихся на постулаты эмпиризма и позитивизма, объединяемых в пределе в материалистическом Нигилизме, отрицающим "все и вся", в т.ч. и разума, т.е. и мышления, как объемлющей рамки бытия, и, с другой стороны, "наук о разуме,

нравственности и духовных ценностях", т.е. "разумной науки". опирающихся на техники и технологии Мышления, являющихся основой этих наук.

Но если Фихте был в своих размышлениях ограничен существующей ситуацией развития наук и не имел "знания" о предстоящей в XX в. реальной возможности человечества уничтожить самое себя "чисто физически", т.е. такой "разворот" 3-й эпохи "к самоотрицанию путем физического уничтожения" он себе просто представить не мог и, следовательно, не обсуждал, то нам, людям XXI в., приходится с этим "наличным фактом" уже считаться, и возвращаться к той "развилке" в истории Мышления, в которой произошло "расщепление" способов познания (а затем и "сознания") на "эмпирическое", материалистическое, "позитивистское" и на "идеалистическое", духовное, и внимательно посмотреть на "социо-культурные последствия" такого "вроде-как только философского" расхождения, тем более, что "эмпирического материала" для анализа и выводов и в прошлом и в новом времени эмпирики "наворотили" более, чем достаточно...

Прежде чем приступить к такому "анализу", необходимо понять на первом шаге, что средств, представляемых для такого рода работы постмодернистской философией и эмпирическими науками, просто не достаточно, тем более, что это средства из "разных миров", разошедшихся после "победы эмпиризма" даже не как "галактики в космосе", а как "параллельные миры", как "посю-" и "поту-" сторонние сущности или организованности.

Все вышесказанное было бы столь печально, до безысходности, если бы не работы ММК и Г.П.Щедровицкого построившего СМД-методологию, в которых Идея Фихте о Едином Мышлении была достроена организационно-технически и оснащена "инструментами" для "понимания и различения" разных мыслительных сущностей, для оперирования с ними как с "пространственно-разными организованностями» в иманентно им присущим пространствах, существующих, перефразируя философские термины, как "по одну" так и "по другую" сторону ранее упомянутого "разрыва", - Сознания и Бытия - как единого, нераздельного "Я", - т.е. в его и в "Духовном" и в "Материальном" (в т.ч. "Эмпирическом") единстве и многообразии.

Объективированная самим ГП и его последователями, в первую очередь сыном - П.Г.Щедровицким, - история ММК и становления, развертывания СМД-подхода демонстрирует как "рождались" инструменты "мышления и понимания" универсума человеческой Деятельности в пространстве Мышления, как происходило "схватывание и прорисовка" в схемах самих "мыслительных инструментов" в процессе осуществления мыслительных работ и в практическом Действии группы исследователей, т.е. участниками ММК, СМД-семинаров и, в какой-то части, участниками ОДИ.

Высказанный на ЛШ-2015 Петром Георгиевичем тезис, что "Мышление организует Деятельность" полностью "соответствует" онтологической картине Мышления и Деятельности, какой ее начали создавать ("прорисовывать") такие философы как И.Кант, И.Г.Фихте, И.Гегель, и продолжил Г.П.Щедровицкий. Выход к понятию "МыслеДеятельность" (МД), фактически открыл путь к «формированию»

системомыследеятельностных наук и исследованиям всего мира Деятельности и Мышления, фактически работы Г.П.Щедровицкого предоставили средства для преодоления, "сшивки" выше обозначенного "разрыва" человека на "материальные" и "духовные" сущности, его, "Человека", составляющие и определяющие.

Следуя методологическим принципам и средствам организации МД, можно сказать, что СМД-методология "сшивает разорванное эмпириками" пространство человеческой жизни в единое многообразно существующее и системно организованное целое, без разрушения и "ликвидации" ранее непримиримых оппонентов.

К этому выводу меня "подтолкнуло" понимание (работа на понимание) места СМД-методологии в системе (пространстве) Мировой Мысли. Рассмотрение преемственности появления и смены философских систем, как фактов истории развития человечества – как «большой Истории», и "малой Истории" (в терминологии П.Г.Щедровицкого), как истории появления, становления, развития ММК и СМД-методологии как факта появления системы "мышления о Мышлении и Деятельности", позволяет сформулировать простой тезис: фактами "большой и малой" Истории Мышления фиксируется преемственность СМД-методологии в линии развития Мышления и Деятельности. Более конкретно - СМД-методология есть не только "преемница и продолжение", но и соорганизующая «сила», объединившая в единой системе две линии мировой философской мысли - европейскую, включающую в себя "идеалистическую" и "материалистическую" ветви немецкой классической философии, (Кант, Фихте, Гегель, Фейербах, Маркс), и часть их последователей и "идеалистическую", духовную линию русской философской школы - Н.Я.Гротт, братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Н.Бердяев, Г.И.Челпанов, П.А.Шеварев, Г.П.Щедровицкий. В котле философских дискуссий, проходивших в МГУ в начале 50-х годов, выкристаллизовалось ядро новой российской школы "мышления о Мышлении и Деятельности", оформившееся, в процессе напряженной 40-летней работы, в СМД-методологию.

Ошибка современного нам "европейского стиля мышления" заключается в непонимании (забвении) тезисов И.Фихте, и из-за этого пренебрежения к сути истории, (да еще на стадии становления), "безосновательным эмпиризмом" (А.Ф.Лосев) были сформированы условия для тотального распространения и "махрового расцвета" эпохи "пустой свободы и отрицания разумом самого себя". Именно поэтому, А.Ф.Лосев так жестко критикует "эмпиризм" (см. выше), но именно сегодняшнее "состояние дел" как нельзя нагляднее подтверждает, что тезисы Фихте не являются "априорным вымыслом философа", а есть свершившийся "исторический факт", подтверждающий правоту его суждений и оснований, на коих эти суждения базируются. А теперь сравните суждение 1806 г. и "сегодняшнюю ситуацию":

Фихте: - <...> "Прежде всего, дальнейшее определение указанной выше основной максимы эпохи состоит в том, что из предпосылки: «чего я не понимаю, то не

существует», – тотчас делается вывод: «но ведь я понимаю лишь то, что касается моего личного существования и благополучия, следовательно, только это и существует, и весь мир существует лишь для того, чтобы я мог жить и пользоваться благополучием. Все, связь чего с этой целью непонятна для меня, не существует и не представляет для меня никакого значения». Такой образ мышления или проявляется лишь практически, как скрытая и неясно сознаваемая, но все же действительная и подлинная основная побудительная причина повседневной деятельности, или возводится в теорию. В первом случае его невозможно вывести на чистоту и заставить раскрыть свою сущность, и у него всегда остается достаточно лазеек для того, чтобы уклониться для прямого ответа; в этом случае он в сущности еще не составляет эпохи, а есть лишь начальный пункт нового развития. Но когда, становясь теоретическим, этот образ мышления выясняется для самого себя, признает себя истинным, относится к себе с любовью и одобрением, гордится собою и хочет быть признаваемым за высшее и единственно истинное, – тогда он явственно определяется в качестве эпохи, выражается во всех явлениях последней и может быть изобличен на основании собственных своих признаний. "

<...> "... Именно потому, что, как уже сказано выше, человеку не дано, как дано животному, особого инстинкта для добывания средств к существованию и благополучию, и так как в этом отношении ему не могут помочь априорные идеи, относящиеся лишь к единой и вечной жизни рода, то в этой области остается лишь производить опыты (или заставлять производить такие опыты других на их собственный риск) относительно того, что приносит пользу и что вред, и запоминать их результаты. Поэтому вполне естественно и необходимо, чтобы эпоха, в системе которой мир сводится к средствам личного существования, провозглашала опыт единственно возможным источником всякого познания: лишь посредством опыта могут быть познаны эти средства — единственное, что хочет и может познавать эта эпоха. – В чистом опыте, – от какового тщательно должно различать наблюдение и эксперимент, всегда заключающие в себе априорное понятие (именно, то, о чем спрашивается), – в чистом опыте не дается ничего, кроме средств чувственного самосохранения, и, наоборот, эти средства могут быть познаны только через опыт; поэтому только опыт дает этой эпохе познание ее мира и, с другой стороны, этот мир в свою очередь указывает на опыт, как на свой единственный первоисточник, и, таким образом, опыт и мир взаимно растворяются здесь друг в друге. Поэтому такая эпоха вынуждена безусловно отрицать и осмеивать всякое независимое от опыта а priori, или утверждение, что из познания, как такового, без всякой примеси чувственных предметов, вытекает новое познание. "

<...> " ... В области воздействия на природу и пользования ее силами и плодами такая эпоха интересуется лишь непосредственно и материально полезным, дающим жилище, одежду и пищу, дешевизной, удобствами и – это высшее, до чего способна подняться эпоха – модой; она не знает того высшего господства над природой, которое налагает на последнюю, несмотря на ее сопротивление,

величественную печать человечества, как рода, т. е. печать и д е й , и в котором состоит истинная сущность прекрасного искусства, а если ей говорят о нем отдельные вдохновенные личности, она осмеивает его, как глупость и мечтательность; таким образом оставшаяся у такой эпохи механическая часть искусства превращается в новое поприще для моды, в орудие изменчивой и потому вовсе не соответственной вечности идеи роскоши. В области правового устройства государств и управления народами такая эпоха или будет, побуждаемая ненавистью к старому порядку, строить государственные конституции на воздушных и бессодержательных абстракциях и пытаться управлять выродившимися поколениями посредством высокопарных фраз, без твердой и непреклонной внешней власти, или же, руководимая своим идолом, опытом, и при всяком великом или малом поводе наперед уже убежденная в том, что нам самим не выдумать ничего, она будет поспешно хвататься за летописи прошлого, чтобы вычитать, как когда-то поступали в подобных положениях, и отсюда почерпнуть закон своей деятельности; так из пестро сшитых друг с другом лоскутков различных отживших эпох она будет составлять свое политическое существование, тем самым явственно обнаруживая собственное сознание своего ничтожества. "

<...> " ... В области нравственности она признает за единственную добродетель преследование собственной пользы, и самое большее, что она к этому добавляет (отчасти ради видимости, отчасти же по непоследовательности), это – деятельность в пользу других, разумеется, когда это не противоречит нашей собственной выгоде, а единственным пороком она объявляет упущение своей выгоды. Она будет утверждать и – ко всякому возможному поступку ей не трудно подыскать неблагородный побудительный мотив, ибо ей совершенно не знакомо благородное – даже будет доказывать, что так действительно думали и действовали все люди, когда-либо жившие и живущие теперь, и что в человеке вообще нет иных побуждений, кроме своекорыстных; при этом она будет сожалеть о тех, которые предполагают в человеке еще что-нибудь другое, как о жалких глупцах, не знающих еще мира и людей. "

<...> " ... " Наконец, что касается религии, то и последняя превращается рассматриваемой нами эпохой в учение о счастье, напоминающее нам, что для того, чтобы наслаждения были в надлежащей мере продолжительны и обильны, мы должны соблюдать умеренность в пользовании ими; Бог существует здесь только для того, чтобы заботиться о нашем благополучии, и лишь наша нужда вызвала Его к существованию и привела Его к решению существовать. Все, что удерживается сверх этого из сверхчувственного содержания какой-нибудь наличной религиозной системы, обязано этою пощадой единственно потребности в узде для разнузданной черни, узде, не нужной для образованных людей, да еще отсутствию более целесообразных средств восполнять полицию и судебное следствие. В общем, выражаясь кратко, такая эпоха достигла своей вершины, когда уяснила себе, что разум и вместе с ним все лежащее за пределами голого чувственного

существования личности есть исключительно выдумка некоторых праздных людей, называемых философами".

<...> ..." Наука преодолевает этих представителей эпохи – последние, конечно, не замечают этого – только тем, что совершенно постигает их образ мышления, воссоздает его из составных частей, достигая умения воспроизвести его на случай, если бы по несчастью были утрачены всякие его следы, и даже признает его совершенную правильность с его собственной точки зрения. Таким образом, наука (если мы можем говорить от ее имени) выясняет, что непоколебимость этого образа мышления происходит именно от того, что со своей точки зрения он совершенно прав и никогда не откроет пробела в своих заключениях, как бы часто ни просматривал их ряд. Если нет ничего, кроме чувственного существования личностей, если не существует никакой высшей жизни рода и никакого единства, то помимо опыта не может быть никакого источника познания, ибо о чувственном существовании нам, очевидно, дает знание только опыт; и именно потому всякий другой предполагаемый источник (и все, что будет вытекать из него) необходимо должен быть признан бредом и химерическим созданием нашего мозга, и остается лишь объяснить, каким образом фактически возможно так бредить и выделять из мозга нечто, вовсе в нем не содержащееся; впрочем, от такого объяснения представители эпохи благоразумно воздерживаются, довольные опытным познанием, что так обстоит дело в действительности. А что действительно нет ничего, кроме чувственного существования личности, это они знают вполне достоверно, ибо, сколько бы раз и как бы глубоко они не проникали в свой собственный внутренний мир, они никогда не воспринимали в нем чего-нибудь другого, кроме чувства собственного личного чувственного существования" ...

<...> " Вывод из всего сказанного тот, что такой образ мышления основывается вовсе не на ошибке мышления и суждения, ошибке, которую можно было бы исправить, показав эпохе какое-нибудь ложное умозаключение, делаемое ею, и напомнив ей о каких-нибудь нарушаемых ею правилах логики; он основан на всем несовершенном бытии эпохи и тех, в ком она нашла свое выражение. Коль скоро эпоха и эти ее представители существуют такими, каковы они суть, они по необходимости должны и мыслить так, как мыслят, и, чтобы мыслить иначе, они должны были бы прежде всего стать иными."

Г.П.Щедровицкий с соратниками и начал "преодоление образа мышления представителей 3-й эпохи", "положив Мышление" как цель и предмет своих многолетних исследований. Всем его ученикам известны тезисы ГП, считавшиеся некоторыми метафричными - о "субстанциональности мышления", о коллективной мыследеятельности, захватывающей, включающей в себя "индивида", о мышлении, "севшего на людей", и, с моей точки зрения, его базовый тезис: - "Мышление порождает организованности, которые затем направляют его" - все они, являясь "точечными цитатами" из работ ГП, есть подтверждение факта развития тезисов Фихте Г.П.Щедровицким, разворот "Фихтевской мысли" в «практическую плоскость» и Г.П. Щедровицкий осуществляет этот разворот организационно-

техническим ответственным действием, вытаскивающим "индивидов" из болота "эмпиризма и позитивизма" в пространство живого, деятельного Мышления.

Многим участникам ОДИ "повезло", т.к. Георгию Петровичу удавалось пинками хоть на "чуть-чуть" «вытолкнуть их в Мышление», и не теоретически или психологически, а практически, ибо не только ощущения от такого "выхода" не забываются, но и приобретенные в процессе "выхода" знание и понимание, изменяли "практику действий" участника, что для многих является фактом их жизни, подтверждающим "практичность" деятельности Георгия Петровича.

Борьба с «эмпиризмом», «психологизмом», «позитивизмом», «вульгарным материализмом» осуществлялась Георгием Петровичем жестко и целенаправленно. С моей т.з., он понимал например, что «эмпирики» довели противопоставление "Субъекта и Объекта", (как показывает "социо-культурная эмпирия") до "вульгарно материалистического" понимания "субъекта как человека" и "объекта как любого материального образования", ликвидировали "Духовные сущности", как связующее звено, обеспечивающее целостность Всего Мира в его сути, во всех его проявлениях. "Различение" субъективного и объективного, вульгарным образом утвержденное эмпиризмом "в практическом опыте" как противостояние "человека" внешнему миру, как миру вне его существующей "эмпирии вещей", фактически ликвидировало значимость и ценность "мира идеального" (и субъективного и объективного), привело к отрицанию "идеального" как эмпирического "факта", а, следовательно, к незначимости идеального, ценностей и прочих "фантазийных сущностей" для "человеческой природы". Оппозиция "субъекта и объекта", полагаемая в "эмпирической реальности", понималась как "противостояние" эмпирического субъекта (т.е. человека, индивида, личности и т.д. с его субъективным, так называемым "внутренним", миром) с "реальным, эмпирическим внешним миром", т.е. фактически бралось как "реальное" противостояние двух эмпирических объектов, а не как противопоставление одномерных сущностей, берущееся как «полагание» «противопоставления» в пространстве принципов, (т.е. «принцип материализма», «принцип идеализма», «принцип историзма» «принцип системности», «принцип ортогональности» и т.д.), организующих само пространство мышления, в котором это «противопоставление» уже можно рассматривать один раз - организационно-технически (оргдеятельностно) в своей целевой функции, а второй раз - объектно-онтологически, как связь элементов, образованных процессами мышления (критика, категориальная и онтологическая работа, проектирование и программирование), в материале мышления, организованного, сформированного процессом понимания, в т.ч. за счет смыслов «прихваченных пониманием» в пространстве «целей и ценностей».

Введение в социально-политическую практику "эмпириками" типологического различения мыслителей на "субъективных", объективных" идеалистов и "материалистов" привело, в условиях "3-й эпохи" (по Фихте) к почти полному искоренению "идеалистов", как "субъективных", так и "объективных", хотя в

пространстве (рамке) Мышления и "идеалисты" и "материалисты" и «эмпирики» занимают каждый свое, "функционально важное" и незаменимое "другими" место. В качестве примера-пояснения приведу диалог с коллегой (Александр Соколов, сокращенно - (А.С.) по теме «конфликт, построение понятия об объекте», в этом диалоге, благодаря вопросам и активному обсуждению коллеги, родилась вышеприведенная гипотеза/тезис, как результат понимания "казалось бы весьма маловажной разницы" в онтологических картинах дискутантов, размышляющих "как-бы" об одном и том же предмете, но определяющих разные траектории «практического» действия с "предметом и объектом"... и выглядел тот диалог следующим образом:

А.К.: - "А.С., если Вы можете "расщепить" на 2, или "N" уровней Объектно-Онтологическое (ОО) пространство - покажите "как" это делаете"

А.С.: - «пока отвечу в общем виде, а показать это можно будет, если удастся произвести работу по полаганию объекта, например, конфликта. А пока так: в каком случае объектная доска совпадает с онтологической и можно говорить об Объектно-онтологической доске? Когда объект уже задан/построен и для этого использована определенная онтология.

В каких случаях объектная доска не совпадает с онтологической? 1) когда необходимо изменить состояние существующего объекта или заменить один объект на другой и для этого приходится осуществить онтологическую сдвигку. 2) когда объект не существует, но его необходимо построить в некоторой заданной уже онтологии. 3) когда объект строится не на одной онтологии, а на двух или более онтологиях. Например, необходимо построить деятельностно-природный объект, значит, для этого необходимо использовать и онтологию Природы и онтологию Деятельности. Таковыми объектами являются экологические объекты (объекты экологов).

А. С.: - " Теперь, а что в таком случае на Организационно-Деятельностной (ОД) доске? В случае с автомобилем Форда там такая организация деятельности, которая позволяет задать существование такого объекта, и это конвейерное производство массового автомобиля (марки Т). И если раньше автомобили производились штучно, медленно, каждый отдельно и таким образом завалась сущность такого автомобиля, то через конвейер стало возможным задать иную сущность автомобиля. Поэтому ОД доска связана с объектно-ситуационной (ОС) доской, но наперед никогда не знаешь, что на ОД доске нужно задать, чтобы получить новую сущность на ОС доске. И поэтому нужна третья доска - онтологическая, там где полагается идея, например, новая идея автомобиля. И она не совпадает с объектной доской, она задает некий новый мир, в котором возможно существование нового объекта, объекта, обладающего другой сущностью. И когда я говорю об онтологии, то я говорю об онтологии идей, а не об онтологии объектов, как обычно говорят (или подразумевают). Поэтому у меня ОО доска расщепляется на две: онтологическую, там, где идеи бытийствуют и объектную, там где объекты существуют. Я различаю существование и бытийствование. И чтобы перейти от

бытийствования к существованию, надо пройти через ОД доску, через то, что есть или то, что наличествует (и это не то, что бытийствует или существует)."

- А.К. А.Соколову : -" Ваши "ходы", если я правильно понял, все таки, (с моей т.з.,) демонстрируют "европейский подход" - т.е. раздельность существования, можно сказать - противостояние "субъекта" и "объекта", хотя фордовский пример показывает иное - "объект" ("форд Т") есть конструкция изготовленная "субъектом" и используется им как средство (ОД) достижения свих "идеальных" целей изменения "социально-производственной ситуации" (по схеме ВДиТК), т.е. все "действия" "Форда" как актора (субъекта) "принадлежат" ОД пространству ... Согласен, что "переходы" осуществляются в "пространстве мышления", но это разные переходы, все зависит от "базовой онтологической схемы" 1) "европейская философия": "субъект противопоставлен объекту"; 2) "восточная философия" (например, китайская): "объект включает в себя субъект" ... из такого "малого" различия произрастает различие систем: 1-я есть "субъективный идеализм", 2-я есть "объективный идеализм".. (3-я - "материализм" есть тот же субъективный идеализм, но взятый со стороны "объекта", т.е. когда вне-положенного субъекту "НЕЧТО" и противостоящего ему (субъекту), "субъектом" же приписывается функция "воздействия на ...", в т.ч. "объекта на субъект", так же следуя этому принципу "вне-положенного существования" субъекта от объекта, субъект выводит свойства и признаки "меж-объектного взаимодействия", т.е. "законы объективного мира", и "внутреннее устройство объекта" ... Далее "субъект" этому "вне-себя-положенному-нечто" и воздействующему на "органы чувств" приписывает статус "материального объекта"... фактически эта система "нерефлексивного" перехода от 1-й системы ко 2-й, но урезанной, т.к. осуществляется "отрезание идеального" и придание "материальному" всеобщего статуса ..., многие "застревают" на "переходе" и чувствуют себя вполне комфортно в таком "обрезанном мире".. (:)

Соответственно, я полагаю, что могу сказать так: - в 1-й онтологеме - "Мышление субъективно" и следовательно "субъект оперирует с "М", т.е. здесь "М" есть способ оперирования "субъекта" с "вне-его-положенным" Миром; во 2-й онтологеме - Мышление объективно и конституирует Мир, а "субъект" есть системный (система П) элемент Мышления, действующий "в М", обеспечивающий познание и изменение "Мира" (включая "самого субъекта"), создаваемого Мышлением ..., т.е. все зависит от схемы позиционирования "действующих сущностей" в предельной картине мира, или, иначе, наличие позиции (ее место и содержание) размышляющего в пространстве и "Мышления" и "Деятельности", в "пределе" определяется базовой онтологической картиной мира (категориальными схемами) в которой разместил себя размышляющий, а в соответствии с этим определяется "оргдеятельностная схема" и выстраивается сущность оппозиции "субъект - объект".

В 1-ой онтологеме (на принципе «субъективного идеализма» или «материализма») выстроены все науки "внешнего опыта", т.е. "внешний Мир" определяется совокупностью "ЕН знаний", или "наук" (физика, химия, биология, география,

геология, астрономия и космология и т.д.); во 2-ой онтологеме (принцип объективного идеализма) порождались теологические знания, конструировался и создавался существующий Мир и "науки внутреннего опыта" (в языке русских философов Н.Я.Грота и С.Н.Трубецкого) - философия, этика, эстетика, психология, культурология, методология... и т.д.; в онтологеме материализма (как в переходнике) сосредоточились "овеществленные, предметизированные" представления "наук внешнего опыта" (т.е. из 1-й системы), а также "части", в виде морфологизированных элементов, из 2-й системы (например, церковь как социально-культурный институт, культура, государство как набор институтов, экономика как "наука" о способе организации материально-производственной деятельности людей и т.д.) ... Соответственно, Вы - А.С., действуете (с моей т.з.), в 1-й онтологеме, и в соответствии с этим можете «именно так расслоить» объектные и онтологические представления, как бы разместив их в разных "пространствах-досках" (принцип досок - их ортогональность, т.е. проекция одной на другую дает "0", т.е. "принципиальный 0"), находясь "сам" во "внешней позиции", тогда "сущности" и "объекты" у Вас бытийствуют независимо друг от друга по "законам собственного пространства", т.е. у Вас появляется множество "бытийствований", множество "мышлений", в итоге Мир "раскалывается" на множество слабо увязанных "маленьких мирков"..., что в принципе, соответствует "внешнему опыту" и принципу "субъективного идеализма" ... :) ; а я действую во 2-й онтологеме, тогда, соблюдая принцип "ортогональности 2-х досок", я могу лишь задать разные уровни для рассмотрения "объектных" и "онтологических" представлений, но в ОДНОМ пространстве - Объектно-Онтологическом, т.е. приписать им "однопространственное" существование, что задает им единое "бытие" в пространстве Мышления ... "ОД доска" - это другое пространство, ортогональное первому, отсюда и вопрос о "переходе" из одного в другое, отсюда и ответ, что переход осуществляется через "рефлексивный выход" в пространство Мышления, опосредованный целями и ценностями, для перемещения в другое пространство (из ОД в ОО и наоборот) т.к. без опосредования целями или ценностями выход в Мышление чреват рефлексивной "возгонкой" и "улетом" ...:) и, что важно, вторая онтологема (принцип) сохраняет целостность и единство Мира во всем его многообразии, чего нет в "субъективном" (и в "материалистическом") подходе, как я пытался показать выше, в нем (субъективном) Мир "разбегается" на множество разнообразных "человеко-образных" миров, и Вам на следующем шаге придется их, ("эти мирки") как-то "собирать" и "связывать" между собой ... Разные принципы "мироустройства" порождают непонимание при обсуждении "переходов", однако, общая, в какой-то мере для нас СМД-школа, как система знаний о Мышлении и Деятельности, позволяет отстраивать диалог и уточнять "видение" вопроса с разных позиций»

Этот «странный» диалог подтверждает, с моей точки зрения, ранее высказанный тезис, что СМД-подход созданный Г.П.Щедровицким, как аппарат "мыслительной работы в пространствах Мышления" позволяет не только "ориентироваться" в "космосе Мышления", но и конструировать взаимодействие с "носителями" иных

онтологий, точнее сказать - с «лицами», проявляющими в коммуникации иные онтологемы,

Однако, как видно из данного примера, опосредующим звеном такого рода "взаимопонимающего диалога/дискуссии" является «минимальная оснащенность» обоих коммуникантов средствами СМД-подхода и обоюдная интенция к взаимопониманию. Возможно ли такое при отсутствии у одного из диспутантов "соответствующего аппарата" или интенции на понимание "иного" - ответ скорее всего будет - нет, ибо "опыт" обсуждения, например, политических вопросов, показывает, что зачастую, невозможно отстроить "взаимопонимающую коммуникацию" уже при отсутствии только одного - "интенции на понимание", хотя, скорее всего, "такие факты", свидетельствуют о "выпадении" диспутантов в пространство «коммуналки», отстроенное, или ими самими (т.е. их нерелексивными, сиречь бессмысленными, действиями), или "иным мышлением", "включившим коммуналность" в свой "ОД аппарат" формирования "пространства квази-коммуникации" для достижения иных, "не обсуждаемых в коммуникации" целей.

А.К. Зубарев изложено 05.12.2015 г. Отредактировано 17 и 22.02.2016 г..

17.02.2016 г. Вопросы к себе «на понимание» выше изложенного, в преддверии 2-й онлайн конференции, посвященной памяти Г.П.Щедровицкого:

Базовый тезис: - «Мышление порождает организованности, которые затем направляют его» (Г.П.Щедровицкий. «Онтология и онтологическая работа»)

1. Почему И.Г.Фихте, ведь ГП не был «фихтеанцем».

1.1. Выход «на Фихте» был осуществлен в процессе работы Калининградского СМД-семинара над текстом ГП «Онтология и онтологическая работа» при освоении «в режиме использования» принципов «историчности» и «системности», в соответствии с которыми онтологическая работа и должна осуществляться. Следование тезисам ГП, как методическим указаниям, позволило «понять и осваивать» онтологическую работу, как способ группового действия по осмыслению и построению онтологии МД. В этом контексте обращение к «классическим текстам», выполнялось в соответствии с рекомендациями ГП по применению принципа «историчности», которое (применение) предполагает «двойное» отношение «к тексту», сначала как к «Знанию» (по сх. Знания), а затем как к «организованности МД» сформировавшихся в соответствующей исторической фазе, в соответствии с наличными для этой фазы формами мышления и деятельности, а соответственно средствами и способами их осуществления (реализации). Здесь, на этом шаге, важно понимать, что «Знание» осмысливается по схеме Знания, а также по схеме «порождения и существования Знания в Деятельности». А уже потом, возникают «Организованности МД», включающие в себя это Знание, как это «показано» на схемах ВДиТК и МД.

Деятельность Фихте как философа и его публичные лекции в «революционный период 1804-1806 г.г.» рассматриваются мною как «закладка знаниевого фундамента» под будущее объединенной Германии. Фихте, опираясь на работы

И.Канта, осваивает и до-осмысливает их, делая акцент на осмыслении «Я» и критике Кантовской «вещи в себе», в результате чего Фихте преодолевает Канта и тем самым продолжает развертывание кантовской программы исследования «разума» и закладывает вместе с ним «основание» того, что сегодня называется «немецкой классической философией». Без Канта и Фихте не было бы ни Шеллинга, ни Гегеля, ни русской философии.

Историками почти не исследовалось влияние философской и общественной деятельности Фихте на появление, например, «немецкого классического университета», университета нового «гумбольдтовского типа», хотя, хронологические даты между его работами периода 1794– 1808 гг. (в т.ч. публичными лекциями), и образованием Берлинского университета в 1809 -1810 г.г. вряд ли есть случайное совпадение, тем более, что И.Г.Фихте был первым избранным ректором данного университета с 1810 по 1812 г.г.

1.2. Лекции Фихте «попали» в поле зрения как интересный и содержательный материал, на примере которого можно было осваивать приобретенные в ходе семинарской работы навыки и средства онтологической работы.

Если брать «ситуацию», в которой находилась Пруссия и, соответственно Фихте в 1800 - 1807 гг., то нам известно из исторических хроник, что в это время Наполеон Бонапарт «принуждал» Европу к «освоению итогов» Великой Французской революции. Это период наполеоновских войн в Европе. И именно в это беспокойное время Фихте читает свои лекции. Когда из-за поражения в войне с Наполеоном прусское правительство вынуждено было переехать в Кёнигсберг (1806), Фихте последовал за ним и преподавал в Кёнигсбергском университете до 1807. Лекции «Основные черты современной эпохи» были прочитаны в 1804 – 1805 г.г. и изданы в 1806 г. Эти лекции стали прологом к лекциям «Речи к немецкой нации», прочитанных в 1807 -1808 г.г. и изданные в 1808 году. В 1810 вновь вернулся в Берлин и стал первым выборным ректором Берлинского университета (1810–1812).

Странная, на первый взгляд, «связка» с Россией: 1806 – 1807 г.г. Русско-прусская-французская война завершилась подписанием Тильзитского мира между Наполеоном и Александром I. Произошел раздел Пруссии - более половины прусских владений были отобраны Наполеоном у [Фридриха-Вильгельма III](#). Провинции на левом берегу [Эльбы](#) были отданы Наполеоном его брату [Жерому](#). Была восстановлена Польша — однако не из всех бывших провинций, только части прусской под названием [Варшавского герцогства](#). Россия получила как компенсацию Белостокский департамент, из которого была образована [Белостокская область](#). [Гданьск](#) (Данциг) стал свободным городом. Все ранее водворённые Наполеоном монархи были признаны Россией и Пруссией. В знак уважения к русскому императору (*фр. en considération de l'empereur de Russie*) Наполеон оставил прусскому королю старую Пруссию, [Бранденбург](#), [Померанию](#) и [Силезию](#). Поражение Пруссии, закрепленное Тильзитским миром, наглядно продемонстрировало её кризисное состояние, но вместе с тем стало и «поворотом к

величайшему национальному подъёму», не малым вкладом в который были и лекции И.Г.Фихте.

Собственно прочтение лекций Фихте «Основные черты современной эпохи» с интенцией на «понимание» и «вычленение» онтологических оснований их автора, «позволивших» ему ТАК написать эти лекции, привело к четкой фиксации, что онтологические картины Фихте и ГП в отношении мироустройства, являются похожими. С моей т.з. ГП, как и Фихте, стоит на позиции примата Мышления перед другими формами существования Человека в Море, однако в отличии от Фихте, первоначально акцентировавшегося на «Я» и «Сознании», и последующих философов акцентировавших свою работу на осмыслении «Объективного» (Гегель), ГП сделал акцент на исследовании именно Мышления, в результате чего ММК «вышел» к Деятельности, а затем и Мыследеятельности. Фактически, начатую и незаконченную Фихте работу по «прорисовке» методов и приемов мыслительных работ (см. работы Фихте по «Наукоучению») и работ Гегеля «объективировавшего мышление», ММК и ГП довели начатые в классической немецкой философии исследования до уровня, на котором формируется собственно Методология, как особая организованность Мышления и Деятельности - как Мыследеятельность, являющаяся особой сферой охватывающей и снимающей в себе все ранее существовавшие способы и приемы мыслительных работ, как философские, так и научные, более того кладут основания разработки мыслительных средств «для выявления и решения проблем». ММК и ГП фактически прописали оргдеятельностные и онтологические схемы Мышления и Деятельности, доведя их в форме СМД-подхода до возможности применения в решении «практических задач». В языке выше упомянутых лекций Фихте, ГП осуществил в пространстве Мышления построение перехода от 3-й к 4-й эпохе. Если Фихте учил способам самонаблюдения Сознания, работе с диалектическим (спекулятивным) методом, то ГП, сохранив эти основания настоящей философской работы, т.е. мышления, сделал мышление и «субъектом» и «объектом» исследования и описал эту работу: 1). сформулировал правила построения позиции «субъекта» действия и оформил это в понятии «оргдеятельностное пространство», 2). Сформулировал правила построения и работы с «Объектом» - и оформил это в понятии «объекто-онтологическое пространство», и 3). задал принцип со-отнесения построенных пространств (принцип ортогональности), а также принципы работы в названных пространствах – системность, в соответствии с категорией «Системы II» и историчность, как принцип, обеспечивающий культуросообразность и преемственность осуществляемых работ и, в конечном итоге - целостность Человека и Мира

3. Об эмпиризме. Эмпиризм, как подход, лежит в основе всей англосаксонской философии и является «базовым», для построения всех их последующих теоретических систем (экономизм, дарвинизм, нигилизм, материализм, позитивизм и т.д.). Онтологической основой эмпиризма является «человеческий опыт», выводимый, в бэконовской и локковской традиции, из «чувственных ощущений

индивидов», что в применении к «мышлению» приводит к формированию «догматической» точки зрения на «субъект» и «объект», отождествлению их с материальными носителями «свойств», а в дальнейшем, к деградации мышления до «нейро-физиологических отправления человеческого мозга», утрате человеком духовности и отрицанию существования духовных начал и их проявлений в Мире. Для социальной реальности такие «основания мышления» – есть средство самоуничтожения и путь к катастрофе. Наиболее ярко это показали и доказали в своих работах русские философы XIX – начала XX века. Доказательством их правоты служит ближайшая история: возникновение, развитие и распад СССР, «аннигилировавшего мышление» в атеизме и вульгарном материализме (в СССР это были формы проявления эмпиризма), возникновение и крах нацистской Германии, взявшей в основание нигилизм и материализм Ницше, сегодняшние действия англосаксонских «эмпириков», увязших в «экономизме» - в этой социально-политической форме проявления эмпиризма, и толкающих Мир на грань «физического самоуничтожения», к исчезновению человеческого рода и человека как «биологического вида - носителя Мышления». И если ГП «дал» России средство – СМД-методологию - для вытаскивания себя «за волосы» из «болота эмпиризма», то у англосаксов нет такого «средства» и прекратить их безумство можно только жесткими политическими средствами, сконструированными на базе СМД-подхода, в рамках серьезной онтологической работы и исследования исторического материала Мышления средствами СМД-методологии.

А.К.Зубарев.

Калининград

22 февраля 2016 г.

Метафинансы[1]: постановка проблемы^{§§§§}.

Берёзкин Ю.М. ^{*****}

У кого началом служит то, чего он не знает, а заключение и середина состоят из того, что нельзя сплести, может ли подобного рода несогласованность когда-либо стать знанием?

Платон. Соч. т.3, с. 344 – 345

Схема анализа будет состоять в следующем:

- сначала на основе проработки большого массива научных работ[2] и пяти центральных учебных изданий по финансам [38–43] выделим общенаучный инструментарий, чаще всего используемый авторами для описания и систематизации материала финансов;
- затем продемонстрируем логические предпосылки и основания, которые стоят за используемыми финансистами категориями и понятиями;
- наконец, покажем проблематичность (противоречивость) ныне применяемых логических оснований финансов и необходимость их уточнения или замены.

В философской и методологической традиции Нового времени принято различать разные мыслительные метапланы (рамки), в которых употребляется научный инструментарий любой науки [7; 22; 33; 47] (см. рис.1).

[1] «Мета» в переводе с греческого означает «стоящее за...» (чем-то). Смысл дела состоит в том, чтобы рассмотреть логические основания, предпосылки и принципиальные условия, которые стоят «за» понятийным аппаратом финансов и финансовой науки. Аналогичные по замыслу работы – не редкость. Такую работу ещё в античные времена проделал Аристотель по отношению к физике, разработав метафизику [2]. В начале XX века математик и логик Д. Гильберт стал знаменит благодаря разработанной им метаматематике [25, с. 118]. Во второй половине того же века широкую известность приобрели работы по методологии деятельности отечественной методологической школы во главе с Г.П. Щедровицким [47], а его ученики Ю.В. и Н.В. Громыко опубликовали серию книг: Метапредмет «Знак» [14], Метапредмет «Проблема» и Метапредмет «Знание» [13].

^{§§§§} Статья представлена автором для участия во 2-й он-лайн конференции памяти Г.П.Щедровицкого (23 февраля 2016 г.)

^{*****} д.э.н., профессор, зав.кафедрой финансов финансово-экономического факультета ФГБОУ ВО "Байкальский государственный университет"

2 См. в списке использованной литературы выборку из 31 автореферата кандидатских диссертаций, защищенных в БГУЭП за последние 5 лет по специальности 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит».

На рис.1 показан принцип вложенности четырех основных мыслительных метапланов, на которые можно «разложить» разнокачественный научный инструментарий (иерархическую соподчиненность рамок символизируют стрелки). Нас будут интересовать не все четыре указанных метаплана, а только два исходных и самых широких – онтологический и категориальный, поскольку план предметных понятий и план, в котором фиксируются эмпирические факты научного исследования, не являются самостоятельными и зависят от объемлющих рамок первых двух планов (ими логически задаются). Инструменты двух первых планов и служат логическими и методологическими основаниями любого научного предмета.

Не является исключением в этом отношении и такой предмет, как финансы. Чтобы пояснить, что здесь имеется в виду, возьмём, например, один из лучших в постсоветской России учебников по финансам под редакцией В.В. Ковалёва [39] и посмотрим на определение финансов, которое приводят авторы на с.10: «...финансы как экономическая категория представляет собой систему распределительных денежных отношений, возникающих в процессе формирования и использования фондов денежных средств у субъектов, участвующих в создании совокупного общественного продукта».

Нетрудно видеть, что данное определение построено с использованием трёх (из четырёх, показанных на рис.1) мыслительных планов: финансы вписываются авторами в онтологические[1] рамки «распределительных отношений» между людьми и рассматриваются там через категорию «системы». В свою очередь, «фонд денежных средств» является уже понятием следующего, предметного (нижележащего по отношению к онтологическому и категориальному) уровня

рассмотрения. А если посмотреть указанный учебник дальше, то можно без труда найти и наполнение четвертого плана – «эмпирические факты», характеризующие уже состояние конкретных денежных фондов, например, федерального бюджета РФ [39, с.198]).

При этом логическая строгость научного (учебного) текста во многом зависит от того, насколько согласованы между собой все метапланы использования научного инструментария. Как показывают методологические исследования [22; 33; 47], полная согласованность встречается вообще нечасто в любой конкретной науке. В области же экономики и финансов ситуация еще сложнее, чем в естественных науках. Особенно заметно это становится в периоды исторических переломов, один из которых Россия переживает в настоящее время. В такие периоды научные представления ушедшей исторической эпохи с большим трудом уступают свои позиции, в то время как новая «картина мира» претерпевает столь же трудное и долгое становление [7]. В это время большую или меньшую дезорганизованность научного инструментария финансов можно встретить почти в любой научной или учебной публикации. Попробуем это показать на фактах. Объем небольшой статьи вынуждает остановиться лишь на наиболее часто встречающихся случаях неправильного (логически необоснованного) использования научного инструментария. Поэтому ограничимся здесь только анализом применения разными авторами: 1) онтологической гипотезы о финансах как «отношениях между людьми»; 2) категорий «сущность» и «функции» финансов; 3) метода «классификации» финансовых явлений.

Упоминания об отношениях между людьми[2] в определениях финансов, а также – в связи с выделением объекта и предмета в конкретных финансовых исследованиях встречается во всех без исключения учебниках, приведенных в списке литературы (см., например, [38, с. 63; 39, с. 9; 42, с. 10]), а также в 17 из 31 автореферата.

Сначала – несколько слов о предыстории вопроса. Давно и хорошо известно, откуда взялась «популярность» в нашей стране базового онтологического предположения о том, что экономический мир замыкается в социальных рамках «отношений между людьми». Разумеется, от К.Маркса. Именно он для решения своей грандиозной, социально-инженерной по сути, задачи переустройства капиталистического мира на социальных принципах предпринял попытку вписать экономику в онтологическую картину социальных отношений между людьми по поводу владения средствами производства. Результатом этой попытки и явился фундаментальный труд под названием «Капитал» [30]. Затем, руководствуясь идеями Маркса, российские большевики, как тоже хорошо известно, совершили социалистическую революцию. И когда встал вопрос о практическом строительстве социализма в СССР, весь инструментарий финансовой науки был полностью переработан под марксистскую социальную онтологию «отношений между людьми». А для того, чтобы придать финансовый смысл этим отношениям, был придуман (В.П. Дьяченко) принцип «распределительных отношений по поводу формирования и использования денежных фондов для удовлетворения

государственных нужд» [7, с. 38]. В целях идеологической убедительности советской версии финансов пришлось даже заново переписать всю мировую финансовую историю и «показать», что, якобы, в истории всегда финансы так и понимались.

С тех пор минуло уже больше шести десятилетий, но мы и сейчас (часто даже не задумываясь) читаем в постсоветском учебнике: «Итак, можно говорить о том, что изначально понятие «финансы» рассматривалось только в плоскости формирования, а в дальнейшем и использования денежных фондов для удовлетворения государственных нужд» [39, с.9]. К слову сказать, нигде в мире версия государственного происхождения финансов и их социальная онтологическая укоренённость никогда не признавались. Наоборот, целым рядом западных исследователей (в частности, одним из самых крупных в мире историков экономики и финансов Ф. Броделем), в работах, ставших уже классическими, убедительно показано, что сначала на рубеже XIV – XV веков сформировались частные финансы, и лишь спустя три столетия – государственные (точнее – публичные). Причем, и те, и другие изначально создавались как чисто технические дисциплины, не имея никакого отношения к миру социальных взаимоотношений людей: частные финансы формировались в онтологии деятельности (т.е. в пространстве культурно нормированных операций и процедур с деньгами и их заменителями – финансовыми инструментами), а публичные – в рамках хозяйственной онтологии (государственного хозяйства) (см. подробнее [7]).

И хотя СССР уже почти два десятилетия не существует, а Россия уверенно взяла курс на строительство рыночной (читай – капиталистической) экономики и соответствующих ей финансов, парадокс состоит в том, что «уши» советских финансов по-прежнему проглядывают едва ли не в большинстве современных научных работ по финансовой тематике. Причем, в отличие от финансистов советских времен, многие нынешние исследователи, зачастую, вообще утратили какую бы то ни было онтологическую и категориальную ориентацию. Так, например, в работах [5; 10; 23; 31] отношения людей представляются через категорию «объекта исследования», в то время как в работах [6; 9; 12; 16; 17; 18; 19; 21; 27; 28; 36; 44; 45] те же социальные по сути отношения рассматриваются как «предмет исследования».

Для обывателей, живущих в наивно-натуралистических представлениях, это, конечно, не играет никакой роли. А для науки такое безразличие к нормам применения научного инструментария, на наш взгляд, подобно катастрофе.

Ведь, что получается? Если отношения людей представлять через категорию «объекта», тогда это будет означать, что именно они (отношения) должны выступать в качестве идеального объекта, подлежащего исследованию. Здесь социальные отношения как бы «вырываются» из онтологического плана и спускаются на уровень ниже (в план категориальных оснований, содержащий в т.ч. и идеальные объекты научного исследования). Казалось бы, замечательно: справедливость восторжествовала и финансы, наконец-то, перестали относить к миру социальности. Однако тут же возникает новая проблема: на каких

онтологических предположениях и посылках указанные авторы строили свой объект исследования? – так и остаётся загадкой. Ими, видимо, наивно предполагалось, что последний существует как нечто натуральное, не требующее никакой специальной мыслительной проработки, что является грубой методологической ошибкой.

Но это, как говорится, ещё полбеды. Гораздо хуже то, что после подобной псевдообъективации должно следовать по правилам логики. А именно: выделив отношения между людьми в качестве «объекта исследования» авторы обязаны были бы на следующем уровне конкретизации предметизировать[3] именно этот объект. Но этого, обычно, тоже не делается, поскольку такая предметизация неизбежно привела бы к уходу из предмета финансов в социологию (где в плане предметных понятий рассматриваются именно конкретные формы социальных отношений). И возникает новый логический разрыв: вроде бы, если судить по названию тем, работы выполнены по финансам. Но то, что фактически делается на уровне предметных понятий, равно как и при обработке эмпирических фактов, никак не соотносится с объявленным объектом исследования. И неизбежно напрашивается вопрос: что же объективного (т.е. независящего от людей и существующего «на самом деле») исследуется в таких работах? Ответа – нет.

Еще хуже дела обстоят с логикой применения научного инструментария у второй группы исследований, в которых отношения людей сразу помещены в предметный план (рассматриваются как предмет финансового исследования). В этом случае не только онтологический план «провисает», но и категориальный. И становится совсем непонятно, не только на какую «картину мира» опирались данные исследователи финансов, но и как соотносятся между собой такой, чисто социологический «предмет исследования» с теми идеальными «объектами исследования», которые в каждой из указанных выше работах – абсолютно разные? К примеру, в [12] «объектом исследования» являются «субъекты аграрно-промышленных холдингов», в [16] – «налоговый менеджмент», а в [21] – «реструктуризируемые предприятия электроэнергетики». Как можно предметизировать указанные «объекты», чтобы получился в результате такой предмет, как «отношения людей»? – остаётся только гадать. А если мы спустимся ещё на уровень ниже – в план «эмпирических фактов», то выяснится и вовсе парадоксальное: оказывается ни в одной и вышеуказанных 14 научных работ не исследуются эмпирические факты, характеризующие с количественной или качественной стороны какие-либо «отношения людей». Эмпирический материал всех, без исключения, работ, разумеется, относится к финансовой предметности, и рассматривается с чисто технической, деятельностной точки зрения.

Справедливости ради следует отметить, что хоть и редко, но уже стали появляться работы, в которых в явном виде выделяются деятельностные объекты исследования (см. например, [26; 35]). Но здесь возникают другие логические неувязки: применяемые в данных работах методы исследования (например, метод классификации) совсем не соответствуют деятельностному подходу (для которого

характерен типологический метод) [47]. Поэтому и в этих случаях трудно предполагать, что авторы на самом деле изучали финансы в онтологии деятельности.

Наконец, есть еще одна немногочисленная группа работ, авторы которых уходят от социализации финансов весьма своеобразным способом: «объектом» [24] или «предметом исследования» [29; 34] в них объявляются не «отношения между людьми», а «финансовые отношения». При этом возникает двусмыслица. С одной стороны, вроде бы, речь уже не идет об «отношениях между людьми по поводу распределения денежных фондов» – их борьбе, сотрудничеству или соподчинению, из чего, собственно, и состоит социальная жизнь. Речь – о «финансовых отношениях», что можно понимать как отношения к определенному рода предметам (финансовым) в соответствии с финансовыми понятиями этих предметов. Это примерно так же, как к столу относиться в соответствии с понятием «стол». Такое отношение можно было бы только приветствовать, поскольку отсюда вёл бы прямой путь к функциональности финансов – вопросу, в котором накопилось не меньше путаницы (об этом – ниже). Если бы не одно «но»: авторы таких работ, как правило, не дают оснований для такого их понимания, поскольку понятия [4], в соответствии с которыми следовало бы относиться к финансовым предметам, в явном виде не вводятся [5]. А поэтому так и остаётся загадкой, в какой онтологии и с использованием каких категориальных оснований предполагалось использовать финансовые понятия, чтобы можно было исследовать «финансовые отношения» как объект или как предмет.

Рассмотрим теперь инструментарий категориального плана [6], наиболее часто встречающийся в работах по финансовой тематике. Имеется в виду употребление категорий «сущность» и «функция» применительно к финансовым предметам и явлениям, а также использование метода их «родо-видовой классификации».

Претензии на определение (рассмотрение, уточнение, раскрытие) «сущности» различных финансовых предметностей (рисков, внутреннего контроля, финансов, финансового механизма, медицинского страхования и др.) встречается у многих исследователей (см. например, [9, с. 7; 18, с. 7; 27, с. 8; 29, с. 11; 34, с. 7; 43, с. 4; 45, с. 7]). С рассмотрения «сущности финансов» до сих пор начинаются практически все учебники финансов [38 – 42].

В ряде работ определение «сущности» дополняются уточнением (дополнением или предложением новых) «функций» исследуемого предмета [9, с. 5; 34, с. 8; 46, с. 9]. Во всех указанных выше учебниках этот феномен также неизменно присутствует (см., например, [38, с. 66; 39, с. 8]).

Редко, но встречается уже совсем «экзотика», когда пытаются определить «сущность функций налога» [16, с.9]; или утверждают, что «сущность проявляется в функциях» [46, с. 9] (в данном случае речь идет о сущности финансов страховой компании).

Имеются исследования (их удельный вес совсем невелик), в которых сделана попытка рассмотреть финансовую предметность только с функциональной точки зрения (вне связи с какой бы то ни было «сущностью») [17; 20].

Наконец, самая многочисленная группа исследователей является сторонниками классификационного метода, не очень утруждаясь при этом выяснением логических условий и возможностей его применения. В явной форме метод родо-видовой классификации финансовых предметов и явлений описывается в 13 авторефератах, представленных в списке литературы [1; 10; 16; 17; 18; 19; 23; 26; 27; 28; 29; 31; 34]. Но есть и работы, в которых данный метод представлен в неявной форме. Имеется в виду, что сам классификационный метод не упоминается, но при этом используется характерная именно для родо-видовых классификаций «древовидная» графика в целях иллюстрации полученных результатов [4, с. 9; 21, с. 15; 37, с. 18].

Интересно отметить, что среди приверженцев классификаций есть те, кто, видимо, понимает (или интуитивно догадывается), что классификация невозможна без указания на сущности разных уровней, в которых может быть представлена исследуемая предметность [18; 27; 29; 31; 43; 45], а есть и те, кто полагает, что можно классифицировать предметы и явления, не связываясь с весьма сомнительным делом определения или уточнения «сущностей» мира финансов [1; 10; 19; 23; 26; 28].

Наконец, есть три совсем уж уникальные работы: в одной из них классификация строится без связи с сущностью классифицируемых явлений, но зато с использованием функционального подхода [17]; в двух других демонстрируется полная неразличительность возможностей использования рассматриваемых категорий: в них делается попытка выделить «сущности» с их «классификацией», и одновременно исследуются функции рассматриваемых предметов [16; 34].

Попытаемся теперь разобраться с необходимыми логическими условиями применимости рассматриваемых категорий.

Давно известно, что родоначальником категории «сущность» и неразрывно с ней связанного метода «родо-видовой классификации» является Аристотель [2; 3]. Ни один из последующих философов не внёс в разработки Аристотеля никаких развивающих дополнений. Вместе с тем, философы Нового времени убедительно показали ограниченность (а в ряде предметных научных областей и недопустимость) применения категориального аппарата, разработанного Аристотелем [15; 22; 32; 33; 47].

Основное онтологическое («онто» по греч. «сущее») предположение, которое было сделано эллинскими философами – предшественниками Аристотеля, и на основе которого последний разработал своё учение о категориях [3] состоит в следующем. Есть мир изменчивый, видимый (ощущаемый органами чувств) и есть мир неизменный и невидимый (схватываемый лишь мышлением). И среди этих миров главным является мир невидимый, определяющий все изменения видимого мира [32, часть первая «Досократики», с. 22 – 114]. Чтобы можно было ухватывать невидимый мир и через него получать знания о видимом мире Аристотелю понадобилось разработать систему из 10 категорий, среди которых первой является «сущность». При этом данная категория строится на основе, с одной стороны, двух

парных логических конструкций: «подлежащее – сказуемое» и «род – вид», с другой – на понятии «вещь».

Аристотель пишет в трактате «Категории» [3], что любая вещь, о которой мы что-то говорим, является «подлежащим», а то, что мы о ней говорим, является «сказуемым». Например, «человек» сказывается об отдельном человеке, а «живое существо» – о «человеке», следовательно, «живое существо» будет сказываться и об отдельном человеке: ведь отдельный человек есть и человек и живое существо» [3, с. 54]. В первом случае «отдельный человек» (т.е. вещественный) – это подлежащее высказывания, а слово «человек» (т.е. человек вообще) – сказуемое высказывания об отдельном человеке. Во втором случае уже о «человеке вообще» как подлежащем сказывается, что это «живое существо».

Так вот, если такие различия принять, тогда всякое сказуемое, которое может сказываться о многих подлежащих, Аристотель называет «родом», а относящиеся к нему подлежащие – «видами». Например, «живое существо» является сказуемым не только по отношению к «человеку вообще», но и к «собаке вообще» и к другим «животным вообще».

Введя таким образом родо-видовую классификацию, Аристотель теперь может сказать о том, что он понимает под «сущностью» вещей. «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду “человек”, а род для этого вида – “живое существо”. Поэтому о них говорят как о вторых сущностях» [3, с. 55–56]. И на следующей странице Аристотель уточняет: «И так же, как первые сущности относятся ко всему остальному, так и вид относится к роду: вид есть подлежащее для рода, ведь роды сказываются о видах, виды же не сказываются о родах» [3, с. 57].

Таким образом, Аристотель различает «первые сущности» и «вторые сущности». «Первые сущности» у него были непосредственно связаны с конкретными единичными вещами. «Вторые» являлись формами, в которых единичные вещи существуют. Он говорит, что если не идёт речи о материальных, чувственных вещах, то нельзя говорить и о сущностях (как первых, так и вторых). При этом он говорит, что «из вторых сущностей “вид” в большей мере сущность, чем “род”, ибо он ближе к первой сущности» [там же].

В работе «Метафизика» [2] Аристотель дополнительно во многих местах разъясняет, что он понимает под категорией «сущность». Выделим наиболее важные из них.

«Сущностью чувственных вещей следует считать субстрат – носитель всех свойств вещи» [2, с. 212]. «В чём формальная сущность чувственных вещей? Она в видовых отличиях вещи» [2, с. 214]. «Если категории поделены на группы – <означая> сущность, качество, действие или страдание, отношение или количество, то должны существовать три рода движения – со стороны качества, количества и

места. Со стороны сущности вещь движению не подлежит» [2, с. 313]. «Есть сущности трёх родов, причем две из них носят физический характер (имеется в виду материальный субстрат и видовые отличия – Ю.Б.), а одна – неподвижная (род – Ю.Б.)...Ведь сущности занимают первое место среди того, что есть, и если все они преходящи, тогда всё преходяще» [там же].

«Аристотель, как никто, способствовал становлению натуралистического умозрения» – пишет известный знаток греческой философии, методолог В.М. Розин [33, с. 33]. Детально проработав логические условия существования природного мира (фюзис), Аристотель попытался наметить и подходы к описанию неприродного мира деятельности людей. Об этом говорит, в частности, такое его утверждение: «Должны быть сущности, существо которых заключается в реальной деятельности и не имеет в себе материи. Без них вещи не имели бы основания для перехода из возможности в действительность» [2, с. 327]. В целом же Аристотелю не удалась попытка категоризовать онтологию деятельности, что в дальнейшем привело к массе проблем, как у его последователей, так и критиков. Так, П.Г. Щедровицкий пишет: «Если...сопоставить трудности, возникшие в постаристотелевской философии с понятием вещи у Аристотеля, то мы увидим, что уже поздние аристотелики, начиная с Александра Афродизийского, обнаружили существование неких явлений, которые не подводились под понятие вещи, в частности – знак. Проблема знака была для Александра Афродизийского непреодолимой, поскольку он хотел сохранить ту базовую категорию, которая была у Аристотеля – категорию вещи. ...С категорией вещи была ещё связана родо-видовая картина мира, то есть, вещи были устроены определённым образом, они подводились и объединялись в некие виды, виды объединялись в роды, в свою очередь, это было отражено в структуре языка, в свою очередь, это было отражено в структуре рассуждения об этих вещах вплоть до схем силлогизма. Поэтому это была в каком-то смысле неразделимая конструкция. И когда поздние аристотелики обнаружили, что есть вещи, которые не вещи, например, знаки – у них всё развалилось» [48, с. 3].

Анализируя границы применимости аристотелевских категорий, немецкий методолог начала XX века Э. Кассирер, пишет: «Понятия, которые разыскивает в конечном счете Аристотель и на которые устремлён, главным образом, его интерес — это родовые понятия описательного и классифицирующего естествознания. Дело идет о том, чтобы найти и установить «форму» масличного дерева, лошади, льва. Там, где Аристотель покидает область биологии, там его теории понятия перестают развёртываться естественно и без принуждения. В особенности плохо укладываются в его обычную схему понятия геометрии» [22, с.7]. И вообще, «в иначе устроенном мире объектов, – подчеркивает Э. Кассирер, – например, в мире, в котором через соединение двух вещей каждый раз сама по себе возникала бы третья вещь — это положение (имеется в виду родо-видовая структура аристотелевских понятий – Ю.Б.) потеряло бы всякий смысл и значение» [там же].

А ведь именно таковыми объектами являются все деятельностные объекты, в т.ч. и финансовые.

Что касается категории «функция», то о ней в сочинениях Аристотеля нет ни слова. И это, в принципе, понятно, поскольку функция длительное время в истории человечества использовалось исключительно в качестве предметного (математического) [7] понятия, пока в XX веке усилиями Э. Кассирера [22] и российских методологов [15; 33; 47; 48] не была разработана деятельностная категория «функция». Поэтому, когда мы встречаем в учебниках финансов [39, с. 12] или в научных работах [9; 16; 34; 46] кентаврообразное сочетание категорий «сущности» с «функциями», то это свидетельствует, на наш взгляд, лишь о полном непонимании авторами того, что они тем самым безуспешно пытаются соединить несоединимое. В известном смысле, «сущность» и «функция» – логические антиподы: если есть основания говорить о сущности чего-либо, то, следовательно, там нет места функциям. И наоборот, если мы имеем дело с функциональными объектами (предметами), существующими в человеческой деятельности (любого профиля), то про их «сущности» следует забыть, поскольку их там не бывает. Поэтому к придуманной в 1930-х годах фразе «сущность финансов проявляется в их функциях», на наш взгляд, следует относиться исключительно как к идеологическому[8] клише, не имеющему отношения к категориальным основаниям финансовой науки.

Теперь посмотрим, как именно используется категория «функция» (безотносительно категории «сущность») современными исследователями финансов.

Общая схема для обсуждения функций финансов или их частных предметов, которой придерживаются практически все, состоит в следующем: сначала делается обзор литературы по соответствующему вопросу, а потом предлагается либо дополнить перечень известных функций, либо, наоборот, упразднить какие-то из них. При этом фактически единственным аргументом для подобных предложений служит «мнение (взгляд) автора». Ни в одной из анализируемых работ даже не ставится вопрос: откуда в принципе берутся (могут и должны браться) функции чего бы то ни было? И чем определяется достаточность того или иного набора функций?

Так, в [20] речь идет о функциях регулирования рынка ценных бумаг. При этом автор пишет: «Спектр подобных функций, рассматриваемый в экономической литературе, весьма обширен, но вместе с тем отличается определенной непоследовательностью и нелогичностью. Функции сущностно дублируются, кроме того, некоторые из них не всегда представляются актуально необходимыми. На наш взгляд, системе регулирования рынка ценных бумаг...присущи следующие функции: 1) концептуальная и законодательная; 2) стимулирующая; 3) организационно-правовая; 4) контрольно-надзорная; 5) правоохранительная; 6) защитно-попечительская; 7) арбитражная» [20, с. 14–15].

Из приведенного фрагмента хорошо видно, что, не имея системного принципа, на основе которого удерживалось бы всё функциональное поле в деятельности

органов, регулирующих рынок ценных бумаг, автор тоже не может избежать тех недостатков, которые сам же критикует: его набор функций также достаточно произвольный, не блещущий особой логикой, но зато с очевидным дублированием (например, первая, третья и пятая функции данного набора не могут не пересекаться).

В том же ключе пишет о функциях налогов автор работы [17]: «Все авторы всегда признавали наличие фискальной функции налогов... На определенном этапе своего развития экономическое содержание налогов проявляется и в функции регулирования. По нашему мнению,... в настоящее время возникла необходимость выделения социальной функции налогов» [20, с. 8]. И дальше идет пояснение, в чём же эта функция, по мнению автора, должна выражаться: в «поддержке уровня жизни...», в «уменьшении социальной напряженности в обществе» и в «стимулировании нравственного долга». Откуда и в связи с чем у налогов может возникнуть такая функция? – остается только гадать.

Некоторые исследователи пытаются дополнить свои предложения по изменению состава тех или иных функций определенными обоснованиями. Однако приводимые доводы в пользу предложений авторов опять-таки не касаются принципиальных вопросов порождения (упразднения) финансовых функций. Приведем два наглядных примера подобных «обоснований».

В [9] читаем: «...важно различать реализацию функций и ту социально-экономическую роль, которую выполняет страхование благодаря их реализации. Такого рода предпосылка позволила исключить большинство функций, приписываемых медицинскому страхованию» [9, с. 9]. И дальше автор перечисляет три функции, которые, по его мнению, следует оставить за медицинским страхованием: «рисковую (противорисковую)», «предупредительную» и «контрольную». При этом так и остаётся неясным, по каким основаниям автор отличает «функцию страхования» от «роли страхования»? И почему именно указанные «функции» необходимы и достаточны для нормального функционирования медицинского страхования? И разве «снижение вероятности несения застрахованными лицами затрат...» (что соответствует «предупредительной функции») – по смыслу не тоже самое, что «защита и восстановление имущественных интересов застрахованных лиц» (что, по мнению автора, соответствует «рисковой (противорисковой) функции»)? Ответов на все подобные вопросы исследователь не дает.

Автор работы [46] тоже приводит довод в пользу введения новых функций страховых резервов. Он пишет: «В связи с тождественностью функций страхования и страховых резервов в научной литературе не выделяются функции страховых резервов. Дополнительную актуальность в определении и уточнении функций страховых резервов создало изменение состава и порядка формирования страховых резервов. Функциями страховых резервов, по мнению автора, являются: 1) финансовая гарантия выполнения обязательств перед страхователем; 2) инвестиционная функция; 3) предупредительная функция» [46, с. 9 – 10].

Как видно из приведенного фрагмента, автор говорит лишь об «актуальности новых функций», но не о принципах их выделения. Отсюда и казуальность его предложений: как может выступать в качестве «функции» (назначения в использовании) то, что само должно иметь определенное назначение? Речь идет о «финансовой гарантии».

Наконец, встречаются и такие работы, в которых демонстрируется весьма сомнительное понимание самого обсуждаемого предмета. Например, в [34] и вовсе предлагается научная фантастика: выделять в экономической функции социального страхования «стимулирующую подфункцию». Какую логическую процедуру следует применить, чтобы у функции выделить «подфункцию»? – автор, по понятным причинам, не поясняет. Как можно у «назначения использования (применения, употребления) чего-то» выделить его «подназначение»? – одному только Богу известно.

Ещё более сомнительные «научные результаты» исследования функций налогов демонстрируются в работе [16]. Так, на стр.10 читаем: «Любая какая-либо функция не может одновременно характеризовать два разных признака предмета: направление и величину. Мы предлагаем разграничить эти понятия следующим образом: функция отражает только направление движения, поэтому представляет собой векторную величину; значение отражает роль или влияние и поэтому может рассматриваться как количественно-качественная характеристика процессов».

Нам представляется, что здесь даже комментарии излишни, поскольку очевидно, что автор говорит о чем-то другом, только не о функциях налогов. Никакая функция (хоть математическая, хоть деятельностная) ни при каких условиях не может быть представлена «векторной величиной», хотя бы в силу того, функция – это логическая конструкция.

Если говорить философским языком, то в самом общем виде можно было бы сказать: функция – это бытие в другом. Это всегда, по крайней мере, двухуровневая конструкция мышления о чем-либо.

В этом смысле, когда читаешь старые работы советских финансистов, в которых писалось, что «у финансов две функции – распределительная и контрольная», то их (в отличие от современных) вполне можно понять. Они это писали осмысленно, поскольку речь шла о советских финансах, которые были только государственными, а хозяйство в советском государстве было организовано как распределительная система, контролируемая из единого центра. Другими словами, поверх финансов существовал директивный уровень, в соответствии с принципами организации которого и задавались для нижележащего уровня указанные функции финансов. Т.е. задавались такие назначения их использования, чтобы они в процессе своего функционирования (исполнения функций) постоянно обеспечивали бытие директивной распределительной государственной системы (см. подробнее [7]).

Ничего подобного у нынешних исследователей функций самых разных финансовых предметов даже близко не наблюдается. Как нет этого понимания и в современных, постсоветских учебниках: распределительная система давно канула в

Лету, а в них всё продолжают повторять функции советских финансов, как будто они заданы от природы или от Бога, раз и навсегда. Хотя без всякой науки очевидно, что ныне действующие финансы тоже организованы по определенным принципам из того уровня (совсем не факт, что это – государственный центр), для поддержания которого они сейчас и предназначены (т.е. им приданы соответствующие функции). Но об этом почему-то современная наука о финансах молчит.

В заключение приведем несколько дополнительных доводов в пользу сказанного о категориальном понятии «функция», обратившись к классическому исследованию по данной теме Э. Кассирера [22].

Кассирер разрабатывает логическое понятие «функция» как альтернативу родовым понятиям аристотелевской метафизики. Он пишет: «Логический порочный круг в обычном учении о возникновении родовых понятий состоит в том, что, с одной стороны, применяют категорию целого и его частей, а, с другой, — категорию вещи и её свойств... Против логики родового понятия, стоящей, как мы видели, под знаком и господством понятия о субстанции, выдвигается логика понятия о функции» [22, с. 20].

Принцип возникновения функционального отношения Кассирером демонстрируется сначала на понятии о числе (при этом он поясняет, что «понятие о числе интересует нас здесь не само по себе, а как пример образования функциональных понятий» [там же, с. 42]). А в дальнейшем этот принцип он распространяет на геометрические, физические, химические, биологические, психологические и общественно-исторические понятия. Сам принцип образования «функции» он много раз поясняет с разных сторон на протяжении всей книги. Позволю себе привести наиболее показательные тезисы Кассирера.

«Каждая функция представляет собой некоторый всеобщий закон, охватывающий собой, благодаря последовательным значениям, которые может принимать переменная, все отдельные случаи, к которым он применим... Понятие о функции содержит в себе всеобщую схему и образец» [там же, с. 24]. Функциональная «связь членов создается в каждом отдельном случае с помощью некоторого всеобщего закона координирования, благодаря которому устанавливается всеохватывающее правило следования членов ряда... Повсюду, где мы связываем какие-нибудь предметы нашего мышления в один предмет, мы создаем таким образом новый «предмет второго порядка», все содержание которого выражается в отношениях, образующихся благодаря акту соединения между отдельными элементами» [там же, с. 28]... «Её (функции – Ю.Б.) «бытие» заключается исключительно в логической определенности» [там же, с. 30]... «Каждый член (функционального отношения – Ю.Б.) существует не только сам по себе, но отображает в то же время структуру и формальный принцип всего ряда.... Нельзя вырвать элемент из связи отношения» [там же, с. 46, 62]... В результате появления функции «мы получаем две обособленные области и два различных измерения понятия: понятиям, обозначающим существование, противостоят, понятия,

выражающие лишь возможную форму связи» [там же, с. 186]...Функция «означает только вид возможной координации, а не «сущность» (das Was) элементов, которые должны быть координированы друг с другом» [там же, с. 230]...«Если представить себе частное как член ряда, а общее как принцип ряда, то становится сейчас же ясно, что оба эти момента, не переходя друг в друга и не смешиваясь между собой по содержанию, тесно связаны все-таки по своему функциональному значению...Здесь не создается особый вид предметов, но одной и той же опытной действительности придается новая категориальная форма» [там же, с. 255–256]...«Закон и факт теперь уже не являются больше двумя, навсегда отделенными друг от друга, полюсами знания, а находятся в живой функциональной связи, относясь друг к другу, как средство и цель» [там же, с. 264]...«Характерный прием метафизики состоит в том, что она...перетолковывает логически-коррелятивное в вещественно-противоположное» [там же, с. 306]... «Тождество, к которому все больше и больше приближается мышление, есть не тождество последних субстанциальных вещей, а тождество функциональных порядков и координаций» [там же, с. 360].

Таким образом, если руководствоваться классическим понятием «функция», разработанным Э. Кассирером, то становится очевидным, что работы финансистов, в которых делаются попытки исследовать функции финансов и частных финансовых предметов, не выдерживают никакой критики, поскольку ничего такого, что требует данное понятие, ими даже не обсуждается. А если учесть, что большинство из них так до сих пор и не освободилось от метафизических «пут» аристотелианства с его «сущностями» и «родо-видовыми классификациями» (хотя с позиций, достигнутых современной философской и методологической мыслью, очевидно, что финансы – это сфера деятельности, а не учение о какой-то вещной субстанции), то вырисовывается серьезная проблема перестройки онтологических и категориальных оснований финансов и финансовой науки.

Использованная литература

1. Абуздин И.С. Управление активами институциональных инвесторов на российском рынке ценных бумаг. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
2. Аристотель. Метафизика. М: Изд-во Эксмо, 2006. 608 с.
3. Аристотель. Категории. Соч. в 4-х т. М: Мысль, 1978. Т.2. С. 51 – 90.
4. Асадулин М.Р. Страхование жизни в Российской Федерации: особенности и направления развития. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2005.
5. Баниева М.А. Источники финансирования сельскохозяйственных предприятий: перспективы развития. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2004.
6. Бухадеева Н.В. Оценка налоговой нагрузки и методические подходы к её совершенствованию. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
7. Берёзкин Ю.М. Проблемы и способы организации финансов. 2-е издание. Иркутск: БГУЭП, 2006. 248 с.
8. Бобкова И.С. Развитие налогообложения российских коммерческих банков. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2005.

9. Бондарь Ю.В. Комплексное развитие обязательного добровольного медицинского страхования. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
10. Бубнова Ю.Б. Развитие страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2005.
11. Бурлакова М.Л. Развитие взаимного страхования в России. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
12. Великанов Е.В. Управление финансами агропромышленных комплексов в Российской Федерации. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
13. Громыко Н.В. Метапредмет «Знание». М: Пушкинский институт, 2001. 544 с.
14. Громыко Ю.В. Метапредмет «Знак». М: Пушкинский институт, 2001. 288 с.
15. Громыко Ю.В. Введение в мышление и деятельность. М: Пушкинский институт, 2005. 384 с.
16. Грохотова Н.В. Налоговый менеджмент и его влияние на формирование прибыли организации. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
17. Гущина И.В. Реализация функций налога в налогообложении доходов физических лиц. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
18. Дедушев В.А. Развитие страхования предпринимательских рисков в России. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
19. Жилан О.Д. Формирование и оценка депозитной политики коммерческого банка. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
20. Звягинцева Н.А. Регулирование рынка ценных бумаг Российской Федерации. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2004.
21. Калачева М.С. Оценка влияния реструктуризации предприятий электроэнергетики на их налогообложение. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
22. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции/Перевод с немецкого Б. Солпнера и П. Юшкевича 1912 г. М: Изд-во Гнозис, 2006. 399 с.
23. Кислицына Л.В. Финансирование предприятий региона в условиях их структурирования. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
24. Ковтун Л.Р. Казначейское обеспечение расходов государственного бюджета в регионе. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
25. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е издание, исправл. и дополнен. М: Изд-во «Наука», 1975. 720 с.
26. Кузнецова Н.В. Развитие страхования в сфере туризма. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
27. Лукьянов Е.Г. Взаимодействие страховых организаций и банков на рынке страхования залогового имущества. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
28. Малов А.А. Налогообложение прибыли страховых организаций. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2003.
29. Махтина Ю.Б. Финансовый механизм функционирования обязательного медицинского страхования. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2003.
30. Маркс К. Капитал: в 3-х т. М: Изд-во политической литературы, 1988.

31. Орлова Е.Н. Формирование налогового потенциала в регионе. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
 32. Рассел Б. История западной философии. М: Академический проект, 2006. 1008 с.
 33. Розин В.М. Знание или схемы: познание мира или его конституирование? Кентавр, № 27 (ноябрь 2001 г.). С. 33-46.
 34. Сафонова Н.Р. Фонд социального страхования: формирование финансового механизма. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
 35. Татаринова Л.В. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости коммерческого банка. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2004.
 36. Трубачев Е.В. Управление расходами бюджетов на региональном уровне. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2004.
 37. Файберг Т.В. Государственный (муниципальный) заказ как форма организации бюджетного финансирования. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
 38. Финансы. Денежное обращение. Кредит: учеб. / Под ред. Л.Л. Дробозиной. М: ЮНИТИ, 2000. 477 с.
 39. Финансы: учеб. / Под ред. В.В. Ковалёва. 2-е издание, перераб. и дополн. М: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 640 с.
 40. Финансы: учеб. пособ. / Под ред. А.М. Ковалевой. 4-е изд., пераб. и дополн. М: Финансы и статистика, 2000.
 41. Финансы: учеб. / Под ред. В.М. Родионовой. М: Финансы и статистика, 1995.
 42. Финансы: учеб. / Под ред. М.В. Романовского и др. М: Перспектива, Юранг, 2000.
 43. Худякова Е.В. Внутренний контроль в коммерческом банке: оценка эффективности. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
 44. Цидыпова А.В. Собираемость налогов и сборов на региональном уровне. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
 45. Чичин В.В. Управление кредитными рисками. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2003.
 46. Шитиков Г.А. Управление размещением страховых резервов. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
 47. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М: ШКП, 1997. 656 с.
 48. Щедровицкий П.Г. Введение в синтаксис и семантику графического языка СМД – подхода. www.fondgp/lib/mmk/58.
- [1] «Онтология» – предполагаемая (как само собой разумеющаяся) «объективная картина мира», в рамках которой конкретная наука выделяет объекты своего исследования. Вне каких бы то ни было онтологических предположений не могут быть построены идеальные объекты и понятия науки и, следовательно, подлинная наука становится невозможной (превращаясь в мифологию, идеологию и другие ненаучные формы представления мира). Это было доказано ещё Лейбницем в XVII веке. Подробнее см. [7, с.53–54].
- 4 С несущественными вариациями: «отношения между участниками...[12] (органами...[28], субъектами...[45], банками...[27])», «отношения между государством и объединениями...[6]», «отношения, возникающие (складывающиеся) в процессе ...[10; 19; 21; 23; 31; 36; 44] (по поводу...[5; 16; 17; 18], при реализации...[9])».

[3] Т.е. «ухватить» за счет применения избранных методов исследования определённую (соответствующую методам) сторону подлежащего изучению объекта. О проблеме соотношения объекта и предмета научного исследования см. подробнее у Г.П. Щедровицкого [47, с. 600 и далее])

[4] В методологии принято различать «определение» (чего-либо) и «понятие» (о чём-либо). Правила, по которым следует строить «определения», и которыми пользуются до сих пор в науке, разработал ещё Аристотель [2, с. 174, 206]. Чтобы построить «определение», необходимо выявить собственные (в отличие от случайных) видовые отличия предмета (вещи) и подвести их под соответствующий род. Правильно построенное определение должно допускать обратимость. Возьмем два примера античных определений человека, первое из которых построено правильно, второе – неправильно: «человек есть живое существо, наделенное разумом» и «человек есть живое существо, имеющее две ноги». «Человек» в данных определениях «вид», «живое существо» – «род». В первой формулировке присутствует собственное видовое отличие человека – «наделенный разумом» (формулировка допускает обращение: «живое существо, наделённое разумом, есть человек»), а во второй – случайное, поскольку нельзя (логически неверно) сказать в обратном порядке: «живое существо, имеющее две ноги, есть человек», поскольку и у курицы тоже две ноги (см. также [15, с. 63 и 220-223]). В ряде финансовых исследований определения строятся без соблюдения указанных правил [21; с. 9; 31, с.10].

«Понятие» же – это инструмент не столько получения знания, сколько понимания чего-либо, чтобы можно было правильно и осмысленно действовать. Это – устойчивая смысловая структура (форма) сохранения и трансляции (в поколениях) понимания того, как этот предмет используется в жизни и деятельности людей. В «понятии» остановлен генезис смыслов в изменяющихся деятельностных ситуациях, произошедший в истории и зафиксированный в культуре. Поэтому «понятие» (любое) всегда многослойно и многозначно. Оно не может быть лаконично сформулировано и требует, как правило, своего многословного введения, чтобы у понимающего возникли устойчивые смыслы того, о чём идет речь, и как с этим правильно (культурно) обращаться в разных ситуациях деятельности [13, с. 295; 15, с. 195 и далее].

7 Вместо этого обычным приёмом в современных исследованиях является так называемое «уточнение» того или другого понятия (в соответствии с темой) с последующей новой формулировкой какого-то определения (см., например, [6; 16; 19; 21; 26; 27; 44]. Иногда прибегают к «уточнению определения понятия» [1; с. 9; 18, с. 6], что является такой же бессмыслицей, как жареный логарифм. Это свидетельствует о том, что многие современные исследователи финансов не различают «понятия» и «определения», подменяя одно другим.

[6] Здесь не будут рассматриваться случаи явно некорректного использования такого философского и методологического инструмента, как «категория». Имеются в виду случаи вульгарной предметизации категориального аппарата, когда говорят (пишут), например, «финансы как экономическая категория» [39, с. 9] или «категориальная природа налоговой нагрузки» [5, с. 7]. Мы считаем ошибкой уже после краха марксистской идеологии продолжать следовать его «изобретению» [30] и называть предметные экономические понятия «категориями». Мы придерживаемся общепринятого в философии и методологии

положения, что любая категория – это предельно широкая (и в этом смысле – непредметная, надпредметная) форма (структура) мысли. Это всегда – инструмент метапредметного анализа, организующий наш выход на объект или объективность. И никакая категория (из всех разработанных в истории человечества), строго говоря, никогда не может стать предметной формой чего бы то ни было. Равно как и наоборот: ни одно предметное понятие не может выполнять функции категорий [3; 15, с. 103; 25, с. 240; 47, с. 516].

[7] Известно, что Аристотель, действуя в пику Платону, не признавал математику как науку, описывающую основы устройства мира. «Математический мотив отступает у него на задний план» [22, с. 152]. Поэтому функциональности вещей Аристотель старался не касаться.

[8] По-видимому, советским идеологам надо было соблюсти требование первичности материального начала (имеющего сущности) и, в то же время, было уже хорошо понятно, что вещи в деятельности используются по назначению, т.е. имеют функции. В результате пришлось выдумать «диалектический» кентавр из двух несовместимых начал.

Опыт хронологического исследования и разработки маркера года^{†††††}.

Королев Петр Михайлович^{**}**

Исследовательская лаборатория
Образовательный центр
город Кудымкар
Пермский край, 619000 Россия

Аннотация

Цель статьи: сообщить о характере работ, связанных с представлением времени, на примере второй половины дня 23 февраля 2016 года показать возможность оргпроектирования на предлагаемой временной структуре, задать представление прошлого (в котором проходила жизнь Г.П.Щедровицкого) и будущего (в котором мы продолжаем начатое им движение мысли).

Конструкция, методология, подход: статья и доклад по ней носит характер нарратива, в котором речь идет о логике построения конструкции времени, осуществляется попытка привести эту конструкцию в систему; деятельностный подход не обсуждается, а подразумевается; вся работа ориентирована на построение принципа, с помощью которого можно объяснить почему некоторое событие происходило так и именно в это время, а также почему в будущем надо именно это действие произвести и именно в определенное время.

Открытие: нелинейное представление времени с использованием предположения о его циклической повторяемости, расслоение (квантование) времени, конструкция маркера года.

Исследовательские ограничения и приложения: мы ограничились лишь определенным набором предположений: 1) что ранг (индекс) временной игры определяется логарифмом по основанию 9, 2) что число игр разного ранга не превышает 40, 3) что игры с индексом k дополнены играм с индексом $-k$, 4) что игры, меньшего ранга, составляющие игру высшего ранга, связаны между собой определенной зависимостью, которую мы определяем как $D \rightarrow F \rightarrow E \rightarrow H \rightarrow G \rightarrow A \rightarrow D$, где буквенными индексами поименованы модальные окраски игр с более низким индексом (эти буквы – для простоты – обозначают ноты в принятой в музыкальной практике нотации), 5) что новая игра G_2 началась в 2012 году, 6) что существует связь между одними и теми же модусами игр с

^{†††††} Материал подготовлен для 2-й online конференции памяти Г.П.Щедровицкого

^{****} Радиофизик, методолог-игротехник, философ, doctor honoris causa Heshbjerg Peace Research Colledge, DK, директор образовательного центра. ул Володарского, 25, офис 12 Кудымкар Пермский край, 619000 Россия; E-mail: studiakorolevae@mail.ru

разными индексами. Мы приложили представление времени к некоторым фрагментам из жизни Г.П.Щедровицкого, которые актуальны для нашего времени, в частности для игры $G_1G_0 = DG=2016$.

Практическое применение результаты статьи могут найти: в работах по изучению творческой биографии Г.П.Щедровицкого, в проектировании будущих событий, в задании понятийной канвы происходящего.

Оригинальность и значимость: биография Г.П.Щедровицкого представлена в особой конструкции игры G_2 (продолжительностью 81 год), эта конструкция построена в форме новой игры G_2 (до 2092 года). Единицами игры G_2 являются игры G_1 и G_0 . Найдена форма маркера года (игры G_0).

Ключевые слова: Г.П.Щедровицкий, наследие, история, время, циклы, хронология, маркер, игры, 2016.

В.Я.Дубровский: ... время как-то квантовано

Г.П.Щедровицкий: ... я хочу за счет мышления схватить будущее

Г.П. Щедровицкий: ... Я же могу иерархизировать и квантовать развитие сколь-угодно много раз. Я могу поставить здесь n-ярусную иерархию, наверх водрузить. Задать в каждом из ярусов свое время движения. А могу задать любой механизм дискретных скачков с одного яруса на другой. У меня все это может двигаться таким образом: скользит, скажем, в k-том ярусе, потом зацепилось за что-то, щелчок, перескакивает на верхний ярус, там начало скользить, здесь стоит... (23 февраля 1970 г.)^{§§§§§}

1. Введение: О времени.

Оно задается каким-то эталоном, который сохраняет неизменность и который существует на некотором возобновляемом процессе. Принято считать, что таких движений три – земли вокруг своей оси, земли вокруг солнца и солнца вокруг центра галактики (назовем последнее галактическим годом)^{*****}. Первые два дают день и год, третье – какой-то большой масштаб времени. Физики при разработке стандартов частоты свои устройства конструируют основываясь на стабильности колебаний атома водорода, или цезия. Это чрезвычайно быстрые колебания. Есть еще ряд возвратных движений. Одно из них связано с обращением луны вокруг земли (лунный месяц). Если возвратность рассматривать как двухсоставное движение «туда-и-обратно», то цикл можно разбить на две части: так обращение земли вокруг своей оси можно разбить на две части: день и ночь. Эти возвратные (в определенном смысле колебательные) движения задают и характер жизнедеятельности, характер функционирования сознания (бодрствование, сонное).

^{§§§§§} Методологическая работа. Теория деятельности (анналы ММК. 1969/70) /Отв.о.ед. А.А.Пископфель, В.Р.Рокитянский, Л.П.Щедровицкий. М.: «Наследие ММК», 2009. – с.250, 254, 252

^{*****} Солнце располагается на расстоянии 10000 парсеков от центра галактики. Период обращения Солнца вокруг Ядра Галактики, составляет 221,5 млн. лет

День сменяет день, проходя через ночь, лето сменяет лето проходя через зиму. Вероятно, так же устроен и галактический год.

Человеческая жизнь как впрочем жизнь любого фрагмента действительности может быть маркирована моментами рождения и смерти. Если в возвратном движении достаточно одного маркера: он может толковаться как начальная и как конечная точка, - то в маркировке жизни, хотя и участвующей в возвратных движениях, существует два разных момента: воплощения, рождения в теле, и смерти (утраты тела). Собственно эти точки плюс имя и составляет «портфолио» каждого человека, жившего на земле. В масштабах галактического года эти точки очень близки друг к другу, в масштабах года земного эти точки ограничивают интервал в несколько десятков лет или несколько десятков тысяч дней. Временной ресурс – единственное, что есть у человека. Он по-разному используется. В зависимости от этого биографы исследуют периоды жизни человека (детство, отрочество, юность и т.д.), агиографы встраивают биографию человека в генезис рода, в более широкое образование, в общину. Жизнь обильная на земле гармонирует с мирозданием и общиной через духовность (красоту), - гласит одна азбучная истина). Бытие общинное покоится на путях, соединяющих все естество, вторит ей другая. Глаголющий истину, своему сердцу внемя, укрепляет душу, - отзывается в третьей. Окончания азбучных истин часто теряются во времени веков, язык строится на меньшем числе букв, азбучные истины кажутся анахронизмами, их место занимают твиты, сайты, блоги и пр. вещи информационной эпохи. Собственно и время, которое скрывалось в 49-й букве ижа Ё, становится иным, не ноуменальным. Восстанавливая старые смыслы азбучных истин, я намерен исходить из той, что получается в ходе спиральной развертки русской азбуки а(аз)с(зело)м(мыслете)у(ук)ъ(ер)(ять)ѣ(ижа): Я весьма мудр, устои творя родовые во времени.

2. Ритмический характер времени. К партитуре оперы.

Хорхе Луис Борхес в одном из своих рассуждений о цикличности времени пишет: «Марк Аврелий утверждает подобие, а не тождественность множества индивидуальных судеб. С его точки зрения, любой промежуток времени — век, год, одна-единственная ночь и, вероятно, ускользающее настоящее — содержит в себе всю историю целиком. В предельной форме эту гипотезу легко опровергнуть: один привкус отличен от другого, десять минут физической боли не равны десяти минутам алгебры. В применении к большим периодам, к семидесяти годам нашего возраста, обещанным Книгой Псалмов, эта гипотеза правдоподобна и терпима. Она сводится к утверждению, что множество ощущений, эмоций, мыслей, превратностей человеческой судьбы ограничено и мы истошаем его задолго до нашей смерти. И вновь Марк Аврелий: “Кто видит нынешнее, все увидел, что и от века было и что будет в беспредельности времен» (перевод А.К.Гаврилова) [Борхес, 1997, с.209].

Как выразить мысль, касающуюся памяти ГП? Мы можем слышать «голос» его 11-летнего, 20-летнего, 29-летнего, 38- и 47-летнего, мы можем слышать его голос 56-летнего, но вряд ли способны услышать его голос 2-летнего или 65-летнего. В первом случае он слаб, во втором – тоже слаб, это голос потусторонний (он чуть-чуть не дожил до 65), и как его услышать?

Мы можем построить пространство музыкальной композиции, взяв слышимые голоса в качестве отдельных дорожек ре, ми, фа, соль, ля, си, до, или в нотации D, E, F, G, A, H, C, соответственно, и двух мест для пока пустых треков (V и N). Отметим для памяти интервалы лет каждого голосового трека: D (1931-39), E (1940-48), F (1958-66), G (1967-75), A (1985-93), H (1994-2002), C (1922-30/2003-11). Диапазоны “пустых” треков - V (1949-57) и N (1976-1984). Ничего себе «пустые треки», там же происходило столько всего! Это так, но пока нет продолжения в «до», значения этих треков «пустые». Задача: через музыкальную композицию достроить этот трехмерный объект V-N-C, схватить идею жизни ГП⁺⁺⁺⁺⁺.

Рисунок 1. Представление игры в виде структуры из 9 разных модальных элементов.

Отметим, что D, E, F “лежат” как бы в минорной стороне (Инь 阴) целого (Тай Цзи 太极), а G, A, H – в “мажорной” (Ян 阳), светлой его части. 23 декабря 1966 года происходил переход от тени к свету. Поэтому в партитуре мы можем пометить этот водораздел (ГП 37 лет и через пару месяцев исполнится 38).

Я его знал с января 1984 (мы познакомились в Горьком на ОДИ-30) по сентябрь 1993. Модус C «пустого» трека N и целый трек «ля»/A.

⁺⁺⁺⁺⁺ Хронотоп жизни века XX в его части CC, с переходом в век XXI, выглядит так:

D 31 32 33 34 35 36 37 38 39 ₁₁	(-)
E 40 41 42 43 44 45 46 47 48 ₂₀	(-)
V 49 50 51 52 53 54 55 56 57 ₂₉	()
F 58 59 60 61 62 63 64 65 66 ₃₈	(-)
G 67 68 69 70 71 72 73 74 75 ₄₇	(+)
N 76 77 78 79 80 81 82 83 84 ₅₆	()
A 85 86 87 88 89 90 91 92 93 ₆₅	(+)
H 94 95 96 97 98 99 00 01 02	(0)
C 03 04 05 06 07 08 09 10 11 ₂	(X)

В феврале 1939 г. ГП исполнилось 10 лет, начинался 11-й

Как по фрагменту восстановить целое? Использовать законы времени, еще не открытые, но интуитивно воспринятые и Хлебниковым и Гурджиевым.

И, безусловно, его наследие... (см. Приложение1)

Схематически мы можем воспользоваться «схемой квадрата», положив в нижний левый угол такой «объект» как ГП и производя с этим объектом некоторые действия, записывать результаты выше в верхней части квадрата как знания и операции над ними. Собственно, «хронотоп жизни» и есть такого рода «знание». Кроме того, мы можем отобразить этот процесс в сознании, при этом нам потребуется выбор (или конструкция) угла зрения. Предпринимаемая нами попытка построения музыкальной композиции осуществляется из музыкального угла зрения. Эти углы зрения могут также видоизменяться, обрастать другими углами, задавая рамку рассмотрения «квадрата» с того или иного «табло сознания».

2012 год (а дневник я стал вести с этого года) есть начало «минорной» части целого DD (девятилетней игры). 2016 – начало мажорной его части. Связи: 2012->2015->2013->2019->2016->2018->2012 стоит рассмотреть. Первые три влияния формируют основу для определения текущего года. В свою очередь, год 2016 через 2018 задает дополнительные определения году 2012. Переход от 13 к 19 году параллелен переходу в куве. Связь 18->12 рефлексивна, позволяет луне отразить солнечный свет на мир планет. Проживая мыслью в 2016 году, мы задаем основу году 2018-му.

3. Программа онлайн игры, посвященной памяти Г.П.Щедровицкого.

Нетрудно составить программу онлайн игры, руководствуясь эннеаграмматической схемой маркирования времени и программной статьей (1968) Г.П.Щедровицкого в сборнике: «Педагогика и логика»^{*****}, а также особенностями второй половины дня памяти ГП.

Эта игра является частью однодневной игры G-2 ; она разработана для конкретного случая (даты), а именно для второй половины дня 23 февраля 2016 года. Для другой игры G0 она должна быть пересмотрена, равно как и для другой игры G-1.

Время проведения 23 февраля 2016 года с 16:00 до 22:40

Участники: докладчики на 2-й онлайн конференции, приглашенные организаторами сетевого события лица, участвующие в методологической практике или интересующиеся возможностями участия. Как вариант: все желающие прояснить для себя, в чем заключался вклад ММК и Г.П.Щедровицкого в философскую мысль.

^{*****} Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Георгий Щедровицкий, Вадим Розин, Никита Алексеев, Нелли Непомнящая. Педагогика и логика. – Касталь, 1992. – с.113

Таблица 1. Порядок проведения игры (полуигры)
G₃

Коллоквиум К 16:00-17:20	Обсуждение темы К: «Системы, описывающие разные формы культуры, нормирующие деятельность и ее социальную организацию»	G ₄ G H->G->A
Круглый стол 17:20-18:40	Формулирование результатов обсуждения в двух описаниях: структурно-семиотическом и феноменологическом	G ₄ N
Коллоквиум И 18:40-20:00	Обсуждение темы И: «Системы, описывающие разные формы «поведения» отдельных индивидов»	G ₄ A G->A->D
Коллоквиум О 20:00-21:20	Обсуждение темы О: «Системы, описывающие объединение индивидов в группы, коллективы и т.п.»	G ₄ H E->H->G
Дискуссия В 21:20-22:40	Завершающая дискуссия на тему В: «Система, описывающая основные схемы и закономерности социального воспроизводства (функционирование и развитие)»	G ₄ C

4. Цикличность

Размышляя о циклической фигуре времени, нетрудно придти к такому конструктивному ходу: если мы линию закруглили один раз, то почему бы ее не закруглить – в другом измерении – и второй раз. Земля же вращается и вокруг своей оси и вокруг Солнца. А если продолжить, то Солнце тоже движется по своей орбите вместе с другими звездами нашей галактики. Модельно это выглядит как пружинка, закрученная в пружинку. И так несколько раз. Как это изобразить на рисунке понятным образом? Принцип такой: девять оборотов нижнего уровня задают один оборот верхнего. Много часов кряду в сновидческой реальности я закручивал эти спирали, создавая многомерную конструкцию времени. Наиболее ценный ресурс – это время. Его нельзя накопить, им нельзя управлять. Его надо проживать, даже если ты в нем не нуждаешься и сильно напрягаться, когда его не хватает. Человечество переводит время в результаты своего труда, в которых этот ресурс имеет превращенную форму. Задача - воспользоваться результатами труда, выявить, извлечь оттуда этот концентрированный ресурс, пустить его в дело нового созидания, добавляя свое время.

Является ли знание подобным ресурсом? На этот вопрос нельзя дать определенного ответа, поскольку, если оно имеет прикладной характер, то оно может стать ресурсом той деятельности, к которой применяется. В противном случае знание есть то, что наполняет базы знаний и нуждается в майнерах разного рода.

Но перейдем к временным интервалам разной длительности и зададим таблицу таких интервалов, воспользовавшись индексацией их,

Таблица 2. Индексы игр

Индекс N (уровень, слой шкала) – центрированный на год (в скобках: центрированный на день)													
13 (17)	12 (16)	11 (15)	10 (14)	9 (13)	8 (12)	7 (11)	6 (10)	5 (9)	4 (8)	3 (7)	2 (6)	1 (5)	0 (4)
2,67Г	297В	33В	3,51В	388М	43.2М	4,8М	531К	59К	6561	729	81	9	1
В годах													

Индекс N (уровень, слой шкала) – центрированный на год (в скобках: центрированный на день)													
0 (3)	-1 (2)	-2 (1)	-3 (0)	-4 (-1)	-5 (-2)	-6 (-3)	-7 (-4)	-8 (-5)	-9 (-6)	-10 (-7)	-11 (-8)	-12 (-9)	-13 (-10)
1	1/9	1/81	1/729	1/6561									
1	40	4	12,02	80	8,9	59,4	6,6	733	81	9,05	1006	112	12,42
год	дней		часов	минут		секунд		миллисекунд			микросекунд		

Если перевести две кривые – частотную и пространственную на декартову систему координат, значения оси абсцисс которой есть порядок игры, логарифм по основанию 9 число лет в цикле, то получим следующее (Рисунок 2).

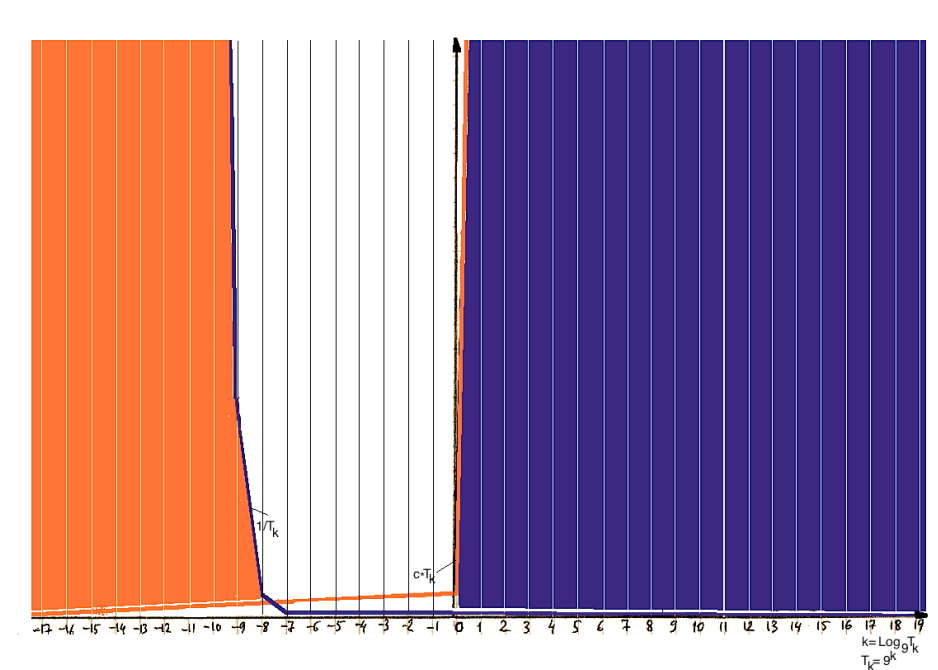
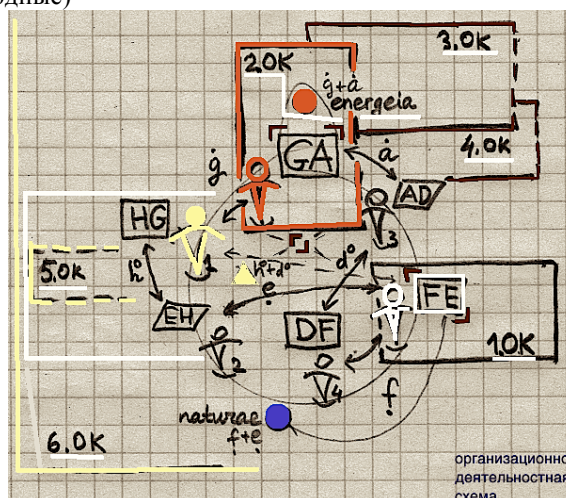

Рисунок 2. Представление времени в индексах игр.

Левая зона – зона светописа (размеры области, которую проходит свет за единицу времени, определяемой порядком игры, становится все ближе и ближе к

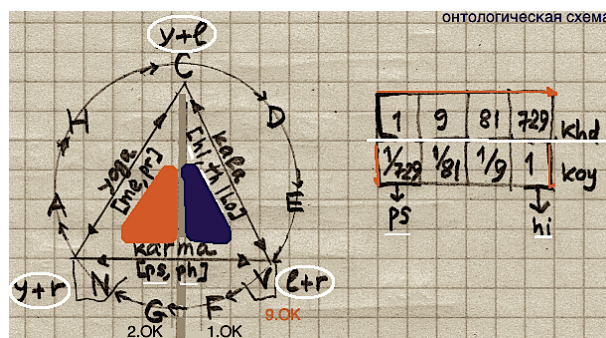
На ОД-схеме изображено 6 позиций (Рисунок 3). Формирование «красной позиции» - задача 2 онлайн конференции (2.ОК). Это позиция, из которой строится деятельность по переводу наследия ММК в область повседневности (этнометодология). На третьей конференции возможно построить практику этой деятельности, предусмотрев работы по построению онтологии деятельности.

На объектно-онтологической схеме («доске») я изобразил свое представление «хода времени» - по кругу, по часовой стрелке, разделив эту окружность на девять модусов. Каждый из которых соответствует определенной единице времени (день, год и их производные)

Бета- ритм осуществляется с частотой 14-20 Гц (повседневная деятельность), альфа-ритм с частотой 8-13 Гц (возвышенная и показательная деятельность), тета-ритм с частотой 4-7 Гц (пиковые значения активности), дельта-ритм с частотой 0,5-3 Гц (глубокий сон, глубокая медитация, бессознательное состояние).

***** Последние новости из области физических наблюдений говорят об обнаружении гравитационных волн от слияния двойной черной дыры с частотой от 35 до 250 Гц, что соответствует циклу игры G_9 (См. Abbott B.P. et al., 2016)

В определенном смысле – и это является конструктивной задачей – энергия определяется как конфигуратор (кооперация) методологической и психологической работ (позиций).

Сосредотачиваюсь на схеме лет с 2012 по 2092. Разбивая эту таблицу на кусочки: получаем:

DD 2012-2092								
2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
2030	2031	2032	2033	2034	2035	2036	2037	2038
2039	2040	2041	2042	2043	2044	2045	2046	2047
2048	2049	2050	2051	2052	2053	2054	2055	2056
2057	2058	2059	2060	2061	2062	2063	2064	2065
2066	2067	2068	2069	2070	2071	2072	2073	2074
2075	2076	2077	2078	2079	2080	2081	2082	2083
2084	2085	2086	2087	2088	2089	2090	2091	2092

studia korolevae 2016-02-24

Весь пласт лет разбивается на три пространства: левое (первые четыре столбца) и правое (следующие четыре столбца), особое пространство представляют годы последнего столбца. Точно так же разбивается массив лет и по горизонтали – три пространства: это первые 4 строки, следующие четыре строки и последняя строка. Схема 4+4+1

Другой способ разбивки: по вертикали первые два столбца, третий столбец, следующие два столбца, шестой столбец, следующие два столбца (седьмой и восьмой) и, наконец, последний столбец. То есть по схеме 2+1+2+1+2+1. Точно по такой же схеме разбивка и по горизонтали. Столбцы и строки 3, 6 и 9 составляют особые наборы лет. При этом я бы выделил те года, которые стоят на пересечении строк и столбцов с номерами 3, 6 и 9: это 2023 год, 2062 и 2092 год. Если этим годам придать значение некоторой цели работы, то можно записать на листочках с этими маркерами года следующее. 2023 – разработка знакового пространства, 2062 – разработка технологий конструирования значений, 2092 - формирование смысла и знания периода DD (2012-2092), смысловые итоги игры.

Собственно методологический фокус работ – это взгляд на 2062 год «глазами» 2092 года. Взгляд мыследеятельностный. Следует отметить, что нынешний год 2016 предшествует 2017 году, который находится в одном столбце с 2062 годом. То есть 2016 год стоит рассматривать как год пропедевтической работе к тому, чтобы в следующем году начать закладывать основы нового понимания метода, знания, смысла, знака и ценности.

7. О времени и его маркерах

Если мы думаем о прошлом в категориях с использованием маркеров игр G_2 , то и будущее надо промысливать в этих же категориях G_2 . Но полный круг этих игр образует игру G_3 , следовательно, нужно соплагать эти игры G_3 . Но игры G_3 имеют разные модусы в рамках G_4 . Поэтому соплагание потребует рассмотрения одномодусных G_3 из рядоположенных игр G_4 . В равной мере это относится и к сопоставлению игр G_2 (либо сопоставляя одномодусные, либо разно-модусные, но в соответствии с законом семи их взаимодействий). Разумеется, это правило сопоставлений касается и всех прочих игр с индексами 1, 0, -1, -2 и т.д. Для простоты маркирования мы можем использовать такую нотацию (n,m) , где $n=(-k,+k)$ индекс игры, а $m=(d,e,v,f,g,n,a,h,c)$ индекс модуса игры. Тогда начавшаяся сегодня 4-дневная игра GE может быть записана так: $(0,g)(-1,e)(-2,e)$. Длиннее, но понятнее. Кажется правильнее делать симметричные конструкции, включая индексы игр, равных по модулю. Тогда, сегодняшняя игра будет записана так: $(2,d)(1,d)(0,g)(-1,e)(-2,e)$, а в модальных взаимодействиях с другими играми G_0 может быть записана в виде трехслойной конструкции (игра верхнего уровня «воздействует» на игру среднего, а игра среднего слоя определяет характер игры нижнего слоя):

(2,d)(1,d)(0,h)(-1,e)(-2,e)
 (2,d)(1,d)(0,g)(-1,e)(-2,e)
 (2,d)(1,d)(0,a)(-1,e)(-2,e)

Если же рассмотреть генезис игры и записать полную систему модальных взаимодействий (взаимовлияний) на уровне G_0 , то получим такую 7-этажную конструкцию^{†††††††}:

(2,d)(1,d)(0,d)(-1,e)(-2,e)
 (2,d)(1,d)(0,f)(-1,e)(-2,e)
 (2,d)(1,d)(0,e)(-1,e)(-2,e)
 (2,d)(1,d)(0,h)(-1,e)(-2,e)
 (2,d)(1,d)(0,g)(-1,e)(-2,e)
 (2,d)(1,d)(0,a)(-1,e)(-2,e)
 (2,d)(1,d)(0,d)(-1,e)(-2,e)

в которой текущая игра находится на пятой строке сверху.

Так мы записываем маркер игры 2016 года, в срезе текущей даты (“недели”), не фокусируясь на модальных взаимодействиях игр слева и справа от G_0 .

Напомним, что продолжительность игры G_3 составляет 729 лет, и если мы сопоставим игры с этим индексом, то соприкасаются два периода (1283-2011) и (2012-2740). Каждая игра (3,k) включает в себя девять игр (2,l) и является одной из девяти игр, составляющих игру (4,m). Продолжительность последней (G_4) 6561 год. Отметим, что наблюдаемое ускорение исторического времени позволяет рассматривать и однодневные игры (-3,k), и даже игры часовые (-4, k) (продолжительностью 80 минут), что открывает технологический путь к рассмотрению масштабов исторического охвата в 6561 год. На этом пути технологической сингулярности открываются перспективы построения 9 и 1 минутных игр (-5,k) и (-6,k), соответственно. В этом случае, конструкция маркера времени становится такой:

(6,□)(5,□)(4,□)(3,□)(2,□)(1,□)(0, □)(-1,□)(-2,□)(-3,□)(-4,□)(-5,□)(-6,□)

или в генетическом представлении такой:

^{†††††††} Согласуется ли это с тем, что Г.П.Щедровицкий [1990] называл n-ярусная иерархия, трубет дополнительного изучения. То, что в каждом из этажей (или «ярусов» по ГП) «свое время движения», это так, при этом мы исходим из простейшего способа квантования – разделения последовательности лет на группы по 9n лет. При этом изменения в индексе года наблюдаются только в центральном столбце.

$(6, \square)(5, \square)(4, \square)(3, \square)(2, \square)(1, \square)(0, \square)(-1, \square)(-2, \square)(-3, \square)(-4, \square)(-5, \square)(-6, \square)$
 $(6, \square)(5, \square)(4, \square)(3, \square)(2, \square)(1, \square)(0, \square)(-1, \square)(-2, \square)(-3, \square)(-4, \square)(-5, \square)(-6, \square)$
 $(6, \square)(5, \square)(4, \square)(3, \square)(2, \square)(1, \square)(0, \square)(-1, \square)(-2, \square)(-3, \square)(-4, \square)(-5, \square)(-6, \square)$
 $(6, \square)(5, \square)(4, \square)(3, \square)(2, \square)(1, \square)(0, \square)(-1, \square)(-2, \square)(-3, \square)(-4, \square)(-5, \square)(-6, \square)$
 $(6, \square)(5, \square)(4, \square)(3, \square)(2, \square)(1, \square)(0, \square)(-1, \square)(-2, \square)(-3, \square)(-4, \square)(-5, \square)(-6, \square)$
 $(6, \square)(5, \square)(4, \square)(3, \square)(2, \square)(1, \square)(0, \square)(-1, \square)(-2, \square)(-3, \square)(-4, \square)(-5, \square)(-6, \square)$
 $(6, \square)(5, \square)(4, \square)(3, \square)(2, \square)(1, \square)(0, \square)(-1, \square)(-2, \square)(-3, \square)(-4, \square)(-5, \square)(-6, \square)$

Здесь $\square$ - индекс модуса соответствующей игры, а семь слоев соответствуют генезису определенной игры. Про индекс модуса следовало бы рассуждать особо.

Каждую модальную связь в играх личной истории ГП можно обернуть в будущее, найдя в нем соответствующий модус для привязки. К этому тоже надо бы вернуться.

8. Пример. Рассмотрим два года

1966 = (2,C)(1,F)(0,C)(-1,X)(-2,Y); 1986 = (2,C)(1,A)(0,E)(-1,X)(-2,Y)

Первый год имеет маркер, указывающий на то, что в модусе мира планет F девятилетнего периода с 1958 по 1966, достигнут уровень наилучшего понимания идеи всех проводившихся работ. В следующем году произойдет смена индексов (1,G)(0,D), и начнется девятилетний цикл, подобный годовому 2016 года по индексам G, D, правда, относящемуся к разным индексам игр. 2016 = (1,D)(0,G). Но обращение к году 1966 значимо, поскольку в нем этот намечаемый переход скрыт, как скрыт он и до момента начала 2- онлайн конференции памяти ГП.

1986 – некоторого рода «эпохе» в личной истории ГП, и созданием им отчета “Типология ситуация проведения изысканий”^{*****}, образцового эталонного документа о том, как должно оформляться методологическое исследование (разработка программного типа). Индексы (1,A)(0,E) этого года также показательны, поскольку имеется соответствие между индексом (0,E) года 1986 и «местом отправки» результатов 2015 года (результатов 1-й онлайн конференции), а также по вертикальной линии полной нотации маркера воздействие на годовую игру (0,H), определяющую характер года 2016 (и 2-й онлайн конференции). Индекс (1,A) игры G_1 (девятилетнего цикла, 1985-1993) может использоваться в конференции этого года как указание на период пристального изучения (в личной истории ГП); и это вполне соответствует генетике (0,G) года 2016, результаты которого будут реализованы в году 2018 с индексом (0,A).

^{*****} Файл gp86f.doc; gp.86f.pdf Доступно по ссылке: <https://yadi.sk/i/aD56HCA9oJBdf>

9. Заключение

Георгий Петрович Щедровицкий прожил яркую, но короткую жизнь. Продолжительность ее меньше длительности цикла игры G_2 , он ушел в мир иной в 1994 году ($G_1 G_0 = HD$). Для восстановления смыслов игры G_2 требуется «восполнение» содержания игр $G_1 = H$ (1994-2002) и C (2003-2011). Частично, такая компенсация осуществлялась самим мыслителем по линии $E \rightarrow H$ и в структуре $N-V-C$, частично в рамках подготовки и проведения Чтений памяти Г.П.Щедровицкого. Уже второй раз проходит онлайн конференция, в рамках подготовки к которой определился круг вопросов, специфических для этой формы коммуникации. Для решения всех этих вопросов формируется “клуб” (сетевой сообщество) и разрабатывается методология онлайн хронотопа. Задача этой статьи заключается в том, чтобы найти конструкцию маркера года (игры G_0) и других временных циклов (игр), дополнительные инструменты восстановления смыслов игры G_2 (1931-2011), в которой волей судьбы пришлось прожить свою жизнь Г.П.Щедровицкому и многим его последователям.

Идея хронологического исследования имеет в своем развитии свою историю. Вероятно, в соответствующем месте надлежит развить и этот момент, чтобы перенести методологию хронологического исследования на само себя и определить перспективы в виде, например, программы^{ssssssss}. Вероятно, стоит пересмотреть и некоторые исследовательские ограничения. Предстоит рассмотреть и возможность применения аппарата математической теории Тейхмюллера (Шиничи Мочидзуки^{*****}) для разработки инструментария и техник работы с индексами года.

Приложение1

1990-01-02

Щедровицкий. Очень интересный вопрос, Вася: чье время?

Действительно. И первое, что я извлек, слушая Раца, в его сбивчивых рассказах про экологическую игру в Ленинграде, что, вроде бы, Сережа Попов и Петр Щедровицкий получили там первый, очень интересный шаг в плане анализа схем МД. Какого рода?

Ведь что там, если я правильно понял Раца, они, Попов и Петр Щедровицкий, утверждали?

Они говорили, что есть что-то, что должно выкладываться на доску в точном и узком смысле этого слова, на доску, имеющую вид ортогонали, и ортогональных организаций. Но так, например, **обсуждать последствия** сложившейся экологической ситуации, на доске, вырисовывая их, нельзя. А надо обязательно нарисовать еще здесь соответственно топы табло сознания участников обсуждения. И последствия будут и должны рисоваться на этих табло. И это есть первый очень интересный результат по развитию схем МД. Я понятно сказал?

^{ssssssss} Следует обратить внимание и на исследование формирования и структурирования самой памяти о прошлом. Интересные материал дает рецензия М.Немцева “Убедительная форма памяти”//Ab Imperio, 1/2013, сс. 347-350, 352-356, 358-360

^{*****} Четыре его программные статьи доступны по адресу: https://yadi.sk/d/GkYvK6i_hep6W

И получается, что **досок уже шесть**. И это, вроде бы, и есть решение того парадокса, который мы зафиксировали – насчет того, что *есть настоящее* или, наоборот, *прошлое и будущее*, а не настоящее. Понятно я говорю?

Хромченко. Произносите понятно. А так – надо думать еще... А вот тот, этот – нижний-то?

Щедровицкий. Нижний тоже имеет табло. Морковок без табло нету. Все морковки...

Хромченко. ... по принципу – с табло.

Щедровицкий. ... несут, да, – несут на себе табло.

И в этом смысле, смотрите, как они решают вопрос?

Они говорят: **настоящее** вот здесь, на доске, в ее онтологической плоскости или в других составляющих, организационно-деятельностной, или как-то иначе мы их будем определять и характеризовать;

а последствия – у каждого на табло. И только там эти последствия существуют.

И в этом смысле последствия, утверждают они, носят субъективированный характер.

Хромченко. Рефлексивный? Последствия чего?

Щедровицкий. Некогого события.

Грязнова. И прошлого точно так же?

Зудин. Да. И поэтому у бюрократов последствия – а, не будет мыла!

А у человека, который из «зеленой» партии, у него другая, значит, а, кругом всё вымрет!

Некто. У каждого своё, значит, фиксируется на табло?

Щедровицкий. Да, если переводить так, прямо на обыденный уровень, – то да.

Хромченко. И отсюда получается, что они в разном времени живут...

Щедровицкий. А вот насчет того, в каком времени они живут, – не понятно.

... *Ванюшин*. Что там на табло – это никому не известно. А вот если каждый из этих начнет действовать, вот там уже последствия должны появляться.

Проблема еще *действия* а не *мыследействия*.

Щедровицкий. Я ваш материализм понимаю, Валерий Анатольевич, но видал я его в белых тапочках, ваш этот... остатки вашего материализма.

И тезис состоит как раз в отрицании того, что вы говорите.

То есть утверждается, что, если вы хотите просечь и зафиксировать ситуацию, то вы должны учитывать, с одной стороны, доску, на которой происходит сиюминутная **объективация**, хотя и идеальная,

а с другой стороны, – табло сознания, на которых объективации не происходит, идет, наоборот, **субъективация**.

Но как только мы ввели табло сознания в эту схему, так субъективность, в соответствии с тезисом Маркса, стала основной объективностью, ведущей и определяющей.

И оппозицию объективного и субъективного мы, таким образом, сняли.

И не надо ждать, когда выльется всё это в действия.

... Достаточно зафиксировать намерения и представления людей, возникающие у них в табло сознания, и мы, таким образом приходим к невероятно важной и значимой теме, которая, наверное, и должна стать первой темой следующего ежегодного съезда, 91-го года.

Тема «**Мыследеятельность и сознание**», или «**Сознание и мыследеятельность**».

Надо рассматривать обе связи или оба направления этих отношений порознь, но вместе.

МД как форма бытийности и сознание.

При этом сознание ставится в один ряд с мыследеятельностью как ее, мыследеятельности, подсистема. И здесь возникает масса интересных и тонких проблем. Артем, я понятно говорю?

Зудин. Задумался.

Щедровицкий. Нет. ...††††††††

Литература

1. Abbott B. P. et al. Observation of Gravitational Waves from a Binary Black Hole Merger (LIGO Scientific Collaboration and Virgo Collaboration)//Selected for a Viewpoint in Physics PRL 116, 061102 (2016) 12.02.2016 DOI: 10.1103/PhysRevLett.116.061102 Доступно: <http://journals.aps.org/prl/pdf/10.1103/PhysRevLett.116.061102>
2. Борхес Х.Л. Сочинения. Т. I. М.: Полярис, 1997. С. 209
3. Королев П.М. Исторические процессы: циклы истории // *Прикамье на рубеже веков*. Материалы научно-практической конференции. – Кудымкар, 2008. – сс. 6-11
4. Королев П.М. Ритмическая основа мифа и практической деятельности // *I Международный конгресс традиционной художественной культуры: фундаментальные исследования народного искусства* (26 – 29 ноября 2011 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2013. С.275-276
5. Королев П.М. Стохастический момент истории (2012) // *Локальные истории как часть всеобщности социума*. Материалы научно-практической конференции. Пермь, 2014. – сс.178-188
6. Немцев М. Убедительная форма памяти // *Ab Imperio*, №1, 2013, сс346-360
7. Хлебников Велимир. *Собрание сочинений в шести томах* / под общей редакцией Р. В. Дуганова. Том шестой. Книга вторая. Доски судьбы. Мысли и заметки. Письма и другие автобиографические материалы 1897-1922. Составление, подготовка текста и примечания Е. Р. Арензона и Р. В. Дуганова. – М: ИМЛИ РАН, 2005
8. Щедровицкий Г.П. *О некоторых особенностях системного анализа исторических процессов* Семинар 2 января 1990 года (подготовка текста не завершена) CD ROM Наследие ММК 2005 ГП1990-01-02.pdf сс.30-33 Доступно на: <http://www.slideshare.net/studiakorolevae/1990-0102>
9. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Георгий Щедровицкий, Вадим Розин, Никита Алексеев, Нелли Непомнящая. *Педагогика и логика*. – Касталь, 1992. – с.113
10. Щедровицкий Г.П. Типология ситуаций проведения изысканий (1986)//Щедровицкий Г.П. *Программирование научных исследований и разработок* [Из архива Г.П.Щедровицкого]. Т.1. - М: Наследие ММК, 1999. - сс.187-280; Доступно по ссылке: <https://yadi.sk/i/aD56HCA9oJBdf>

†††††††† Щедровицкий Г.П. О некоторых особенностях системного анализа исторических процессов Семинар 2 января 1990 года (подготовка текста не завершена) CD ROM Наследие ММК 2005 ГП1990-01-02.pdf сс.30-33 Доступно на: <http://www.slideshare.net/studiakorolevae/1990-0102>